

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Филологический факультет

Кафедра иберо-романского языкознания

Выпускная квалификационная работа

студентки 2 курса магистратуры программы «Теория перевода
и сопоставительное изучение языков: иберо-романские языки»
направления «Филология» в рамках интегрированного профиля
«Современные западноевропейские языки и литературы»

Мамиловой Светланы Абдурахметовны

Перевод и лингвостилистический анализ повести Бернардо

Ачаги «Воспоминания одной баскской коровы»

Научный руководитель

к. ф. н., Шамарина А. А.

Москва, 2021

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Художественный перевод повести Бернардо Ачаги ВОСПОМИНАНИЯ ОДНОЙ БАСКСКОЙ КОРОВЫ.....	7
1. Напутствие моего внутреннего голоса, или как я решила писать эти коровьи воспоминания. Воспоминание о снегопаде.....	7
2. Почему я не возвращаюсь в Баланцатеги, мой отчий дом. Рассказ Полин Бернадетт. Моя первая неприятность, моё рождение.....	21
3. Зелёное Стекло и двое его подчинённых. Рассказы о вавилонской башне. Незнакомая корова по имени La Vache Qui Rit спасает мне жизнь и затем рассказывает о войне, которая только что закончилась.....	33
4. Моя счастливая жизнь в Баланцатеги и её грустное продолжение. Женщина по имени Хеновева. Пир, который устраивают нам, чёрным коровам. Что случилось ночью после пира.....	49
Глава 2. Художественное своеобразие повести Бернардо Ачаги «Воспоминания одной баскской коровы».....	66
2.1 О творчестве Бернардо Ачаги.....	66
2.2 Повесть «Воспоминания одной баскской коровы» в контексте творчества Б. Ачаги.....	69
Глава 3. Теоретические аспекты художественного перевода.....	74
3.1 Особенности перевода художественных текстов.....	74
3.2. Эквивалентность и переводимость в переводоведении.....	82
3.3. Особенности перевода сказок и стилизованных фольклорных текстов. 88	
Глава 4. Лингвостилистический анализ повести Бернардо Ачаги «Воспоминания одной баскской коровы».....	94

4.1. Отличия баскского оригинала от испанского перевода.....	126
Заключение.....	131
Библиография.....	135
Приложение.....	139
5 Я покидаю компанию глупых коров, и это приводит меня в пустыню. Фургончик Шевроле привозит все больше корма. Я открываю одну из тайн Баланцатеги.....	139
6. Наш долгий разговор с La Vache. Зануда рассказывает мне об Альфе и Омеге. Начинает вращаться Великое колесо Тайн. В Баланцатеги происходят важные события.....	154
7. В Баланцатеги меняется положение дел. Мы с La Vache попадаем в лапы какой-то молодёжи. На деревенском празднике я вспоминаю о святом Евтропии.....	176
8 Мы с La Vache начинаем жить далеко в горах и видим кабанов. Сложности, которые возникают между нами, и как мы расстались. Я веду с Занудой серьёзный разговор об Индии, Пакистане и других местах планеты.....	190
9 Здесь заканчиваются эти воспоминания, по крайней мере, на сегодняшний день.....	209

Введение

Данное исследование посвящено переводу и лингвостилистическому анализу повести Бернардо Ачаги «Воспоминания одной баскской коровы». Актуальность работы состоит в том, что эта повесть впервые переводится с испанского на русский язык, также впервые рассматриваются ее лингвостилистические особенности, выделяются и анализируются трудности ее перевода на русский язык, а также проводится сравнение с баскским вариантом повести.

Методологической базой послужили работы видных отечественных и зарубежных переводоведов, посвященные теоретическим и практическим вопросам художественного перевода (И. С. Алексеевой, Л. С. Бархударова, В. С. Виноградова, С. И. Влахова, В. Г. Гака, Н. Галь, Н. К. Гарбовского, В. Н. Комиссарова, А. Лиловой, Н. М. Любимова, Ю. Л. Оболенской, Я. И. Рецкера, А. В. Фёдорова, С. П. Флорина, К. И. Чуковского, А. Д. Швейцера и др.)

Целью данной работы стало осуществление литературного перевода на русский язык повести Бернардо Ачаги «Воспоминания одной баскской коровы» и выявление ее лингвостилистических особенностей.

Для достижения вышеназванной цели были поставлены следующие **задачи**:

– охарактеризовать особенности творчества Бернардо Ачаги и вписать в его контекст повесть «Воспоминания одной баскской коровы»;

– разобрать основные положения теории художественного перевода, понимание которых необходимо для исследования;

– перечислить наиболее часто встречающиеся в очерках тропы, лексические и синтаксические единицы и выявить их связь с художественными задачами автора;

– найти соответствующие эквиваленты в языке перевода, соответствующие его типологии и узусу, объяснить перевод наиболее характерных и сложных тропов, лексических и синтаксических единиц текста;

– сравнить некоторые элементы испанского и баскского вариантов текста повести.

Материалом исследования послужило произведение Бернардо Ачаги «Memorias de una vasa», написанное автором в 1991 году на баскском языке, а затем переведённое на испанский язык Арансасу Сабан (Aránzazu Sabán). Оно было выбрано для перевода из-за интереса к творчеству Бернардо Ачаги, который пишет и на испанском, и на баскском языках, а также потому, что данное произведение прежде не переводилось на русский язык, а сам Бернардо Ачага практически неизвестен русскоязычному читателю. В специалитете нами была защищена дипломная работа по художественному переводу других, более ранних произведений Бернардо Ачаги – рассказа из сборника «Обабакоак» и повести для детей «Николаса: приключения и проделки», поэтому было принято решение продолжать изучать творчество этого писателя.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. Во **введении** указывается материал, выбранный для исследования, объясняется его выбор, определяются цель и задачи работы, а также описывается

структура работы. В **первой главе** даётся художественный перевод первых четырех глав повести, дающих представление о творческой манере Ачаги и художественном своеобразии исследуемого произведения. Во **второй главе** кратко рассказывается о творчестве Бернардо Ачаги и о самой повести. В **третьей главе** рассматриваются особенности художественного перевода, проблема эквивалентности в переводе, особенности перевода сказочных произведений. В **четвертой главе** дается лингвостилистический анализ повести Бернардо Ачаги «Воспоминания одной баскской коровы», рассматриваются трудности ее перевода на русский язык, а также некоторые отличия в баскском и испанском вариантах, приводятся примеры. В **заключении** приводятся основные выводы исследования. В **списке использованной литературы** представлены словари, книги, статьи и интернет-источники, используемые нами при написании работы. В **приложении** дается перевод оставшихся глав повести (с пятой по девятую).

Глава 1. Художественный перевод повести Бернардо Ачаги ВОСПОМИНАНИЯ ОДНОЙ БАСКСКОЙ КОРОВЫ

1. Напутствие моего внутреннего голоса, или как я решила писать эти коровьи воспоминания. Воспоминание о снегопаде.

Той ночью сверкали молнии и гремел гром, от раскатов которого я почти и проснулась.

– Послушай, дочь моя, разве теперь не пора? Не это ли самый удобный, правильный и подходящий момент? – спросил у меня тогда мой внутренний голос. И через некоторое время, не дав мне времени окончательно проснуться: – Не пора ли тебе перестать предаваться сну и неге? Не должна ли ты открыться прекрасному и животворящему свету? Ну, поведай мне, положи руку на сердце, разве не наступил тот самый час? Не это ли самый удобный, правильный и подходящий момент?

Это был мой внутренний голос, который имеет привычку говорить очень высокопарным слогом, чрезвычайно учтиво, и, видимо, не может изъясняться, как все, называя траву «травой» и солому «соломой»; будь на то его воля, траву бы мы называли «полезным для здоровья питанием, которое для нас создала мать-земля», и солому «неполезным для здоровья питанием, необходимым в случаях отсутствия или нехватки хорошего». Да,

именно так разговаривает этот голос, который я слышу внутри себя, поэтому получается, что он так невероятно долго говорит всякий раз, когда хочет объяснить что-то, поэтому получается, что большая часть его выступлений чрезвычайно скучна, поэтому получается, что мне приходится запасаться терпением, чтобы слушать его, не выходя из себя. Но и кричать на него бесполезно, потому что голос этот никуда не денется, от него не спрячешься.

– Он не может никуда деться, ведь он наш Ангел-Хранитель, – сказала мне однажды, когда я была ещё молода, одна пожилая корова, которую звали Бидани. – Ты, наверное, обрадовалась, узнав, что он у тебя есть. Он ведь будет тебе лучшим другом по жизни, и если внезапно ты останешься одна, он всегда утешит тебя. Ты попала в трудную ситуацию? Ну и что, слушай его, и он тебе укажет правильный путь. Тебе грозит большая опасность? Так доверься, вручи свою жизнь Ангелу-Хранителю, он направит твои шаги.

– И я должна в это поверить? – спросила я у Бидани.

– Ну, разумеется, – ответила она мне немного высокомерно.

– Вы уж меня извините, но я не верю ни единому вашему слову.

А что я должна была ей сказать? Несомненно, она была старше меня, но и куда доверчивее. Ведь, по правде говоря, ещё не родился тот, кто мог бы мне показать, что такое на самом деле этот Ангел-хранитель, а раз так, я предпочитаю в него не верить. У меня есть одна особенность: когда что-то очевидно, когда, к примеру, кладут напротив меня пучок пажитника и говорят: «Это пажитник», тогда я иду, нюхаю его и говорю: «Да, это пажитник», то есть признаю, что это правда; но в противном случае, не имея доказательств, или когда доказательство есть, но запаха не имеет, я предпочитаю не верить. Как говорится в пословице:

Что ты думала означает

существовать?

Верить во все и сладко спать?

Нет, господа, это не жизнь, это валяние дурака и поведение, достойное этих, как их там, из овечьего племени.

– Дитя мое, ты не поняла, – настаивала Бидани все с тем же высокомерием. – Ангел-Хранитель не может ничем пахнуть. Он ведь ангел, он находится у нас внутри как дух, не занимая никакого места.

– Вам бы быть овцой, – ответила я ей крайне нахально и, развернувшись, ушла.

Но, как бы там ни было, верь в него или не верь, этот внутренний голос всегда был со мной, и мне ничего не оставалось, как признать очевидное. Звался ли он Ангелом-Хранителем, звался ли Духом, Голосом, Совестью или как-то ещё – в любом случае он всегда был в моей душе.

– Как ваше имя? – спросила я однажды у голоса. Это было время, когда я ещё разговаривала с ним с уважением, в пору молодости.

– Любое, какое тебе понравится, дочь моя. Что касается меня, то все в твоих руках, я твой слуга. И, честно говоря, это служба, которую я принимаю с великим удовольствием.

– Да, конечно, как же иначе. Но ответьте мне, пожалуйста, как вас зовут?

– Прости меня, дочь моя, но, как я тебе только что объяснил, я к твоим услугам. Госпожа имеет право окрестить своего слугу.

– Ну ты и зануда! – рассердилась я в конце концов. –

Надоедливее самой блохи! Я не знаю, ангел ты или злой дух, не знаю также, почему ты находишься внутри меня, но знаю, какой ты есть, вот это я точно знаю! Ты из тех, кто всегда все обязательно делает по-своему! Вот какой ты!

Так, рассердившись, я приняла решение: этого так называемого Ангела-Хранителя я буду кликать Занудой. И с тех пор так и повелось: Зануда, Зануда и еще раз Зануда. Зануда, Зануда и Зануда.

– Нельзя сказать, что это самое красивое имя в мире, – услышала я тогда, – но и не самое неблагозвучное и не самое неприятное.

Как бы плохо оно ни звучало, что сказано – то сказано, но поначалу я не думала, что этот мой внутренний Зануда прямо совсем ужасен, а даже, пожалуй, признавала правоту тех, кто отзывался о нем хорошо. В какие-то моменты он мне казался лучшим другом, хорошим товарищем в радости и лучшим в горести, и когда он со мной разговаривал, я радовалась. Вот, например, вспоминается мне случившееся в первую в моей жизни зиму. Тогда он действительно сослужил мне службу! И взаправду повёл себя как истинный друг! Все случилось во время одного снегопада.

– Осторожно, дочь моя, идёт снег, – сказал он мне изнутри. – Пошел снег, а мы довольно далеко от дома. Лучше было бы тебе постепенно спускаться вниз.

– Спускаться с горы? Вот ещё! – ответила я ему с вызовом. И это при том, что снег я видела впервые и не поняла, чем могут быть опасны снежинки, которые, я чувствовала, таяли у меня на спине. И вот я снова принялась сосредоточенно щипать траву, ведь, что тоже надо признать, я без ума от невысокой и вкусной травки высокогорий, мне всегда было недостаточно пресных луговых трав.

Не знаю, сколько времени прошло, пока я щипала молоденькую траву, забыв обо всем, но не думаю, что много. Может быть, полчаса, может, целый час. Как бы то ни было, из-за выпавшего снега я не могла больше есть. Я протягивала губы в поисках травы, но жевала только ледяные хлопья снега. Я рыла землю, подражая свиньям, и все бесполезно, вокруг меня был лишь снег, холодный до дрожи. Раздосадованная, я выпрямилась и посмотрела вокруг. И тогда да, тогда я и вправду испугалась. Картина, которую я увидела вокруг, весьма впечатляла.

Чёрная скала и снег, ничего, кроме снега. Пастбище, на котором я паслась, было белым; и таким же белым соседнее пастбище, и все остальные тоже белые. К тому же, дорога, которая вела по ним вниз к моему дому, нигде не была видна, все вокруг было белым-бело.

– Так... Что же это такое? Как я теперь пойду домой? – сказала я себе, сделав несколько шагов к чёрной скале. Мне было немного тревожно.

Я замычала, надеясь, что какая-нибудь знакомая корова из моего стойла ответит мне и подскажет дорогу до дома, но тишина поглотила моё мычание, точь-в-точь как жаба мошку, и на этом закончились мои призывы. И снова тишина, белый снег, черная скала. И все это время Зануда молчал, уж вы поверьте. Вероятно, он обижался из-за грубого ответа, что получил от меня.

Всё вокруг было по-прежнему белым-бело, когда появилась первая звезда, и также, когда появилась вторая. И когда появились третья, четвёртая и пятая, ничего не изменилось. Вскоре взошла луна, и тут и вправду что-то стало по-другому, она добавила теней в картину. Невелико дело, как ни посмотри. Белый цвет занимал большую часть пейзажа. И там была я, и была я, словно в той пословице:

Снег в горах – корова в

трудах.

Я была этой коровой, конечно, и была очень сердита. Как найти дорогу домой? Она покажется когда-нибудь? Нет, неоткуда было ей появиться.

– Ну, хорошо! Ты не хочешь мне ничего сказать, Зануда? – воскликнула я в конце концов. В самом деле, я должна была делать что-то, найти выход из этой ситуации. В противном случае, я могла умереть со скуки...

– Я тебе кое-что скажу, но это будет не то, что ты хочешь услышать.

Было очевидно, что он был рассержен, потому что даже не назвал меня своей дочерью. И сейчас я думаю, что сам Зануда, наверное, был очень молод в то время; иначе он бы не рассердился из-за грубого ответа. Сейчас я ему ещё хуже отвечаю, а он даже не замечает этого. Но, само собой, в итоге я обязательно слушаюсь его и делаю то, что он хочет.

– Ну, скажи что-нибудь. Мне все это до такой степени надоело, я все что угодно готова выслушать, – ответила я ему.

– Ты должна передо мной извиниться. Когда из-за снега, что пошёл, я попросил тебя вернуться домой, ты могла меня не послушаться. Ты свободна, и можешь делать все, что тебе заблагорассудится. Но на что ты не имеешь права, так это на то, чтобы отвечать мне невежливо, грубо и злобно. На это ты права не имеешь, дочь моя. Самое главное – воспитание, а потом уже все остальное.

Я посмотрела налево и направо, посмотрела в сторону чёрной

скалы, посмотрела в другую, посмотрела повсюду и ничего: ни следа на дороге. Гора была белой от снега и чёрной от ночи, без полутонов. Я была очень сердитая и уставшая.

– Прости! – воскликнула я в конце концов.

– Ты прощена, само собой, – сказал Зануда, повеселев и забыв о своём недовольстве. А затем добавил, вздохнув: – Посмотри, где мы сейчас оказались!

– Где? – я оживилась. Это было то, что я хотела узнать, где именно я находилась и как мне было дойти до дома. Но Зануда имел в виду другое.

– Мы в пустыне, дочь моя. Я бы даже сказал, что на нас сошла белая пустыня, медленно, зато верно. Какое одиночество! Какое опустошение! Вот где видна наша малость и ничтожность!

– Я же корова, что ты хотел! Что можно ждать от коров! Мы, коровы, ничто, – воскликнула я в порыве искренности. Ведь действительно, мне никогда не казалось, что быть коровой – это что-то особенное. По моему мнению, мы, коровы, проживаем эту жизнь вполне заурядно, обычно, как и все ничем не выдающиеся существа, и, правду говоря, как бы грустно это ни было, больше всего мы походим не на кого-нибудь, а на овец. Как гласит пословица:

Корова да овца, страх да ленца.

Естественно, у Зануды другие представления, он считает, что мы, коровы, в некоторой степени обладаем величавостью, несвойственной остальным животным. В тот особый день он не преминул возразить мне и затем – упоминая этот снегопад и одиночество в нем – придумать что-то вроде гимна мне и представительницам моего племени.

– Ты не права, говоря о коровах, и не должна так недооценивать себя, – сказал он.

– Может быть, – ответила я осторожно.

– Конечно же не должна, дочь моя. Корова – это не абы что. Посуди сама, посмотри, что сейчас здесь происходит. Ведь кто сейчас здесь, в этой ледяной пустыне, в этом одиноком месте? Только ты, дорогая моя. Или, говоря другими словами, здесь находится корова. Корова, а не, например, крот. Осенью да, теплой осенью кроты, конечно, стараются, роя норы здесь и там, резвясь; но сейчас – где они? А дождевые черви? А муравьи? А остальные живые существа? Нигде их нет, поскольку они убежали; они убежали внутрь земли, они убежали очень глубоко вниз, и кто знает, где сейчас эти трусы, возможно, они в самом центре земли. И что мы скажем о тех, кто ползал, или скорее, улепетывал в траву, змеях и змейках всех мастей? Или о ящерицах, которые выглядывали и высовывали головы в расщелинах скалы? Так они все, скрывшись, спят в своих убежищах. Да и животные посolidнее тоже скрылись. Как птицы. Или белки, или свиньи, или куры. Так вот, дочь моя, сбежали абсолютно все, и ты – единственная, кто находится здесь, здесь находится корова. Корова знает, что такое одиночество, что такое быть покинутой всеми, и с этим знанием может идти по жизни. В самом деле, быть коровой – это великолепно!

– Я не стану тебе возражать, – ответила я ему, разглядывая черную скалу, что была напротив. Мне показалось, что Зануда был в чем-то прав, что это была не мелочь – иметь мужество в этой ситуации, не терять самообладания.

Как бы то ни было, одно дело – страх, и совершенно другое – скука, и если первому я смотрела в лицо, то со вторым было иначе: мне было трудно этих ледяных краях, и время тянулось медленно,

очень медленно, невозможно медленно. Когда же наступит рассвет? Когда же день укажет мне дорогу домой? Но все было бесполезно, разумнее было смириться. Думаю, ещё даже не наступила полночь, луна и звезды только-только появились на небе. В конце концов, через силу, потому что это ранило мою гордость, я прибегла к единственному другу, который был со мной.

– Вот скажи мне, Зануда, как мы отсюда выберемся?

– Сожалею, дочь моя, но я не могу тебе всего сказать. Если бы я это сделал, ты бы не научилась думать самостоятельно и превратилась бы в животное столь же простое, как овца. Почему бы тебе самой не поразмыслить, дочь моя? Подумав, как следует, ты сразу нашла бы дорогу к дому.

Если бы я не находилась в столь неприятной ситуации, наверняка бы в голову что-нибудь пришло. Но положение мое было очень трудным, и становилось все труднее. Я прилагала усилия, чтобы понять, каким именно образом я дошла до этих мест, где находился мой дом, как найти дорогу, но словно чувствовала на голове какую-то каменную плиту, которая мешала найти ответы.

– Может быть, ты мне подскажешь что-нибудь, друг? – сказала я ему тогда, и не понимаю, почему я ему это сказала, как могла так перед ним заискивать, называя его другом. Конечно, я была очень молода, и мне было очень скучно в этих горах, но, в конце концов, какая разница, это всего лишь оправдания, дело в том, что я сдалась. Честно говоря, я не сомневаюсь, что, если бы он только мог, то надавал бы мне по тому месту, о котором принято умалчивать. Да и не собирался Зануда уступать.

– Нет же, говорю тебе, нет. Ты должна хорошо встряхнуть своей головой и заставить её работать. Сейчас ночь, да, и снег стёр все

дороги и кратчайшие пути, но это не может быть проблемой для мыслящего. Думай, дорогая, и скоро будешь дома.

– Ну, спасибо тебе большое! – крикнула я ему тогда, стараясь не выдавать своего беспокойства и, бросившись навстречу снегу, стала смотреть на длинную покатую черную скалу. Через некоторое время я повернулась и стала смотреть в другую сторону. Но в таком положении не была видна даже скала, и я решила повернуться снова. Хотя было холодно, у меня горело все тело. Я подумала: «Я встану и облегчу свой живот. Может быть, хоть это меня отвлечет».

Но нет, оказалось, что мне не хотелось, и осталось только продолжать скучать. В конце концов, я вытянула шею и замычала что есть силы:

– Да что же это делается! Что происходит! Почему мне не страшно! Если бы мне было страшно, то не было бы так скучно!

– Вот это – мычание, дочь моя – воскликнул тогда внутренний голос. И смотри-ка, это мычание, возможно, решит твою проблему, так как оно, кажется, заставило насторожиться стаю волков, что бродит в этих местах; эти животные очень голодные, заметь, очень, и они не откажутся полакомиться твоим нежным мясом. Ничего удивительного, если они вскоре появятся здесь. Наверняка они сейчас уже в пути. Понятно, что ты не робкого десятка, и волк, да и два-три волка, наверное, ничего тебе не сделают. Пара пинков каждому, и все дела. Но будь внимательна, речь идёт о целой стае, а это где-то шестнадцать волков. Не знаю, тебе виднее, но я бы ушёл. И бегом, поторапливаясь, поспешно, одним словом, драпал бы отсюда.

Что говорил Зануда? Что это за рассказы про волков? Волки? Голодные волки? Шестнадцать волков? Почему шестнадцать волков? Откуда взялось столько волков? Мурашки пробежали у меня по всей

спине, но я решила не сдаваться и оставаться там, где была.

– Замолчи, Зануда! – заспорила я тогда. – Значит, волки, да? Это в двадцатом-то веке! Надо быть дураком, чтобы верить в подобные глупости!

– Конечно, дочь моя, сейчас 20 век, или, говоря точнее, 1940 год, но мы находимся в Стране Басков, а в Стране Басков до недавних пор была война, точнее Гражданская война 1936 года, и повсюду царят большой голод, большая бедность, мало кто ходит на охоту, и говорят, леса полны волков.

– Это, наверное, слухи носятся, а не волки – сказала я Зануде, желая пошутить. Но хвост у меня все ещё дрожал. Волки! Шестнадцать волков! Шестнадцать голодных волков! И я против них, всего лишь одинокая корова. Не из худших, но корова, как ни посмотри.

Неожиданно на чёрной скале показался клубочек, ещё более чёрный, похожий на шишку. Там, где до недавних пор было только много снега и чёрная скала, теперь было много снега, чёрная скала и клубочек. Скоро появились ещё два чёрных клубочка: много снега, чёрная скала и три клубка. Четыре клубка, шесть клубков, девять клубков.

– Да ещё, к тому же, с ушами – подумала я, приглядываясь. Я подскочила на месте.

– Противные волки! Значит, всем скопом! Давайте по одному, и посмотрим, кто кого! – сказала я им, или нет, не сказала, а только представила, что говорю.

– Дочь моя, подумай немного, – вмешался тогда Зануда. – Где твой дом? Где он может быть?

Как раз в этот момент, когда уже мой хвост начинал подрагивать, меня осенило. Разве не находилась я наверху? Значит, каков был правильный ответ?

– Вниз! - сказала я сама себе. И потом, внизу могло не быть снега, и дорога могла быть свободна. Напрягшись с головы до ног, я принялась бежать рысью. К тому времени чёрная гора была заполнена клубками; по крайней мере, там было шестнадцать клубков, и все с ушами.

– Прислушайся, дочь моя – вмешался в этот момент Зануда, и очень вовремя, кстати, как настоящий друг. – Я знаю, что в домашнем хлеву нет никого, кто превзойдет тебя в беге, но, несомненно, волки быстрее тебя. Не переходи на рысь, иди медленно и спокойно, как будто ищешь травинки, вот так. В этом случае они не станут сразу же на тебя нападать. Они тебя будут преследовать, это да, но нападать – нет. Хладнокровие – вот, что тебе нужно, дочка.

Понимая, что Зануда прав, я начала двигаться словно нехотя, прошла три шага и остановилась. Подождала немного, и ещё два шага. Три шага. Четыре шага, два шага. Краешком глаза я посмотрела на гору: все клубки были теперь на снегу, и их было шестнадцать, все с ушами. Я сделала шаг, эти с ушами четыре. Я три, они три. А передо мной только темень ночи и белеющий снег. И звезды с луной. В какой-то момент мой хвост дрогнул как от судороги, и, забывшись, я сделала пять довольно быстрых шагов.

– Осторожно, дорогая! – услышала я внутри. Все клубки сгрудились в нескольких метрах от меня, и я могла слышать их затрудненное дыхание.

Отважно и решительно я повернулась прямо к волкам и принялась есть снег, спокойно и с таким удовольствием, как будто

это был не снег, а снопы пажитника. Клубки, увидев это, растерялись и остановились, сначала один, а потом и все остальные. Я увидела, что, помимо ушей, у них были и глаза: уши заостренные, глаза покрасневшие. Тогда, не теряя выдержки, я начала пятиться, достаточно быстро, один-два-три, один-два-три, один-два-три, и волки, один-два-три, не спускали с меня глаз, но, один-два-три, все же не решались напасть на меня. И так, один-два-три и один-два-три, мы все дошли до рощи. Я вспомнила, что эта роща была как раз над моим домом.

«После рощи начинается большой склон, и в конце его как раз находится дорога домой – подумала я. – Дойдя дотуда и ринувшись вниз, я могу сломать ногу, но меня хотя бы не съедят эти волки».

– Прекрасная мысль! – услышала я в своей голове.

Я начала снова двигаться вперед, понемножку, следя за шестнадцатью волками краем глаза. У них все ещё были уши и глаза, но главное – пасть. У них была красная пасть и белые зубы. Время от времени один из них принимался выть, и позади него начинали выть остальные. Возможно, мне померещилось, но, кажется, один волк и правда сказал другому:

– Так мы едим её или как?

У меня не было желания ждать ответа. И так как край склона был примерно в сорока метрах, я бросилась бежать, бежать рысью, бежать, сотрясая снег с ветвей деревьев, и я бежала, и волки тоже бежали, и я тяжело дышала, и они тоже задыхались, и пары от моего тяжёлого дыхания испарялись в холодном воздухе, а пары от сопения волков, наоборот, в холодном воздухе не испарялись, а были как раз в области того места, которое я не хочу называть, будучи хорошо воспитанной. Количество испарений там все увеличивалось,

но и роцца уже заканчивалась.

И вот, в тот момент, когда я была совершенно уверена в том, что добралась до склона, что-то похожее на вспышку пламени добралось до меня в том несчастном месте, которое я не назвала, и один из волков принялся тянуть меня за кончик хвоста. Я посмотрела прямо на него: он наострил уши, у него были покрасневшие глаза, волосатая морда. На моё несчастье, эти волоски на морде были мои собственные волоски.

– Мы пропали, подруга! – услышала я внутри.

– Ещё чего! Ещё не родился такой волк! – крикнула я в отчаянии, не подумав. И с силой, которую придаёт отчаяние, сделала огромный прыжок и бросилась сломя голову по склону. Казалось, что я собираюсь прыгнуть в пропасть.

Пролетев по воздуху, я упала, подпрыгивая, и в конце концов покатила по земле. Если бы не снег, я бы сломала себе не одну кость. Но снег был мягкий, и меня это спасло.

– А волки? Куда это подевались волки? – сказала я сама себе. И пока я это говорила, тот волк, что вырвал у меня волоски из хвоста, клац! – вонзил мне зубы в ту самую достаточно укромную область тела. Я закричала от боли, одновременно со всей силы ударив его копытами, что совершенно лишило его сил. Несчастный убежал оттуда, воя: он унес с собой уши и глаза, унес с собой пасть, но вот зубы из пасти с собой унести ему не удалось. Я ему их выбила все одним ударом. Таким образом, во многом благодаря Зануде, я спаслась и оказалась в родном стойле.

Но, давайте подумаем, где теперь эти снега той зимы? Или, как я сказала бы спустя много лет после происшествия с волками,

научившись говорить по-французски: *Où sont les neiges d'antan*¹? Сколько же лет прошло с тех пор, как они растаяли навсегда? Ведь правда в том, что они растаяли, и одновременно с ними растаяла также и наша молодость. Тогда все мы были молоды: молодой была я, молодым был Зануда, молоды были волки, молоды и другие коровы из моего дома. И даже сам век был молод, ведь мы жили в 1940 году; сейчас, напротив, век заканчивается. Где же это все теперь! *Ou' sont les neiges d'antan!* В те времена, сейчас я это хорошо понимаю, мы были почти счастливы, и даже сам Зануда наставлял лучше, чем это казалось на первый взгляд. На самом деле он ещё не успел превратиться в настоящего Зануду и не так уж сильно досаждал мне, ему нравилось всегда настаивать на своём, это правда, но он также умел закрыть на что-то глаза, не менторствуя. Я была почти убеждена в том, что он был моим Ангелом-Хранителем. В последнее время, напротив, он не успокаивается, пока не добьётся от меня того, чего хочет. В ту ночь молний и грома, например, ему было безразлично, что я сладко спала на своей подстилке, и он раз сто задал мне один и тот же вопрос:

– Послушай, дочь моя, разве не пришёл тот час? Не это ли самый удобный, правильный и подходящий момент?

Когда он становится таким, проще ему уступить. Иначе он никогда не замолчит.

– Время чего? Не время же подъёма?! Если речь об этом, пожалуйста, оставь меня в покое до тех пор, пока не начнёт светать.

– Это не время подъёма, дочь моя, а время исполнить обещание, данное тобой давным-давно. Помнишь, что ты мне сказала в день,

¹ Где эти былые снега? (франц.) Строчка из произведения Ф. Вийона «Баллада о дамах былых веков» («Ballade de Dames de temps jadis»), которое переводили многие отечественные поэты, в том числе В. Брюсов, Н. Гумилев и многие другие; URL: <http://villon-poetry.ru/ballades/6>. Дата обращения 13.04.2021.

когда мы встретили волков?

– Понятия не имею!

– Ты постарела и разленилась, но, несмотря на все это, думаю, ты вполне можешь это вспомнить. Ведь, в самом деле, кто хорошо помнит молодые годы? Корова в преклонном возрасте. Корова в преклонном возрасте забывает случившееся накануне вечером, но прекрасно помнит события более чем сорокалетней давности. В любом случае, я сам тебе скажу, что ты пообещала, сбежав от волков. Ты сказала: «Когда-нибудь я напишу свои воспоминания и расскажу о сегодняшних событиях».

– Невероятно – ответила я ему сухо.

– Ну, я не удивляюсь, потому что то же самое ты сказала после праздника в деревне, и ещё когда ты ушла из дома. И говорила ещё много раз. Ты тогда говорила, как заведенная: я напишу свои воспоминания, напишу свои воспоминания.

– Не может быть!

– Но это чистая правда. И сейчас я вспоминаю, что, когда Зелёное Стекло нарисовался в твоём доме, ты снова сказала то же самое, что тот горький эпизод также войдет в твои воспоминания.

– Зелёное Стекло! Самое пугающее существо, которое я когда-либо видела! – воскликнула я, не в силах сдержаться.

– Видишь? Ведь ты помнишь, ты очень хорошо все помнишь! И знаешь, что я тебе скажу? Что век движется вперёд, и ты тоже идешь вперёд, и не можешь покинуть этот мир, как все обычные коровы. Пусть останется свидетельство о тебе! Пусть мир узнает о величии коровы! Настал этот момент, дочь моя, настал этот час!

– Ты уверен? – сказала я ему с кротостью. Я знала, что

воспоминания мне написать придется. В противном случае, как я уже говорила, мне бы пришлось выслушивать его нотации все ночи напролёт.

– Я уверен, дочь моя. Ты должна писать.

– В таком случае я принесу бумагу и чернила. Начну работу с первым лучом солнца.

И так я и поступила.

2. Почему я не возвращаюсь в Баланцатеги, мой отчий дом. Рассказ Полин Бернадетт. Моя первая неприятность, моё рождение.

Видимо, мне была судьба родиться, и вот я и родилась в одном из лесов Страны Басков вскоре после окончания войны 1936 года. Лес относился к владениям поместья, имя которому было Баланцатеги, и я была приписана к этому дому; там находилось моё первое стойло и мой первый очаг, там я провела первые годы своей жизни, самые важные. Надо сказать, надолго я там не осталась, и правда в том, что уже прошло много лет, как я там не была; и все же моя душа по-прежнему жаждет оказаться в этом уголке мира. И – кто знает! – возможно, что именно туда улетает моя душа всякий раз, когда я засыпаю. Как гласит одна восточная мудрость:

Стамбульский чёрный дрозд всегда возвращается в Стамбул.

Я, вероятно, не похожа ни на чёрного дрозда, ни на обычного дрозда, ни на какую-либо другую птицу, ведь я ощутимо больше и тяжелее, но я никак не погрешу против истины, если заявлю, что моё сердце не очень отличается от их сердца. В самом деле, сердце мое – словно сердце птицы; была бы на то моя воля, я бы сейчас же

взмахнула крыльями и полетела к земле моего детства. Я бы прилетела туда, коснулась земли своими пятьюстами килограммами, словно снежинка, и затем громко и искренне закричала бы:

– Да здравствует Баланцатеги!

Но, разумеется, у меня нет крыльев, и я не могу пуститься в путь, перед этим не поставив как следует на землю свои четыре ноги, да и то с большим трудом. И как раз из-за этого, из-за собственной тяжести и возрастных недомоганий, я не возвращаюсь в Баланцатеги; чувствуй я в себе силы, утром же пустилась бы в путь. А вообще-то, даже несмотря на все свои болезни, всё равно бы пошла, если бы точно знала, сколько времени мне ещё отпущено жить. К примеру, если бы мне точно сказали, что впереди у меня ещё два года, я бы рискнула; медленно и не торопясь, но пошла бы. Как говорится в пословице:

Корова, которая ни к чему не стремится,

или глупа, или боится.

Я не считаю себя ни той, ни другой, и сегодня же отправилась бы в Баланцатеги, будь я уверена, что эти два года в моем распоряжении. Чего я не знаю, так это – есть они у меня или нет, потому что мы, коровы, невезучи во всем, и даже в день, когда распределяли время, не обошлось без этого злого рока. Так, по крайней мере, я слышала. Говорят, что при сотворении мира некто распределял время, и что этот некто сказал змее:

– Ты будешь жить двенадцать лет.

А змея:

– Хорошо.

– Ты – пятнадцать лет (собаке).

И собака:

– Ладно.

Ты – двадцать восемь (ослу).

Осел сказал:

– Я согласен.

– Ты – тридцать три (человеку).

А человек:

– Ни за что. Я не согласен. Я хочу жить больше.

– Пусть будет так, ты будешь жить восемьдесят восемь лет – вероятно, сказал тогда тот, который распределял время. – Но из этих восьмидесяти восьми ты будешь жить тридцать три года как человек, двадцать восемь, работая как ишак, пятнадцать – живя, как собака, и последние двенадцать проведёшь, ползая по земле, словно змея.

Итак, с людьми всё было, кажется, решено, и стали распределять дальше. И вот муравьи, пчелы, бабочки, вальдшнепы, чайки, пустельги, черепахи, верблюды, форели, львы, тигры, кенгуру – все они и многие другие животные узнали, сколько времени им предстоит жить. И настал момент, когда все закончилось, и Распределитель Времени собрался уходить.

– А мы? Мы сколько времени? – слышалось тогда. Естественно, это была корова. По-видимому, никто о ней не вспомнил.

– Сколько? – говорят, сказал Распределитель Времени устало.
– Ну, не знаю. Сколько-то.

– Большое спасибо – поблагодарила корова. И засим все

распрощались и каждый пошёл своей дорогой.

А я и говорю: какой же надо было быть глупой коровой, какой же надо было быть неотесанной коровой, какой же надо было быть неуклюжей коровой, чтобы на слова Распределителя Времени «сколько-то» ответить «большое спасибо». Как это «большое спасибо»? Само собой разумеется, та корова ни в чем не походила на меня.

– А сколько-то для вас – это сколько? – сказала бы я Распределителю Времени. – Потому что, понятно, «сколько-то» может означать что угодно. Три года – сколько-то; сорок лет – тоже сколько-то; двести лет – сколько-то. Это как посмотреть. Так почему бы Вам не сказать, сколько именно?

И Распределитель Времени уточнил бы и сказал мне точное количество лет. Предположим, сто. И соответственно этому, зная отмеренный нам период жизни в этом мире, можно было бы рассчитать:

– Я появилась на свет около 1940 года, а сейчас век вот-вот закончится. Это означает, что я прожила на этом свете где-то пятьдесят лет. Так как я родилась, чтобы прожить сто лет, сто минус пятьдесят равно пятидесяти. У меня ещё остаются пятьдесят лет, и надо потихоньку идти в сторону Баланцатеги. Даже если я потеряю десять лет в пути, сколько же у меня останется, чтобы спокойно побыть в тени моего родного леса!

Но та корова начала времен была глупа и не спросила, сколько же нам отпущено. И посему я не могу знать, стоит ли мне идти в Баланцатеги, потому что, конечно, грустно умереть далеко от родных мест, но ещё грустнее испустить дух по пути в каком-нибудь чужом затерянном месте. То же самое мне говорит и сестра Полин

Бернадетт, маленькая монахиня, которая ухаживает за мной с некоторых пор:

– Ты не partirás² d'ici³ никуда, Мо, ведь тебе хорошо и приятно с нами. Разве нет? Разве плохо мы за тобой смотрим в couvent⁴? Чего же ты хочешь? Уйти d'ici и оказаться на mal chemin⁵, брошенной на произвол немилостивой судьбы?

– С одной part⁶, ты в чем-то права, Soeur⁷ Полин Бернадетт. Как на духу, говорю тебе, что, а part⁸ Баланцатеги, этот couvent – дом, где живёт мое сердце, – отвечаю я маленькой монахине, подражая изо всех сил её такому непростому языку. Ведь для неё ценно, что я считаю couvent домом, где живёт мое сердце, ей вообще важно моё мнение. Она так радуется этому, что я, не успев опомниться, уже вижу перед собой большой пучок травы, травы или трав, потому что там, как правило, чего только нет, от пажитника до клевера и синей люцерны.

– Attention, Soeur⁹ Pauline Bernadette! – говорю я ей обычно, потому что мой нрав и тут даёт о себе знать. – Ты мне приносишь много травы, просто очень много. Если так дальше пойдёт, я превращусь в бегемота и перестану быть коровой. С тех пор, как я оказалась в couvent, я стала набирать по двадцать килограммов в год.

– Помнишь, какой тощей ты была в тот jour là que nous¹⁰

² здесь Полин, скорее всего, смешивает испанский и французский, partiras – уедешь, уйдёшь (франц.), где «s» не произносится, а здесь partirás – с испанским окончанием глагола в будущем времени (-ás), где «s» звучит. Хотя в испанском языке есть глагол partir в значении «пускаться в путь».

³ отсюда (здесь и далее перевод с франц.)

⁴ монастырь

⁵ плохая дорога

⁶ часть, сторона

⁷ сестра

⁸ помимо

⁹ сестра

¹⁰ тот самый день, когда мы

познакомились, уже очень давно! – вздыхает тогда маленькая монахиня. – Но пока я жива, ты не будешь страдать от голода, Мо. Скорее, я просто выкошу все Пиренеи!

– Не коси их, сестра Полин Бернадетт, ведь и другим коровам нужно что-то есть – прошу я её, прекратив ей подражать и говоря так, как умею. Потому что эта Полин Бернадетт, может, и маленькая, это правда, но вместе с тем очень сильная и способная к физической работе, косит она лучше всех. И испытывая ко мне такую нежность, без сомнения, она могла бы оставить склоны Пиренеев совершенно лысыми.

Так что вовсе не материальные причины заставляют меня мечтать о Баланцатеги, а духовные. Хороши couvent и маленькая монахиня, хороши синяя люцерна, клевер и пажитник, но со мной происходит то, о чем поётся в известной старой песне:

Когда ушла я из Баланцатеги,

Когда покинула родные пенаты,

В той земле оставила я свое сердце.

Моё милое Баланцатеги! Как же часто я тебя вспоминаю! Уверена, что наверняка нашлось бы много таких, которые, услышав мои слова, подумали бы нехорошо, подумали бы, что я лгу, подумали, что я преувеличиваю, как всякое животное. Но ты, любимый дом моего детства, прекрасно знаешь правду: что каждый раз, когда я кричу «да здравствует Баланцатеги», у меня в горле остаётся ещё сто здравиц. И это несмотря на все тяготы лишений, несмотря на трудности и неприятности, которые мы должны были переносить в те послевоенные годы. Моё собственное рождение, например. Ты помнишь, любимый мой дом, как плохо начиналась моя жизнь и каким опасностям я подверглась? Я, по крайней мере, прекрасно это

помню, очень отчетливо.

О том, что я родилась, я узнала внезапно. Не помню точно свои ощущения, возможно, небольшой холод или дуновение ветерка, но, в любом случае, мне показалось, что я вижу что-то необыкновенное и что, вероятно, дело было в том, что я пришла в этот мир. Эта была, к тому же, единственная уверенность, которая имелась у меня, потому что, по незнанию, я даже представить себе не могла, что за животное я была. Я делала все возможное, чтобы оглядеть себя и узнать правду, но глаза мне не помогали: я была словно незрячая, словно ослепленная белейшей простыней, которую кто-то накинул на меня. Из-за такой неопределённости мне оставалось только прибегнуть к воображению, что я, и не без успеха, немедленно и проделала.

– Кто же я? – спросила я саму себя. – Не получается ясно ответить на этот вопрос – ответила я себе. – Но, по крайней мере, я не самое последнее животное. Иначе я не пришла бы в этот мир на такую мягкую, уютную землю.

Чтобы удостовериться в правильности своих ощущений, я стала ходить в разные стороны, прощупывая, что же находится подо мной. И повсюду все было очень комфортное и мягкое.

– Что же это такое нежное? – задумалась я. – Одно из двух. Или это ковёр во дворце, или очень ухоженный газон сада – решила я.

Так как хождение меня утомило, я прилегла. Моему телу, которое в тот момент начала жизни весило где-то сорок килограмм, это сразу понравилось, и я стала склоняться к тому, что родилась на ковре.

– Надо же, ковёр-то, кажется, персидский, – подумала я. – То есть, наверняка, я – кто-то из придворных существ. Правда, дворец кажется маленьким, без деревьев и фонтанов вокруг, но, главное, что

это дворец.

К тому времени простыня, которую я видела перед глазами, уже не была такой белой, и на ее верхней части виднелись темные пятна. Казалось, это немногочисленные деревья, вернее, их верхушки. В то же время – видимо, и слух мой все больше обострялся – я услышала шум воды и пение птиц.

«А этот дворец не так уж мал – подумала я, посмеиваясь. – В нем есть деревья и фонтаны. А я, кто же я на самом деле? Одна из тех лошадей, невероятно элегантных, которых расчесывают и чистят каждый день? А если нет, то кто? Одна из тех тонкошерстных кошек, которые обычно живут во всех дворцах? Как бы там ни было, здесь неплохо, совсем неплохо».

Не знаю, сколько времени прошло. Час, возможно, полчаса. В то время как пелена с моих глаз исчезала, пятна приобретали объем. В конце концов, пелена растаяла совсем, и все, что было позади нее, вдруг открылось. Деревья показались более явными и превратились в целые деревья: с корнем, стволом и ветками. И на ветках были листья, темно-зелёные и светло-зеленые; а на листьях имелись насекомые и личинки; также были птицы – и часто птицы с красной головой, – которые подлетали, чтобы полакомиться этими насекомыми и этими личинками. Далее лес неожиданно заканчивался и начинался луг, огромный луг, который простирался до речки. На речке была мельница, а позади мельницы опять начинался лес.

– Дочь моя, – услышала я тогда, это был первый раз, когда я услышала Ангела-Хранителя, или Зануду, – ты родилась в Стране Басков, или, говоря с большей точностью и щепетильностью, в лесу дома Баланцатеги. Эта долина, куда относятся, начиная с мельницы, все дома и леса в округе, будет твоей землёй.

– А я, кто я? – спросила я. Это меня очень заботило, я не решалась и осмотреться. – Этот дом Баланцатеги, о котором ты мне говоришь, это дворец? – добавила я. Но мне казалось, что нет. Под моими ногами был вовсе не ковёр, а мох.

Но Зануда совсем умолк, и напрасно я ждала его ответа. Сердце моё сжималось: что же я за животное? Но к чему продолжать расспросы, достаточно было повернуть голову, чтобы это узнать. И я повернула голову, увидела то, что есть, увидела хвост, ноги, спину и все остальное, и ревущее мычание вырвалось у меня из груди:

– Так я же корова!

Ослепленная разочарованием, спотыкаясь, то падая, то тяжело поднимаясь, я бросилась бежать, подальше от того проклятого места, места, которое было свидетелем крушения моих первых надежд. Я вышла на луг и, перейдя речку перед мельницей, углубилась в лес, который был в стороне. За мгновение до того, как я оказалась в лесу, я услышала Зануду во второй раз:

– Дочь моя, перед тем, как спрятаться в лесу, взгляни на свой дом. Вот оно, Баланцатеги!

Дом находился примерно в ста метрах от старой мельницы, внизу, в долине. Он был белый, двухэтажный, с красной крышей; довольно красивый дом, но не дворец. Но это, конечно, было не страшно. Я тоже не была такой уж придворной, так сказать: я была не верховой лошастью, не ангорской кошкой, а всего лишь коровой, обыкновенной коровой, животной некрасивой, страшной, и глупейшей, и вообще никудышной. Это и правда была несчастная судьбина.

«Ничего себе надо мной посмеялась жизнь!» – подумала я, замычав и подыскивая в голове ругательство.

Но я все ещё была новорождённой, и у меня не получилось найти крепкое слово. Будь это сейчас, я бы то еще выдала. Наверняка бы такое сказала, что Полин Бернадетт грохнулась бы в обморок, хотя, конечно, на самом деле я бы ничего подобного не сказала, потому что как раз ее мне не хочется пугать, она и так очень пугливая. Однажды, например, какой-то мальчик, пришедший в *couvent*, бросил в меня камень, а я рассердилась и сказала ему:

– Чтоб тебе провалиться в отхожую яму, дурак!

И как раз тогда, не знаю по какой случайности, этот мальчик споткнулся и упал в огромную навозную кучу. Бедняга просто пропитался экскрементами. Полин Бернадетт, видевшая все, раскрыла глаза от ужаса:

– Иногда ты меня пугаешь, Мо! – воскликнула она. – У тебя внутри *diable*, и мы непременно должны будем постоять на коленях пару раз, чтобы выгнать *ton diable*¹¹.

– Это был не дьявол, *Soeur*, а судьба или случай. Этот мальчик упал по своей вине, а не потому, что я ему это пожелала. Не думаю, что мы должны становиться на колени.

Этим «нужно изгнать из тебя беса» Полин Бернадетт иногда ставит меня на колени, и так мы стоим обе в саду в *couvent*, натирая ноги и ведя себя ужасно глупо. Но что поделать, я уже говорила, что маленькая монахиня – такой косарь, что второго такого не сыщешь, и она приносит мне самые вкусные травы: как бы ни было, я должна следовать её указаниям.

Но оставим пока истории о Полин Бернадетт и вернёмся к случившемуся в день моего рождения. Ведь, как я говорила, вне себя от негодования, я углубилась в лес и бросилась бежать. Я не хотела

¹¹ твоего беса

ничего знать о Баланцатеги, не хотела видеть его снова. И кто знает, будь у меня силы, возможно, это бы и случилось, и я бы ушла так далеко, что навсегда потеряла бы свой родной дом. Но я была ещё очень слаба и не смогла выйти из долины. Иногда я останавливалась, оглядывалась, вытягивала из всех сил голову вверх и затем мычала:

– Я – корова!

Два дня я проходила в таком отчаянии. На третий, проспав несколько часов, я почувствовала себя немного спокойнее. Зануда воспользовался этим моментом, чтобы поговорить со мной в третий раз:

– Дочь моя, к чему столько стенаний? Почему столько неудовольствия от того, что ты корова? А ведь быть коровой – это большая честь!

– Зачем это мне! – ответила я ему с болью. – Я бы хотела быть лошастью или кошкой, а не коровой. А ещё я вообразила, что живу во дворце. А оно вон как оказалось!

Ангел-Хранитель, то есть, Зануда, хихикнул. Думаю, это был первый и последний раз, когда я слышала его смех.

– Как мало ты знаешь жизнь! Что ты себе вообразила о дворцах? Ты знаешь, что в лучших дворцах мира отсутствуют самое необходимое? Знаешь, например, чего не было в Версале?

– Чего? Кухни?

– Нет, не кухни.

– Стойла?

– Нет, не стойла.

– Спален?

– Нет, не спален.

– Чердака?

– Нет, не чердака.

– Кладовки?

– Нет, не кладовки.

– Тогда ...

– Да, дочь моя, не хватало этого самого. Представь себе теперь, что собой представляли эти дворцы. Сплошная видимость, дочка. Да и помимо того, стеснения и неудобства самого разного рода, одни бесполезные поиски. В Баланцатеги, напротив, никаких проблем в этом отношении. Луга, лес, гора, само стойло: все разрешено, все свободно, в твоём распоряжении и для твоих потребностей.

Я была так поражена тем, что только что узнала о дворцах, что на какое-то время позабыла о проблеме коровьей сущности и о стыде, который у меня вызывал мой коровий облик. Зануда прервал мои размышления:

– А что до другой твоей версии о том, что ты предпочла бы, например, быть кошкой, ну не знаю, дочь моя, не знаю. Не мне судить о кошачьем образе жизни, но лично мне кажется, что они много страдают, и что среди них есть совсем невезучие, особенно в такие месяцы, как февраль и август. Подожди, вот придет один из этих месяцев, и ты услышишь их вопли и мяуканье, дочь моя! Душераздирающие, поистине душераздирающие! Не знаю точно, что это, но что-то с ними происходит. И к тому же, в чем ты позже убедишься, они много гуляют по крышам, а это совсем несерьёзно. Как я сказал, я не очень умею говорить о кошках, но если бы мог выбирать, предпочёл бы быть коровой.

– А лошадь? Разве это не прекрасно – быть лошадью? – сказала я ему тогда.

– У лошади свои преимущества, я этого не отрицаю. Это большое животное, иногда даже больше, чем корова. И действительно, бегают они довольно быстро. Но, вместе с тем, нужно признать очевидное: лошадь не знает, что значит хорошо спать. Она слишком беспокойная, слишком нервная. И это, в моем понимании, серьёзный недостаток, потому что, на самом деле, жизнь – это во многом сон, и, как говорится, кто плохо спит, тот плохо живёт. Кто проводит трудные ночи, так же трудно проводит и день. Вот видишь, дочь моя. Лошадь не последняя в этом мире, но если бы я мог выбирать, предпочёл бы быть коровой. Корова спит в свое удовольствие, всегда дивно отдыхает. Ты же сама только что в этом убедилась, посмотри, как тебя успокоили несколько часов сна.

Я задумалась, и хотя проблема коровьей сущности не была до конца решена – это произойдёт потом – в конце концов я сдалась. Я была только теленком и не умела препираться с Занудой. Да, мне было нужно смириться. Если я мне суждено было быть коровой, то и пусть.

– Но не неотесанной коровой! – крикнула я.

– Хорошо сказано, дочь моя. А сейчас иди в Баланцатеги. Лучше вернуться домой, пока совсем не стемнеет – посоветовал мне Зануда, и я кивнула и пошла вниз к долине. Я бы спустилась к старой мельнице, а оттуда пошла бы к себе домой.

Однако случилось не совсем так, потому что на моем пути попался этот тип, Зелёное Стекло, самый злобный человек, которого я когда-либо знала.

3. Зелёное Стекло и двое его подчинённых. Рассказы о вавилонской башне. Незнакомая корова по имени La Vache Qui Rit спасает мне жизнь и затем рассказывает о войне, которая только что закончилась.

Не знаю, сколько предметов можно увидеть одновременно – десять, пятнадцать или сорок пять – но я, спустившись из леса к старой мельнице, увидела целую кучу разных вещей. Увидела луну в ясном предзакатном небе и вдалеке большую гору, которая в эти часы была уже наполовину не видна; и перед этой горой еще одну, поменьше, и перед ней ещё меньшую, а перед этой самой маленькой длинный ряд покатых холмов. И я увидела не только это: помимо луны, неба и всех этих гор я увидела долину, в которой родилась, с её лесом, лугами и домами; один дом на левом берегу реки, другой на правом, и затем поближе Баланцатеги, и ещё ближе, напротив меня, старую мельницу. Но, вместе с тем, я увидела не только это: одновременно с луной, небом, горами, долиной, лесами, лугами, домами и мельницей мои глаза увидели также четырёх существ поблизости от тропинки, на которой я стояла: первый – очень изящный и элегантный рыжий конь, с белым пятном на лбу; второй – молодой человек с неестественно огромными зубами, возможно, каменщик, работавший на крыше мельницы; третий, также зубастый, его брат-близнец, тоже с крыши; четвёртый – Зелёное Стекло.

Зелёное Стекло – так я называла мужчину лет шестидесяти, очень бледного. У него была невероятно белая, или, говоря точнее, прозрачная кожа, похожая на папиросную бумагу, которая позволяла различать сосуды на лице и шее; его очки, словно неотделимые от этой бледной кожи, казались сделанными из бутылочного стекла. Как в тот день, так и позднее – он мне всегда казался таким, с

невидящими глазами.

Не знаю, сколько всего можно увидеть одновременно, не знаю, что я увидела, спустившись по тропинке из леса и остановившись перед мельницей, но знаю совершенно точно, что все это внезапно забылось мною и что моё внимание, моё любопытство оказались в плену зелёного стекла его очков. Я ничего больше не видела, только зелёное стекло очков, и даже крики зубастых братьев не заставили меня повернуться к ним. Вдруг Зелёное Стекло скривил рот и задвигал губами.

– Карраль! Карраль, карраль! – сказал он.

– Что? – спросили его с крыши оба зубастых брата.

– Карраль! Карраль, карраль! – повторил Зелёное Стекло жёстче.

Я его совсем не понимала. Видно было, что он что-то говорил, но что именно, было совершенно неясно. Он произносил слова очень странным образом.

– Что это здесь происходит? – удивилась я про себя. Но мне нечего было ответить. Я была ещё малышкой, новорождённой, которая даже не знала, что в мире существуют разные языки и страны, а как раз в этом и было дело, ведь этот человек с зелёными очками был иностранцем, плохо говорящим на моем языке. Или как сказала бы Полин Бернадетт:

– Это же настоящий Вавилон!

Полин Бернадетт очень нравится упоминать о Вавилоне, или, вернее сказать, ей нравилось, пока она не рассказала мне всю историю целиком, и одно моё замечание ей не очень понравилось.

– Как-то раз, давным-давно, – начала в тот день Полин

Бернадетт, – люди приняли решение construire¹² башню, terriblement¹³ большую – до неба, потому что возжелали быть подобными Dieu Notre Seigneur¹⁴. И они принялись за работу, построили одну part¹⁵ башни своими кирками, лопатами и мотыгами, и все шло très bien¹⁶, башня все росла и росла, но voici¹⁷ случилось так, что Бог перемешал их языки. Внезапно и навсегда они перестали понимать друг друга, и так как у них не было взаимопонимания, возникали ссоры и la discorde partout¹⁸, и a la fin¹⁹ им пришлось бросить работу и башню, все на полпути, и вот эти люди, разбившись на кучки, при этом каждая с новым языком, разошлись по миру, по разным уголкам и странам.

– Занимательная история, Soeur. Жаль только, что это ложь – сказала я ей.

– Ложь? – ужаснулась маленькая монахиня. – Mais, non²⁰! Как ты можешь так говорить, Мо?

– Да, ложь – ответила я сухо. – Разве можно поверить в то, что человеческие языки перемешались и работа остановилась? Чтобы построить что-то, необязательно разговаривать, достаточно просто работать. Если Бог хотел, чтобы вавилонская башня не росла, почему он не лишил людей всех кирок, мотыг и лопат? Если бы я там была, я бы сделала так: оставила бы их всех без кирок, мотыг и лопат, и точка, прощайте, стены, прощайте лестницы и вообще все.

Полин Бернадетт выпучила глаза, услышав мои аргументы, и я даже подумала, что она рассердится и поставит меня на колени. Но

¹² построить

¹³ ужасно

¹⁴ Господь Бог наш

¹⁵ часть

¹⁶ очень хорошо

¹⁷ вот

¹⁸ несогласие, разлад повсюду

¹⁹ в конце концов

²⁰ но нет

вместо этого она стала ходить туда-сюда по саду монастыря, со все ещё выпученными глазами, и так прошло, по меньшей мере, полчаса. Затем она сказала:

– Когда я жила в моем посёлке, в Альцюрюкю, наш сосед Пьер хотел построить стену прямо à cotè²¹ с нашим огородом. Но mon père²², не будучи d'accord²³ с этой глупостью, пошёл однажды ночью, забрал у него мотыгу, кирку и лопату и спрятал инструменты под terre²⁴. Alors²⁵, Пьер пошёл и купил себе другие мотыгу, кирку и лопату. И mon père, тоже упрямый, снова их спрятал. И так много раз. В конце концов, Пьер сдался, и стена осталась непостроенной. Как вавилонская башня, ровно так же. Так что я теперь и не знаю, что и думать об этой библейской истории.

Маленькая монахиня все ещё была как будто не в себе, и эти распахнутые глаза меня пугали. Она сомневалась, вся её религиозная вера шаталась, как здание, грозящее рухнуть с минуты на минуту. И, само собой, это было совершенно не в моих интересах. Если Полин Бернадетт уйдёт из монастыря, я останусь без пажитника и синей люцерны.

– Если подумать – начала я издалека, – случившееся в Вавилоне и случившееся в Альцюрюкю²⁶ с Пьером – это почти одно и то же. Понятно же, что происходило, когда Бог создал языки и наделил каждого своим? Так вот, каждый говорил другому «подай мне лопату», а тот давал ему мотыгу. И наоборот. Или третий говорил «принесите мне ведро воды для раствора», а то, что ему приносили, была парой кирок. Само собой, так невозможно работать. Так что,

²¹ рядом

²² мой отец

²³ согласен

²⁴ земля

²⁵ тогда

²⁶ Альцюрюкю (баск. Altzürükü, франц. Aussurucq) – коммуна во Франции, регион Аквитания. Департамент – Атлантические Пиренеи. Французская часть Страны Басков.

как ты понимаешь, история Вавилона по-своему поучительна, более поучительна, чем я думала вначале.

И тут же отлегло от сердца у Полин Бернадетт, и её глаза стали такими же, как прежде, весёлыми и беззаботными.

– C'est la verité²⁷, Мо! Какой же груз ты сняла с моих плеч! Вот радость! Как я ценю твою помощь, Мо! И произнося эти слова, она взяла косу и пошла на ближайший к монастырю склон горы, чтобы накопить для меня самой вкусной травы.

В любом случае, я уже говорила, истории про Полин Бернадетт – это более поздние события, не того периода, когда мне встретился этот Зелёное Стекло. В то время я немного знала о разных языках и наречиях. И в каком-то смысле в тот момент это сыграло мне на руку, потому что, удивившись манере говорить этого человека, я оторвала взгляд от зелёного стекла его очков и смогла увидеть двух зубастых братьев. Они бегом бежали по направлению ко мне.

– Хватай её, хватай её! – говорил один брат другому.

– Иди сюда, маленькая, уж мы устроим пирушку за твой счет! – говорил мне другой, показывая все свои зубы.

Внезапно, словно ударенная молнией, я очнулась: я поняла, что смерть – это реальность и что она может принять вид ножа или деревянного молота. Я почти почувствовала нож в своём сердце и молот на своей голове. Да, эти с большими зубами хотели убить меня. Дрожь пробежала у меня по спине.

– Карраль, карраль! – услышала я тут. Смеясь, Зелёное Стекло насмехался над моим замешательством.

Эта насмешка придала мне сил*, и я пустилась вскачь вверх по

²⁷ это правда

тропинке. Добеги я до леса, я была бы спасена. Эти два брата по пятам гнались за мной, все время грубо ругаясь и сопя.

– Не уйдешь! – вдруг крикнул один из них. Он был ближе, чем я рассчитывала.

Братья были быстры и бежали хорошо, и вскоре стало понятно, что им удастся меня схватить. Но как раз тогда, когда я уже стала отчаиваться, случилось одно из тех чудес, которые так нравятся Полин Бернадетт: ко мне вышел спаситель, или, лучше сказать, спасительница, потому что это была чёрная корова: та, которую потом, в течение долгого времени, я буду знать как *La Vache qui Rit*²⁸. Она была там, около леса, и очень зло смотрела на двух братьев, бежавших за мной по тропинке.

– Берегись! – крикнул один из зубастых. – Там эта бешеная корова!

Они развернулись обратно и хотели было бежать к мельнице, но тщетно, потому что *La Vache qui Rit* не оставила им времени ни на что. *La Vache qui Rit*, эта «бешеная корова», настигла их раньше, чем они успели укрыться в мельнице. В ту же секунду один из братьев оказался на земле, а другой – исчез в речной воде.

– Карраль! – закричал тогда Зелёное Стекло. С перекошенным ртом и потрясая своей тростью, он поносил обоих близнецов. Я заметила его трость: она была покрыта кожей, и на конце у неё торчало острие.

– Карраль! – снова повторил он, обращаясь в этот раз к своей лошади, которая до этого словно отсутствовала, а теперь принялась ржать как ненормальная. Да, Зануда был в чем-то прав: это великолепное и элегантное животное было, однако, слишком

²⁸ Корова, которая смеется

нервным, немного боязливым.

– Вне всякого сомнения, дочь моя – вмешался Зануда, услышав меня. – Я тебе уже говорил, что лошадь плохо спит по ночам и потом в течение дня ей хочется прилечь. Это то, что произошло с этим жеребцом на мельнице: он спал, а проснувшись внезапно, испугался всей этой возникшей суматохи.

– Карраль! Карраль!

Вне себя от ярости, Зелёное Стекло грозил лошади побить её тростью.

Я поняла, что про меня все забыли, и решила последовать примеру La Vache qui Rit. С одной стороны, увидев, как вела себя лошадь, я начала гордиться тем, что была коровой, а с другой – до страха ли тут, до рогов ли, я ничего не боялась, я хотела отомстить этим зубастым за тот кошмар, что они заставили меня пережить.

Набрав скорость на спуске, я устремилась прямо к тому из братьев, что как раз выбирался из речки.

– Вы не знаете, какая эта чёрная корова! Она очень опасная, совершенно сумасшедшая – говорил он Зелёному Стекла, показывая на La Vache qui Rit, стоявшую сейчас рядом с противоположной мельничной дверью.

Он едва успел закончить фразу, как я набросилась рогами на него. Внезапно послышался шум, как тогда, когда хрустит и ломается какая-нибудь щепка в лесу.

«Я сломала себе рог?» – подумала я. Но этого не случилось, не повезло как раз зубастому, который стонал и кричал, сжимая одной рукой запястье другой.

– Ах, что это? Она сломала мне запястье!

– Карраль! – завопил Зелёное Стекло. Он оставил свою трость, воткнув в землю, и пошёл к лошади. На ней висел чехол с винтовкой внутри.

– Уходи! Уходи оттуда! Иди за мной! – попросила меня La Vache.

Я почувствовала, как по коже побежали мурашки, и пустилась следом за ней к лесу Баланцатеги. Прежде чем Зелёное Стекло успел прицелиться в нас, мы обе были на безопасном расстоянии, не очень далеко от места, где я недавно родилась.

Прошло много времени с того дня, но до сих пор я задаю себе вопрос: эти мурашки, которые у меня побежали, когда меня позвала La Vache qui Rit, побежали отчего? Из-за напряженности момента? Из-за опасности? Или потому, что кто-то, в первый раз, обращался со мной как с другом? Не знаю, но, в любом случае, это был великий день в моей жизни.

La Vache qui Rit была некрасива и плохо сложена: слишком маленькая по сравнению с величиной, которую обыкновенно имеем мы, коровы, к тому же у неё были слишком короткие шея и ноги. Однако у неё была очень мощная грудь, и её голова и холка тоже были очень мощными. А цвета, как я уже раньше сказала, она была такого же, как и я: чёрного.

– Сколько костей ты сломала до сегодняшнего дня? – спросила она меня, устроившись на лесном мху.

– О чем это ты?

Я была вынуждена попросить её повторить вопрос, так как Зануда помешал мне расслышать её слова.

– Дочь моя, в этом мире нет ничего лучше, чем жить, следуя распорядку – сказал мне Зануда. – Уже стемнело, и пора идти домой.

Оставь ночь филину, летучей мыши и другим ночным животным, и иди отдыхать. Тот, кто теряет ночной сон, теряет потом и следующий день.

Однако, несмотря на всю мою неопытность, я решила не следовать советам Зануды. Я предпочла остаться с La Vache qui Rit. В конце концов, я была обязана ей жизнью. И вот, рассудив таким образом, я прилегла рядом с ней.

– Правильно, сейчас ночь, но несмотря на все, ты не спешишь отправиться спать – произнесла La Vache. – По крайней мере, кажется, что ты не дурочка. Большинство этих из Баланцатеги как раз такие, они думают только о том, как бы поесть да поспать. Это отвратительные коровы. Но ты, кажется, другого сорта, и тем лучше для тебя, потому что в этом мире нет создания глупее, чем глупая корова.

– Конечно же, – согласилась я с кротостью.

– Как бы то ни было, не беспокойся. Даже если мы пойдём домой через два часа, двери в хлев Баланцатеги все ещё будут открыты. В этом доме мы, коровы, делаем все, что нам захочется, это настоящий рай для нас. Никакой дисциплины, никакой работы, и к тому же, время от времени, пиры.

– Пиры?

– Да, ты правильно поняла, пиры. Иногда они бывают для рыжих коров, иногда – для нас, чёрных. Чаше для нас, чем для рыжих. Эти пиры очень хороши, вот увидишь.

– Дочь моя, – услышала я тогда, – пообещай мне одну вещь. Ты отправишься в стойло, как только попрощаешься со своей новой подружкой. Скажи ей до свидания как можно более вежливо и преспокойно иди спать. Ты ведь должна познакомиться и с другими

коровами из Баланцатеги.

И опять я демонстративно не послушалась Зануду. Я решила продолжить разговор с La Vache. Мне хотелось столько всего спросить, что я не знала, с чего начать: что это за история с пирами в Баланцатеги? Кто такие этот Зелёное Стекло и его двое подчинённых? И что они делали на мельнице? У меня обрывалось дыхание. Как говорится в поговорке:

Как заладит корова с расспросами,
не успокоишь её и покосами.

Но La Vache была очень несуетливой и, не обращая внимания на моё любопытство, принялась оглядывать меня с головы до ног. Глаза её блестели.

– Так, значит, как ты говоришь? Что эта кость, которую ты сломала этому с мельницы – первая в твоей жизни? – произнесла она спустя некоторое время. Кажется, она не замечала, что я была новорождённой.

– Ну да, – ответила я ей. Я не могла справиться с робостью.

– Ты должна сломать больше, гораздо больше. Корова, покидающая этот мир, не сломав двадцать-тридцать костей – это глупая корова. Очень глупая, надо сказать!

– Послушай, дочь моя, – вмешался Зануда. – Это хорошо – заводить друзей, но неправильно очаровываться первым, с кем познакомился. В стойлах Баланцатеги тебя ждут другие подружки, и ты должна пойти познакомиться с ними.

Тогда, в этой ситуации, вмешательство Зануды меня успокоило. Я немного пошевелилась и устроилась в другой позе.

– Что с тобой? Это тот внутренний голос? – обратилась ко мне

La Vache совершенно обыденным тоном. Видимо, внутренний голос был одной из наших особенностей, деталь, которую бытность коровой влекла за собой. Я кивнула ей в знак согласия. Что да, именно это было причиной моего беспокойства.

– Он и меня утомляет – ответила на это La Vache, поднимая голову к темноте ночи и говоря задумчиво. – Не знаю, в моем случае есть что-то такое, что не ладится. Мой внутренний голос не кажется голосом коровы. Всё время он твердит мне одно и то же, о драке, о борьбе, об атаках. «Бодни этого, ткни рогом того», вот какие вещи я слышу. И чтобы я ушла из Баланцатеги и избегала хлева: «Уходи, уходи быстро. Убегай в лесную чащу, там твой настоящий дом». Честно говоря, не пойму, что происходит. Как будто мне дали голос кабана, а не коровы.

Её взгляд, в тот момент еще более блестящий, чем когда-либо, был направлен куда-то, то ли к лесу, то ли к луне. Я ничего не сказала. С одной стороны, мне не хотелось сказать что-то неуместное в тех обстоятельствах, но, с другой, в La Vache было что-то дикое и мрачное. Те же зубастые братья с мельницы так сказали: это не была обычная корова, это была опасная корова.

– А твой? Каков твой внутренний голос? – спросила она меня неожиданно, прервав свою задумчивость.

– Он складно говорит, но немного медленно. Единственное, что я знаю о нем – это что он всегда за то, что хорошо быть коровой. Он говорит, что быть коровой – это самое лучшее, что может быть.

– Это уже кое-что – произнесла La Vache без особого интереса. Её мысли были уже далеко.

– Очень плохие люди эти типы с мельницы – сказала она вскоре, переключившись на новые думы. – Плохие люди эти два

близнеца с большими зубами, а этот с очками ещё хуже. Конечно, опасен этот старик, если даже мой внутренний голос, будучи любителем всяких драк, советует мне оставить его в покое. Так что учти. С близнецами нет проблем, эти двое – всего лишь пара местных крестьян-дурачков. Но со стариком будь осторожна. Он, без сомнения, иностранец, и ему очень нравятся ножи, рапиры и всякое такое. Ты уже видела палку, которую он с собой носит.

Я посмотрела в сторону мельницы. Луна освещала её стены, казавшиеся от этого белыми.

– Почему они ходят на эту мельницу? – спросила я у La Vache.

– Близнецы живут прямо там. Но настоящий начальник сейчас этот старик. Где-то с месяц назад он стал ходить на мельницу и приказал этим двоим, чтобы они там работали. И ты уже видела, они что-то мастерили.

– Мне показалось, что они обновляли крышу – сказала я ей, желая не отставать.

– Нет, они не кладут новые листы на крышу, а делают там большое окно. И это как раз то, чего я не понимаю. Для чего нужно окно в таком месте? Чтобы созерцать звезды? Честно сказать, мне бы хотелось это узнать.

– Прислушайся, дочь моя – услышала я тут. – Мне кажется, они делают окно, чтобы следить за чем-то. Но не следить за звездами, потому что этот тип по прозвищу Зелёное Стекло, думаю, похож на кого угодно, но на астронома точно нет. Подумай немного, пожалуйста. Что будет хорошо видно из этого окна, когда работу закончат?

«Место, в котором находимся мы, Баланцатеги!» – подумала я про себя. И тут же поделилась мыслью с La Vache qui Rit.

– Я считаю, что это окно будет нужно для наблюдения за Баланцатеги. Кто-то будет стоять на часах на той мельничной крыше.

La Vache qui Rit кивнула.

– Слава Богу! Слава Богу, что ты поняла! – сказала она тогда. – Я тебя хотела проверить, чтобы понять, есть у тебя голова на плечах или нет, и теперь вижу, что она у тебя есть! Я рада, что ты не глупая корова. Меня и в самом деле это очень радует. Ведь нет в этом мире ничего хуже, чем глупая корова.

Я вздохнула с облегчением, ведь мне удалось не упасть в глазах La Vache. Без слов – только мысленно, я хочу сказать – я поблагодарила за помощь Зануду.

– Так вот, Нож хочет следить за нашим домом – снова заговорила La Vache. Она звала Зелёное Стекло Ножом. – Почему? Вот, не знаю. Поэтому я обычно наверху на склоне контролирую мельницу и слушаю, что там говорится. Но Нож очень скрытен, он мало чего рассказывает зубастым. К тому же, он так странно разговаривает, мне не очень легко его понимать.

– А мне не то что трудно, я даже не пытаюсь его понять. Я его совершенно не понимаю. Но... Это правда, что ты ничего не знаешь?

La Vache стала смотреть на меня с очень серьёзным видом. Нет, в этот раз она не хотела испытывать меня.

– Я ничего не знаю наверняка, это правда. Но, естественно, я сделала выводы.

– И каковы же эти выводы? – спросила я с невинностью коровы, только что появившейся на свет.

La Vache qui Rit стала пристально смотреть на меня этими своими блестящими глазами, серьезнее, чем когда-либо.

– Ты слышала что-нибудь о войне? – сказала она, помолчав.

– Нет, не слышала.

– Конечно, ты же такая молоденькая, это понятно. Но я уже не так молода, и уже кое-что видела в жизни. Войну, попросту говоря. Посмотри на нашу долину Баланцатеги, на небо там наверху, на эти горы и эти леса...

La Vache qui Rit прервала свою речь и снова надолго замолчала. Я же сделала так, как она мне сказала, и стала смотреть на луну. В эти первые ночные часы долина погрузилась в молчание, и только и слышен был шум, который то там, то здесь поднимал южный ветер.

– Да, сейчас все погрузилось в молчание и покой – продолжала La Vache. – Но тебе надо было видеть эту долину год назад или меньше. Выстрелы из ружей в любое время дня и ночи. И ещё выстрелы из орудия. И потом самолёты, которые расстреливали из пулемета окрестности и убивали все живое. Один из этих самолётов упал здесь недалеко, наверху в долине. Это самолёт красивый, маленький и серебристый.

– Где этот самолёт? Я бы хотела увидеть его! – сразу оживилась я. Я никогда не видела самолёта.

– Знать это значило бы знать столько же, сколько знаю я, подруга – сухо ответила мне La Vache. – Всё, что связано с самолётом, это мой секрет, я единственная, кто знает это место. Может быть, я тебе его когда-нибудь покажу, посмотрим.

La Vache присмотрелась ко мне. Она не могла решить, глупая я корова или нет. Она не хотела показывать упавший самолет глупой корове.

– Даже если ты не покажешь мне это место, я его найду –

ответила я, пытаюсь говорить так же сухо, как она. – Но сейчас давай продолжим говорить о войне и о том, что происходит на мельнице.

La Vache подняла голову. Ей нравилось, как я отвечаю.

– Ну, так вот, до недавнего времени здесь была война – начала она снова, более дружелюбно. – Солдаты с одной стороны и с противоположной. И многие из них умерли. В этом самом лесу – трое.

– Трое мужчин?

– Да, трое мужчин. Их убили там, подальше отсюда. Муж Хеновевы был среди них.

Я просто умирала от любопытства. От нетерпения узнать, что же там случилось, у меня даже сбивалось дыхание.

– Муж Хеновевы? А кто такая Хеновева?

– Хозяйка Баланцатеги! Кто же еще! – воскликнула La Vache сердито. Мне показалось, что она вот-вот потеряет терпение. Но если она была норовистой коровой, то и я не отставала.

– А что ты хотела, чтобы я знала, если я ещё даже не заглядывала в стойло Баланцатеги? Не видишь разве, я только гуляла по горам? – сказала я ей очень твёрдо.

– Ладно, ладно – согласилась La Vache примиряющим тоном. – Так вот, как я тебе говорила, Хеновевой зовут хозяйку Баланцатеги.

Я почувствовала, что она все больше и больше меня уважает. Несомненно, именно так надо было общаться с La Vache.

– Её мужа расстреляли, когда война уже почти закончилась. Её мужа и ещё двух человек. Хочешь увидеть могилы?

– Ой, да! – воскликнула я.

Мы пошли по тропинке, которая вела прямо к дому, хорошо

видному в такое тёмное время из-за белых стен и луны, и когда мы уже почти дошли до этого места, немного свернули к лесу и оказались в саду, окружённом деревьями. Но это место, несмотря на большое количество цветов, что там было, оказалось вовсе не садом, а кладбищем. Об этом говорили три деревянных креста, которые возвышались над цветами.

– Муж Хеновевы и его два товарища. Расстреляны прямо здесь – сказала La Vache и прилегла на краю кладбища. Свет луны смешивал цвета: красные цветы казались чёрными, а белые – синими. Мох покрывал землю, словно ковёр.

– А когда именно закончилась война? – спросила я тихо, не решаясь прилечь. Я знала, ещё с преследования, которое претерпела на мельнице, как болезненна всегда бывает смерть, и эти три кладбищенских креста вызывали у меня чувство, похожее на страх. Но La Vache, казалось, уже привыкла к этому месту, и оно не производило на неё впечатления. Она попросила меня прилечь рядом.

– Это как раз то, что я пытаюсь понять – сказала La Vache, как только я оказалась рядом. Она разговаривала со мной без недомолвок, как равная с равной. – Я пытаюсь понять, закончилась ли война. Сейчас уже год как говорят, что да, и это вроде похоже на правду, потому что не слышны выстрелы и разрывы. Но с другой стороны, я не очень в этом уверена, у меня есть свидетельства, что война ещё продолжается. По крайней мере, здесь, в Баланцатеги. И это как раз причина, по которой Нож и другие следят за домом.

– Кто следит? – спросила я. Я совсем забыла об имени, что La Vache дала Зелёному Стеклу – Нож.

– Эти, с мельницы – ответила мне она, погруженная в глубокие

размышления. Немного погодя, она вздохнула и вдруг сказала нечто, что меня встревожило: – Да, это правда. В этом доме происходят странные вещи. Действительно странные.

Она снова замолчала и задумалась, как будто бы совершенно позабыв обо мне. Я же хотела задать ей столько вопросов: почему она это говорила, что это за странные вещи в Баланцатеги, но не решилась и звука произнести. Было некрасиво столько спрашивать, это было несерьёзно. Как там в поговорке:

Много будешь знать – скоро
состаришься.

Так как La Vache, казалось, не собиралась выходить из своей глубокой задумчивости, я замолчала и стала смотреть на кресты маленького кладбища. Муж Хеновевы. Его товарищ. Ещё один. Трое расстрелянных солдат. Закончилась ли война в Баланцатеги? Эти непонятные вещи, о которых говорила La Vache, были ли они как-то связаны с этими смертями? Да, скорее всего, связь была.

– Дочь моя, – тут услышала я. Зануда разговаривал со мной изнутри. – Я тоже думал и пришёл вот к чему: что эта корова, немного угрюмая и которая сама себя называет La Vache qui Rit, сказала однажды кое-что, что меня удивило. Она утверждала, что Баланцатеги – это рай для коров и что в этом доме, который, кстати, несмотря на мои советы идти к ночлегу, ты все ещё не видела., так вот, что в этом доме у коров нет никакой работы, и что в нем не царит дисциплина, что иногда бывают пиры... и правда, если хорошо подумать, не подозрительно и не странно ли все это?

Зануда был прав, это точно. Я тоже помнила о рае и пирах и, в самом деле, все это было немного странно. Я повернула голову к La Vache и собралась задать ей вопрос, один вопрос, и в этот раз

взаправду очень по делу.

Мне не представилась возможность осуществить свое желание. Внезапно незнакомый и жуткий звук достиг кладбища и заставил меня изменить вопрос.

– Что это за животное так шумит?

Воображение, словно во сне, нарисовало мне этого зверя: это была птица невероятных размеров, с синими перьями и полётом, очень похожим на орлиный.

– О чем ты сейчас думаешь? – сказала мне La Vache, видя, что я смотрела на небо. – Это никакая не птица, а одна из пластинок Хеновевы; звуки скрипки, если хочешь знать. У Хеновевы есть привычка слушать пластинки, не каждую ночь, но время от времени да. А сейчас, пошли в стойла. Они находятся внизу, под гостиной Баланцатеги, и там музыка слышна лучше, чем где-либо.

Предложение мне понравилось. Я не знала, что такое пластинка, но то, что она играла, мне нравилось. Как говорится в поговорке:

Бетховен, Шопен и Мендельсон играют –
много радости корове доставляют.

– Мы ещё поговорим о войне. Нам ещё о многом надо поговорить – прошептала мне La Vache, входя в хлев.

Наконец мы зашли, и мелодия скрипки меня захватила. Наконец-то я была в Баланцатеги, в своем доме. И когда коровы, которые там собрались, меня приветствовали, как дела, Мо, добро пожаловать, Мо, проходи, Мо, я себя почувствовала важной персоной. Нет, быть коровой – это совсем немало.

4. Моя счастливая жизнь в Баланцатеги и её грустное продолжение. Женщина по имени Хеновева. Пир, который устраивают нам, чёрным коровам. Что случилось ночью после пира.

После того, как я появилась, в Баланцатеги стало двенадцать коров, пять рыжих и семь чёрных. Большинство из них, как меня и предупреждала La Vache, были достаточно глупые, из тех, что думают только о том, как бы поесть да поспать, но, с другой стороны (ведь надо же все же сказать и о хорошем), они были приветливые и добрые, коровы, которые всегда и во всем готовы были прийти мне на помощь. Как рыжие, так и чёрные – все хотели дружить со мной, разговаривать со мной, ходить со мной в луга или на речку пить воду. И всё это время мои нежные ушки новорождённой, только увидевшей свет, слышали только добрые слова: «Пожалуйста, Мо, пойдём с нами попробовать эту люцерну, пожалуйста, Мо, зайди в эту такую прохладную тень». Проходил день, другой, и ничего не менялось, моя жизнь протекала самым лёгким и удобным образом.

Наверное, все было слишком благолепно, не знаю. Или лучше сказать, конечно, я это знаю, конечно все было слишком благолепно, настолько, что в конце концов я превратилась в ленивую, капризную корову, которая была неспособна покинуть гостеприимный дом Баланцатеги. Из стойла да в луга неподалёку, и из лугов в стойло – вот и был весь мой маршрут. Я была так зависима от стен этого дома, что меня можно было сравнить с мухой, которая не может слезть с медового горшка.

– А голова? – спросит меня кто-нибудь. – Что происходило в твоей голове? Так вот, принимая во внимание, насколько глубоко она все это осознавала, она была не намного умнее головы самой обычной мухи, и не могла что-либо понимать. Она не понимала,

например, что некрасиво так поступать с La Vache – не приходить к мельнице и не помогать ей следить за Зелёным Стеклом и его дружками. Да, каждый день я собиралась навестить её, но наступала ночь, а я так и продолжала стоять всеми четырьмя копытами в мягкой глине Баланцатеги. Бывало, что я, вспоминая наш разговор у маленького кладбища, приказывала себе пойти к La Vache и продолжить разговоры о войне, но в итоге всегда это свое намерение откладывала до следующего дня. Как говорится в пословице:

Корова, у которой нет головы,

Не выпьет вовремя и воды.

Именно так со мной и было, и, значит, я рисковала потерять подругу. Рискнула потерять настоящую подругу, замечу я, потому что, кроме La Vache, у меня не было подруг в Баланцатеги; приятельницы по хлеву были, но подруг не было.

К тому же, той необыкновенной сладости жизни, что я ощущала в Баланцатеги, я была обязана не только коровам-глупышкам. У меня была ещё одна причина не уходить далеко от стойла, и этой причиной была Хеновева, хозяйка дома.

Хеновева была человеком очень серьёзным, немногословным, и в те времена ей было уже далеко за пятьдесят. Когда я вспоминаю те годы сегодня, имея за спиной жизненный опыт, мне кажется, что по характеру она была противоположностью Полин Бернадетт: если Хеновева отличалась твёрдостью, здравомыслием, то Полин свойственны лёгкость, весёлость и противоречивость. Потому как, честно говоря, кажется, что у маленькой монахини не одно сердце, а целых десять; десять сердец, живущих там и тут, маленьких, словно колокольчики, которые обычно носят кошки, десять сердец, которые,

тем не менее, никак не могут договориться друг с другом, а зазвучав, все звенят по-разному. Потому она и отвечает так, как ответила мне недавно после возвращения из своей деревни:

– Какой же очень прекрасный день был у меня, Мо! – начала она радостно, звеня двумя-тремя очень звонкими колокольчиками. – Через какое-то время я по-настоящему захотела увидеться с *ma mère* и *mon père*²⁹. Но какая же *tristesse* в час расставания, Мо, какая же *tristesse*³⁰! – все звенела она тяжёлым и грустным колокольчиком. – И ты представляешь? Автобусá в Альцюрюкю отменили! Не имея на то прав! Это просто *soschonnerie*³¹! Да простит меня мой Господь за такие слова, но это просто *soschonnerie*! – такими словами она закончила рассказ, совершенно рассерженная, строго звеня остальными колокольчиками.

Хеновева же, хозяйка Баланцатеги, не имела такого разнообразия внутри, у неё было всего одно сердце, большое и глубоко чувствующее, сердце, звучащее как те колокольцы, что иногда имеем обыкновение носить мы, коровы. Ее сердце нелегко было тронуть, оно не принималось трепетать из-за какой-нибудь ерунды; но когда это случалось, когда что-то сильно ударяло в эту грудь – звучание его было очень громким и мрачным, способным даже разрушить саму эту грудь. Возможно, именно это с ней и случилось после расстрела её мужа в лесу, когда её сердце и её душа навсегда погрузились во мглу.

Хеновева управляла жизнью Баланцатеги почти без чьей-либо помощи. Да, у неё был слуга, которого мы, коровы, называли Сутулым. Это был пожилой человек, который выполнял её поручения и делал кое-какую работу по хозяйству. Но Сутулый мало чем мог

²⁹ мою мать и моего отца

³⁰ грусть

³¹ свинство

помочь, потому что, как это понятно по тому прозвищу, что мы ему дали, физическое его состояние было совсем плачевным, и ещё потому, что он бывал в Баланцатеги только по утрам. В полдень он садился на велосипед и уезжал в город обедать, медленно, очень медленно, словно боялся упасть. Посмотрев на него, можно было подумать, что Хеновева держала его в слугах просто, чтобы не быть одной... я хочу сказать, что создавалось такое впечатление, и это очень верно сказано, потому что старый слуга в свое время поведёт себя просто удивительно. В самом деле, Сутулуй был необычным в этом доме. А необычного там было много: странным было то, что там не было ни собак, ни кур, ни свиней – животных весьма обычных для других домов долины. И также удивляло, что там никто не умел хорошо косить, потому что ни Хеновева, ни слуга совершенно не умели работать косой – я не говорю, как Полин Бернадетт, но хотя бы сносно. Но я останавлиюсь, не стану дальше рассказывать обо всех странностях Баланцатеги. О них будет сказано в свое время. Как говорится в одном изречении:

Тот, кто хочет узнать все немедленно,

Пусть открывает книгу с конца.

Женщина, сильная духом, Хеновева никогда не показывала слабости, даже когда она уединялась на маленьком кладбище в лесу, чтобы преклонить колени у крестов, и она была до того сдержанна в словах и мимике, что малейшая её реакция приобретала необыкновенную важность. Так было со всеми нами: её приветствие делало радостным весь день, её похлопывание по холке было почти праздником. И случилось так, что эта сильная и выдержанная женщина позвала однажды меня к себе, говоря:

– Так эта чернушка и есть новенькая!

Одной этой фразы хватило для того, чтобы я, чувствуя себя счастливейшей из всех коров на свете, упала к ее ногам. Глядя на это с моей нынешней точки зрения, что я хочу сказать: что ничего там такого не было, что уже было понятно, что что в те времена моя голова соображала не лучше головы мухи. Но, как бы там ни было, каждому возрасту свое, и нужно с этим считаться. Сейчас за мной ухаживает Полин Бернадетт, это удача, которую мало кто заслуживает, но я стара, сейчас мне недоступно счастье, которое обычно даёт простодушие. Тогда же, наоборот, я жила среди людей, которым было очень трудно, в эпоху, когда сказывались последствия войны, но я была молодой, да и немного незрелой, и жизнь казалась мне легкой.

Но ощущение счастья было не единственным последствием внимания Хеновевы. То, как она со мной общалась, придало мне веса в глазах глупых коров из хлева, и они стали обращаться со мной, как с важной персоной. Таким образом, медовая патока жизни в Баланцатеги становилась все слаще и слаще, и я уж почти совсем не вспоминала о La Vache. Я думала о её существовании, только когда она, желая послушать одну из пластинок Хеновевы или по какому-то другому особому поводу, появлялась у хлева. Она всегда приходила ночью и проходила в свое стойло, ни с кем не разговаривая. Оказавшись там, она поднимала голову и бросала на нас долгий презрительный взгляд:

– Что может быть глупее глупой коровы! – вот что означал этот взгляд.

Поначалу мне было очень трудно смириться с её поведением, потому что той головой мухи, что была у меня тогда, я не могла понять его; я объясняла его плохим характером La Vache и думала, что она была очень плохой подругой. Но, конечно же, дела обстояли с

точностью до наоборот, плохой подругой была я, это же я её игнорировала. Как я уже говорила, я так ни разу и не сходила на мельницу и не выказывала никакого намерения продолжать разговоры о войне.

Постепенно я забыла обо всем. Зелёное стекло и двое зубастых, которых я увидела на крыше мельницы, казались мне персонажами из давнего кошмарного сна; истории о том, кончилась или нет война – историями столь же старыми, как сам Сутулый; самолёт, упавший в окрестностях, и кресты маленького кладбища – ничего не значащими вещами. Однако же эта забывчивость, которая, продлившись она дальше, уничтожила бы дружбу, возникшую между мной и La Vache, не затмила собой все. Всё стало меняться как лучшему в один осенний день, когда нам, коровам, устроили один из знаменитых пиров Баланцатеги.

Я была в лесу вместе с другими коровами, отдыхая на опавшей листве, как вдруг появились Хеновева и Сутулый.

– Все на подъем! На подъем! – говорил Сутулый, подгоняя нас прутом.

– Ну-ка! Быстро! – настаивала Хеновева, серьёзная, как никогда. Учитывая то, что мы все-таки коровы, нам понадобилось время, чтобы подняться, но в итоге мы собрались у тропинки и пошли к дому. Когда все были у хлева, Сутулый принялся нас считать:

– Одиннадцать! – подвёл он итог, хлопнув нас всех по крупу, не пропустив ни одну корову. – Какой же это не хватает? – спросил он у Хеновевы.

– Ну кого же еще! Конечно же, этой надменной кривобокой коровы! – отозвалась вполголоса рыжая корова по имени Бидани, та самая, которая мне рассказывала об Ангеле-Хранителе.

– Зачем ты так говоришь? La Vache qui Rit не надменная! – воскликнула я.

– Ещё какая! Если она не надменная, зачем тогда просит так называть себя? La Vache qui Rit! А ведь её настоящее имя – Упрямица! И потом, почему она все время ходит отдельно от стада? Потому что она надменная и очень глупая – заключила Бидани.

Хотя обычно она не бывала такой неприветливой, нетерпение узнать, для какой части стада будет пир – для рыжих, таких, как она, или для нас, чёрных, – делало её острой и невоздержанной на язык.

Я же, в свою очередь, никак не отреагировала и ничего не сказала. Мне больно было слышать такие слова от Бидани, но мысль о том, что я должна была защитить La Vache даже не пришла мне в голову – а голова моя была не умнее головы мухи, прошу заметить. Ведь, на самом деле, это было постыдно, такое поведение до сих пор мне неприятно. Ведь людей, которых ценишь, нужно защищать всегда и несмотря ни на что: от волков, от глупых коров, от злых языков, от несчастных, которые платят злом за добро, ото всех. Сейчас, в моем возрасте, я ни на кого не нападаю и защищаю своих, например, Полин Бернадетт, даже и против её желаний.

Вспоминается, в связи с этой историей, событие, которое произошло в couvent не так давно. В тот день Полин Бернадетт сделала нечто недопустимое с точки зрения монахинь, давших обет затворничества: она открыла двери и впустила посторонних людей в наш сад. Это были шестеро молодых людей, в ботинках и с рюкзаками, они появились у входа в часовню и попросили разрешения поставить свою походную палатку.

– Позвольте нам развернуть палатку где-нибудь у вас, Sœur. Мы бы чувствовали себя гораздо безопаснее в вашем саду, чем в

чистом поле – сказали они Полин Бернадетт. В группе было три девушки и три парня, и за всех говорил молодой человек со светлыми волосами.

Couvent, который и в самом деле похож на крепость, просто огромен, и в его стенах есть все, что душе угодно, от здания собственно couvent до всего того, что должно быть в большом сельскохозяйственном угодье: поля, засеянные травой, кукурузные поля, курятники, помещения для обычных коров и для коров особенных, вроде меня, длинные ряды фруктовых деревьев, сарай для всякой техники, кухни, где монахини готовят шоколад и варенье... Так что проблем со свободным местом не было, и молодёжь могла расположиться где угодно. Проблема была в том – как я уже отметила, – что законы couvent не допускали пребывания посторонних внутри. И как раз об этом Полин Бернадетт и сказала этим ребятам.

– Но, Sœur, – опять заговорил светловолосый, который был у них за главного, – вы не можете оставить нас за воротами. Здесь вокруг повсюду только горы, и нам страшно. Особенно девушкам. Не могли бы вы как-нибудь нас впустить?

Полин Бернадетт задумалась. Умом она понимала – нет, она не может нарушить правила couvent и, к тому же, не так уж все было страшно, не так уж много было гор вокруг, да и её родной посёлок, Альцюрюкю, был недалеко; но её сердца, все её десять сердец, похожих на кошачьи колокольчики, названивали ей совсем другое, они требовали предоставить убежище этим людям, так просившим об одолжении.

– Любая Sœur нужно подчиняться правилам couvent, но la

charité³² важнее, чем все многие вещи в мире, Полин Бернадетт, – сказала она самой себе.

Через некоторое время одна дверца далеко от главного входа уже открывалась, чтобы впустить этих молодых людей.

– Очень вас прошу. Restez-vous³³ здесь очень secrètement³⁴, и потом утром вы уходите с первым rayon du soleil³⁵. Если Notre Mère Supérieure³⁶ узнает о том, что я сделала, я пострадаю. Я на месяц получу penitence³⁷, это как минимум, – сказала им маленькая монахиня, проводив их на уютную лужайку в саду.

Молодые люди кивнули и принялись ставить палатку. Что касается меня, они казались мне подозрительными. Мне не очень нравилось, как смеялся вожак этой группы, этот светловолосый.

До наступления ночи все было тихо, потому что, по крайней мере мне, смешки, раздававшиеся время от времени из палатки, не мешали. Но потом, когда совсем стемнело, все три парня и три девушки вышли оттуда и начали творить бог весть что. Они пошли к одной из посадок фруктовых деревьев и стали срывать черешню, очень развязно, варварски ломая, например, целую ветку, чтобы сорвать две-три ягодки. Было понятно, что они были навеселе.

– Я же говорил вам, что сегодня мы наедемся черешни – крикнул в какой-то момент светловолосый, раскрывая истинные намерения, имевшиеся у него, когда он подходил к Полин Бернадетт.
– А место? Как вам это местечко? Разве это не потрясающе? – добавил он хвастливо.

³² милосердие

³³ оставайтесь

³⁴ тайно

³⁵ луч солнца

³⁶ наша матушка аббатиса

³⁷ наказание

«Неблагодарные люди, которые отвечают злом на добро, это самый отвратительный тип людей во всем мире», – подумала я. Только совершенная скотина будет обманывать такого человека, как Полин Бернадетт.

За ужином они много пили и смеялись ещё больше, просто гоготали, иногда так громко, что их, наверное, было слышно в Альцюрюкю. Интересно, сколько времени понадобится матушке аббатисе, чтобы проснуться от всего этого гвалта? Я чувствовала себя все более и более беспокойно, нервничала, стоять в стойле становилось все труднее.

Когда хохот и крики стали невыносимыми, некая тень, вооружённая палкой, пересекла сад. Это была Полин Бернадетт. Она шла весьма рассерженная, и при этом очень испуганная.

– Cochonnerie! Это просто cochonnerie³⁸! Прочь, варвары! Прочь из couvent très vite³⁹!

Эти люди продолжили в том же духе, разве что теперь они разглядывали Полин Бернадетт.

– Ничего себе, какая мелкая! Не монашка, а карлица! – взвизгнул светловолосый. Это замечание чрезвычайно развеселило остальных парней и девушек из этой шайки.

– Варвары! – повторила Полин Бернадетт и, размахивая палкой, разбила две-три бутылки с пивом, что стояли у палатки.

В то время как остальные были дураками и больше никем, этот светловолосый был очень плохим, просто негодяем. Лицо его перекосилось, он встал у палатки и сильно толкнул маленькую монахиню. Затем он бросил в её адрес несколько грубых бранных

³⁸ свинство

³⁹ очень быстро

слов.

Колокольчики Полин Бернадетт внезапно замолчали. Она была в шоке. А светловолосый знай себе продолжал обидно шутить да веселиться. Разумеется, при поддержке других глупцов.

– Настало время сломать ещё парочку костей, Мо, – решила я про себя. Не могла я позволить, чтобы так обращались с Полин Бернадетт. Я не могла отмахнуться от неё так, как в свое время поступила с La Vache.

Тут пришёл конец выходкам и оскорблениям этого светловолосого. Увидев, как я выхожу из хлева, он схватил одну из разбитых маленькой монахиней бутылок и напыжился, желая показаться смельчаком перед своей шайкой. Но у него дрожали коленки.

«Идиот! – подумала я. – Что ты о себе возомнил? Что я такая, как прежде? Думаешь, я не понимаю, что ты уже наложил в штаны? Сейчас посмотрим, долго ли ты будешь мне грозить этой стекляшкой!»

Я опустила голову, нацелила рога, одновременно приводя в движение свои пятьсот кило, и проткнула ему руку в двух местах. Потом много еще чего случилось, в саду слышались такие вопли и удары, которых и свет не видывал, но не стоит описывать то, что любой может себе представить.

– Мо, ты что! Почему ты решила совершить *de la vengeance*⁴⁰? Не есть хорошо, когда кто-то совершает *la vengeance* своевольно! – сказала мне Полин Бернадетт, когда молодые люди испарились из сада. Но, несмотря на её слова, я понимала, что её колокольчики радостно звенели.

⁴⁰ месть

Нужно защищать своих друзей, всегда. От идиотов, от соседей по стойлу, от кого угодно, всегда нужно защищать своих друзей. Однако же это не та истина, что сразу усваивается. Например, вот и я никак не понимала ее на заре своей жизни в Баланцатеги, когда моя голова была не умнее головы мухи, и поэтому я не ничего не высказала Бидани за то, что она наговорила про La Vache – ни Бидани, ни Сутулому, который тоже обругал её за то, что она поздно явилась на пир.

– Где эта чёрная нескладная упрямая корова? – воскликнул Сутулый, посчитав нас, стоявших напротив хлева.

– Она, наверное, где-то рядом со старой мельницей, она всегда там гуляет. Но не знаю, думаю, мы можем оставить ее снаружи – сказала Хеновева со своей обычной серьёзностью.

– А если она смешается с рыжими? Я знаю, что это вряд ли, но может так случиться. Лучше она тоже зайдёт в хлев.

– Я свистну – сказала Хеновева. Она была большим мастером в этом деле, и в тот день у неё тоже получился длинный и звонкий свист. Она, к тому же, умела свистеть трелями: иногда она точь-в-точь повторяла композиции, которые слышала на пластинках.

Второй раз не понадобилось звать. La Vache появилась внизу на том берегу речки и, обладая мощностью, которой ни у кого больше в Баланцатеги не было, преодолела склон, ведущий к дому, в мгновение ока. Может, она и была нескладной и упрямой, но её физическая сила намного превосходила силу любой другой коровы. Кроме того, она была смелой, и у неё были мозги. Сам Сутулый это признал, как только она присоединилась к стаду. Она встала прямо у двери в хлев, будто собираясь войти туда.

– Заходи, заходи – сказал ей Сутулый, открывая дверь. – Ты

совсем не глупая. Надо же, как ты догадалась, что сегодняшний пир будет для чёрных!

И в самом деле, застолье было для нашей части стада. Когда одна из рыжих, Бидани или ещё кто, пыталась войти в хлев, Сутулый отгонял её палкой.

– Дочка, будь внимательна, здесь начинается что-то твориться – услышала я тогда внутри себя. – Вспомни, о чем мы как-то говорили – о том, какими странными мне кажутся эти пиры – добавил он.

Я что-то припоминала. Мы говорили о злых людях, что были на мельнице, о войне, о пирах...

Вся суэта того пира мне нравилась. Я начинала воспринимать все более осознанно, выходить из того отупения, в которое меня погрузила благополучная жизнь, и моя голова, не умнее мушиной, выказывала способности кое-что вспоминать. В таком оживлении я стала заходить в хлев.

– Не спеши так, дочка – предостерёг меня Зануда. – Зачем так торопиться и спешить к началу пира? Почему бы не помедлить, постоять на осеннем ветерке, и, между делом, не узнать, чем угощают рыжих коров? Я считаю, что совершенно необходимо знать, когда, где и кого кормят. Иначе мы никогда не узнаем, что это такие за дела в доме.

Я послушалась Зануду и, повернувшись в сторону от хлева, побежала к рыжим коровам.

– Ещё чего, ну-ка внутрь – сказала мне Хеновева, едва меня увидев. Она и Сутулый загоняли группу рыжих коров на маленькую площадку, окружённую каменной стеной. И это тоже было чем-то совершенно непривычным. Обычно нам не давали заходить туда, даже когда трава там очень сильно выростала.

– Иди в хлев! Ты, в стойло! – закричала мне Хеновева. Не задерживаясь более, я побежала к своим товаркам. Я узнала то, о чем просил меня Зануда, узнала, куда загоняют рыжих, когда пир устраивали нам. Или куда поставят нас в день, когда пир будет уже для них.

– Почему нас отделяют друг от друга? Зачем нас разделяют на две группы каждый раз, когда бывает пир? – задумалась я. Моё сознание становилось все яснее и яснее, моя голова уже не походила на мушиную.

К сожалению, мне не с кем было поговорить на эту тему. La Vache никак не выказывала желания снова подружиться со мной. Она продолжала молчать в моем присутствии, в глазах читалось её обычное мнение:

– Нет глупее существа на свете, чем глупая корова!

В такой ситуации нечего было и пытаться заговорить с ней, так что я полностью сосредоточилась на корме, что нам положили в кормушку.

Думая об этом сегодня, имея опыт, который даёт нам жизнь, я бы не назвала пиром ту еду, что нам дали в тот день в Баланцатеги. В конце концов, это был всего лишь фураж, корм белесоватого цвета, который иногда в мешках привозил фургончик Шевроле. Но, конечно, в те времена мы, коровы, почти не знали, какая бывает еда за пределами поместья, и корм этот казался нам настоящим деликатесом. Деликатесом, кстати говоря, столь же невероятным, как и сам фургон Шевроле, который ездил с помощью четырёх колёс. Это же было давно. Единственной механической штукой, которую видели в долине, до тех пор был лишь упавший самолёт, о котором говорила La Vache.

Этот фураж был чуть пряный, у него был более выраженный вкус, чем у обычной нашей травы, и мы его ели с аппетитом. И потом, после пары часов поглощения яств мы ложились отдыхать, чтобы все это переварить. Само собой, прямо там же, так как Хеновева и Сутулый ждали до следующего утра, чтобы открыть двери хлева.

В тот день – день моего первого пира – я чувствовала себя очень хорошо. Не только из-за всей этой еды, но и из-за пластинок, что ставила Хеновева в гостиной. Тем не менее, несмотря на спокойствие, что царило в Баланцатеги, Зануда ходил озадаченный. Он не понимал этого застолья с фуражом.

– Послушай, дочка. Почему фураж? Имея такую нежную, вкусную и питательную траву, что есть в Баланцатеги, к чему эта пища, которую нужно привозить в фургоне? Сколько, интересно, стоит мешок фуража? Честно говоря, я считаю это лишними тратами. И к тому же, это нездоровая пища. Всегда, когда есть возможность, нужно употреблять естественную еду, ведь иное может повредить кому-то из вас желудок. И верь мне, корова, которая портит один из отделов своего желудка, также портит немалую часть жизни. Естественное, дочка. Всегда, когда есть возможность, надо употреблять все естественное. Говоря откровенно, не знаю, о чем думает госпожа хозяйка Баланцатеги.

Кто знает, о чем думала тогда хозяйка нашего дома, которая ходила туда-сюда по гостиной и иногда включала музыку. Уж конечно, не о пользе травы, и ещё меньше о питании, которое подходило коровам. Как бы там ни было, было ясно, что – по другим причинам – она, как и Зануда, пребывала в беспокойстве, потому что тишина между пластинками нарушалась непривычными негромкими звуками: ударом слишком сильно захлопнутой двери или звяканьем упавшей посуды. Кроме того, Сутулый оставался дома – мы

видели его велосипед на углу хлева – и работал на чердаке. С чего это такое оживление? – думала я про себя. Но нужно было ждать, пока не наступит вечер и не опустятся первые сумерки. Ночь скажет мне правду. Ночь не только зажигала луну и звезды, она также раскрывала другие секреты.

Темнота уже окончательно сгустилась, когда я услышала шаги. Несмотря на то, что окошечко, находившееся напротив, не позволяло хоть что-то увидеть, мои уши тотчас же дали мне понять, чьи это шаги: это были лёгкие и одновременно энергичные, и к тому же изящные, очень изящные, в самом деле очень красивые шаги, такие, о которых я мечтала для себя в момент своего рождения. Да, и правда, это были шаги лошади. Пусть Зануда говорит, что хочет, что они плохо спят и все такое, в поступи им равных нет. Нет в мире никого, кто ходит так, как они.

Лошади, пять или шесть, а, может, и семь, остановились перед хлевом, и больше не слышно было их шагов, а стали слышны шаги нескольких мужчин. Мужчин лёгких и молодых, которые при ходьбе едва наступали на каблук.

– Всё хорошо. Вперёд! – чётко расслышала я. Это был голос Сутулого. Группа мужчин поприветствовала старого слугу.

– Как дела в горах? Дороги в хорошем состоянии? – спросила Хеновева.

– Дороги в порядке. Эта осень очень сухая – ответил один из мужчин.

– Чем раньше мы закончим работу, тем больше времени у нас будет на ужин. Так что за работу, ребятки!

– Вот что самое трудное в мире. Что для того, чтобы поесть, надо сперва поработать. Но лучше начнём, да – пошутил один из

мужчин, голос которого был слышен до этого, и все остальные тоже засмеялись. Их было, наверное, шесть или семь, но невозможно было понять, кто они и каковы. Из окошечка хлева была видна лишь ночь да светили отдельные звезды. Что до La Vache, то она пыталась разглядеть что-нибудь через замочную скважину двери хлева, но тоже безуспешно. С того места, где мы были, что-то выяснить можно было только с помощью слуха.

В течение почти получаса нагружали лошадей, вот что сказал мне мой слух. Что они грузили? Ну, судя по шуму, который слышался при падении одного из грузов, это были мешки, набитые мешки. Чем набитые? Невозможно это узнать. Только услышать.

Закончив с погрузкой, они все поужинали, достаточно быстро, говоря при этом мало. Больше всех было слышно Сутулого, то и дело упоминавшего «войну»: «Серапио, погибший на войне, после поражения в войне, те, которые выиграла войну...». Но все равно мне было трудно ухватить нить разговора. La Vache тоже внимательно слушала доносившееся из гостиной, и среди всех коров только мы с ней и не спали... Без сомнения, прекрасная возможность снова подружиться и опять начать говорить. Но, несмотря на все, я не решалась подойти к ней. Я думала, что она наверняка злится, и что, наверное, не простит меня никогда за то, что общению с ней я предпочла компанию глупых коров.

Когда ужин завершился, снова слышалась лёгкая и элегантная поступь лошадей. Из-за груза им было нелегко идти, но все равно они шли, как умели только они. В конце концов, все удалились высоко в горы, и уже нечего было делать. Оставалось только спать.

На следующий день, как только нам открыли дверь хлева, я направилась напрямик туда, где были рыжие коровы. – Что за люди

ходили здесь этой ночью? – спросила я у Бидани. Из того загона, где они провели ночь, была видна вся местность перед Баланцатеги. Если можно так выразиться, это был стратегический пункт.

– А мне-то какое дело до того, что за люди ходили? Я ничего не видела. Честно сказать, я прекрасно выспалась – ответила мне Бидани. В тот момент я окончательно решила: я покину общество глупых коров. Глупые коровы – самые глупые существа в мире. Во что бы то ни стало, я должна была помириться с La Vache.

Глава 2. Художественное своеобразие повести Бернардо Ачаги «Воспоминания одной баскской коровы»

2.1 О творчестве Бернардо Ачаги

Бернардо Ачага – это псевдоним баскского писателя, поэта и сценариста Йосебы Иразу Гармендиа (родился 27 июля 1951 года в Аштеасу). Он имеет экономическое, философское и филологическое образование. Является полноправным членом Королевской Академии баскского языка с 2006 года, в ноябре 2010 года был также

назначен членом Jakiunde (Академии Наук, Искусств и Словесности Страны Басков). Также он самый читаемый и переводимый баскский писатель в истории. Б. Ачага написал множество эссе, рассказов, более 25 книг для детей и юношества, несколько повестей для радио и пьес для театра. Он пишет на баскском языке не только потому, что он родной для писателя, но и потому, что таким он видит свой вклад в нормализацию литературного баскского языка, который был запрещён во время диктатуры Франко. Однако многие свои произведения писатель переводит сам на испанский язык, как бы создавая их заново, ведь тексты получаются не идентичными. Ачага работает и как переводчик, в частности, он перевёл на испанский язык «Робинзона Крузо» Дефо (1974). В 1976 году вышел его первый роман «Ziutateaz»⁴¹. В 1978 году им была написана поэма «Эфиопия», которая считается выдающимся образцом современной баскской поэзии. Она завершает авангардный период творческого пути автора. Ачага был членом авангардной группы Потт, которую основал в конце 1977 года вместе с другими баскскими писателями (в 1980 г., выпустив шесть журналов с одноимённым названием, группа прекратила свое существование).

Таким образом, раннее творчество Бернардо Ачаги отмечено влиянием европейского авангарда 1960-1970-х годов, что выражается, в частности, в позиции нравственного протеста и неприятия общества, его ценностей, морали. С начала 80-х годов Ачага посвящает себя профессиональной литературной деятельности, публикует рассказы в различных литературных журналах. С этого времени пишет о Вселенной Обабы, где происходит действие многих его последующих книг, среди них повесть «Vi anai»⁴², выдвинувшая Б. Ачагу в первые ряды баскской литературы. В 1988

⁴¹ «О городе» (баск.)

⁴² «Два брата» (баск.)

году он публикует наиболее успешную свою работу «Obabakoak»⁴³, гибрид повести и антологии рассказов, которая была переведена на 26 языков и получила Национальную Премию Прозы в 1989 году. Некоторые рассказы из сборника были экранизированы в 2005 году Мончо Армендарисом под названием «Обаба». Обаба – это таинственный выдуманный фантастический город, затерянный в баскской провинции, где даже животные умеют разговаривать. В детстве писатель жил в живописной баскской глубинке, в деревне, среди людей, любивших рассказывать необычные истории, о животных в том числе, и эта атмосфера сказочности очень сильно повлияла на него. В книге есть семантическая оппозиция природа (лес) – цивилизация (культура), при этом проблему противостояния природы и цивилизации автор решает в пользу первой.

В 1993 году Б. Ачага оставляет в стороне фантазийную литературу и открывает натуралистический цикл повестями «Gizona bere bakardadean»⁴⁴, опубликованной на испанском под названием «El hombre solo» (1993) и ставшей финалистом Национальной Премии Прозы, и «Zeru horiek» (1995)⁴⁵. «El hombre solo» переведена на 15 языков; это уже другая проза, обозначившая поворот писателя к событиям сегодняшнего дня, к тому, что происходит сейчас в Стране Басков, где он живёт. В 1996 году появляется новая антология текстов и поэм под названием «Новая Эфиопия», в которую, помимо прочего, включён CD, где различные баскские певцы и группы исполняют стихотворения Ачаги под музыку. В 1998 году выходит сборник Ачаги «Groenlandiako lezioa»⁴⁶, ставший лауреатом премии Страны Басков по литературе. Это коллекция экспериментальных художественных и философских текстов, основанных на игре с

⁴³ «Люди из Обабы»; кстати, «obabatxi» по-баскски – «младенец».

⁴⁴ «Одинокий мужчина» (баск).

⁴⁵ «Эти небеса».

⁴⁶ «Гренландский урок».

алфавитами, придуманной монахами для не всегда дружелюбной паствы. Например, буква А показывает существование души (Alma), буква В даёт возможность говорить о Святом Басилио (San Basilio) и так далее. Используя эту методику, Ачага вовлекает в интересную игру и читателя.

После 2000 года писатель опубликовал четыре произведения: в 2003 «Soinujo learen»⁴⁷ – повесть, в которой идёт речь об исчезновении мира Обабы. Заканчивая цикл об Обабе, Ачага также публикует в 2005 году путевые заметки-эссе «Lekuak»⁴⁸ («Местности») и коллекцию эссе «Markak. Gernika. 1937» (2007)⁴⁹.

В 2009 году увидела свет повесть Ачаги «Zazpi etxe Frantzian»⁵⁰, при этом одновременно вышли баскская, испанская, галисийская и каталанская версии – первый случай в Испании, когда книга вышла сразу на всех четырёх официальных языках этого государства. Действие её разворачивается в Конго в начале XX века в лагере бельгийских легионеров. В 2019 году книга была награждена Национальной Премией Испанской литературы 2019, организуемой Министерством Культуры и Спорта.

Помимо названных выше премий, Б. Ачага получил Премии Страны Басков по литературе (1989, 1991, 1996, 1997), Премии критики (1979, 1985, 1988, 1993), премию Ассоциации книготорговцев Парижа Mille Pages (1991), европейскую премию Общества Библиотек IMPAS (1997) и множество других.

2.2 Повесть «Воспоминания одной баскской коровы» в контексте творчества Б. Ачаги.

⁴⁷ «Сын аккордеониста».

⁴⁸ «Местности».

⁴⁹ «Знаки. Герника. 1937».

⁵⁰ «Семь домов во Франции».

Повесть «Behi euskaldun baten memoriak» (в нашем переводе «Воспоминания одной баскской коровы»), написанная в 1991 году, относится к произведениям для юношества (в 1995 году писатель получил Премию SM по литературе для детей и юношества). Она была отобрана IBBY (Международным советом по литературе для юношества) и включена в почётный список с 1994 года. В ноябре – декабре 1995 года в Германии эта книга была рекомендована Немецким радио и журналом «Фокус». Она, как и «Обабакоак», была переведена на испанский язык, а также на каталанский, французский, португальский, галисийский, итальянский, румынский, албанский, украинский, арабский, голландский, немецкий и английский. В 2020 году в Великобритании по версии газеты «The Guardian» повесть была включена в список лучших книг года.

В 1980-е годы в Стране Басков стала бурно развиваться литература для детей и юношества на родном языке, который нужно было возродить после падения диктатуры. В русле этой тенденции многие произведения, написанные на баскском, стали обязательными для изучения в школах, но в случае с «Воспоминаниями баскской коровы» было иначе – они мгновенно вызвали у своих читателей самую искреннюю симпатию, минуя официальные директивы. Можно сказать, что эта книга стала по-настоящему хрестоматийной, она есть почти в каждой семье.

Произведения Ачаги переводят и печатают и у нас в России. В частности, журнал «Иностранная литература» пишет о повести о корове во вступлении к переводам на русский язык нескольких рассказов из самого известного сборника Ачаги «Обабакоак»:

«Бернардо Ачага часто повторяет, что книги не должны делиться на детские и взрослые, книги должны быть хорошие. В одном из интервью он сказал: «Я собирался (не знаю, осуществлю ли

это намерение) предпослать повести следующий эпиграф: «Эта книга написана для серии, предназначенной читателям в возрасте 14-15 лет. Но я, человек НАМНОГО СТАРШЕ, перечитал её уже трижды». И подпись: «Автор»⁵¹.

В повести переплетаются три линии: рассказ о жизни коровы Мо, рассказ о жизни Полин Бернадетт, к которой в конце концов попадает Мо, и рассказ о событиях, произошедших сразу после окончания Гражданской войны в Испании. Обыкновенная корова рассказывает нам историю своей родины послевоенного периода. В книге мы погружаемся в удивительные перипетии, знакомимся с различными персонажами, постепенно через увлекательный сюжет узнавая историю, культуру и природу Страны Басков.

Как пишет А.В. Пронкевич, в этой повести есть интертекстуальный план, закодированный выбором персонажа. На вопрос о том, что сподвигло его на такое неординарное художественное решение, писатель признавался, что это сама жизнь, а точнее те образы и идеи, над которыми он размышлял, творя свои произведения. Во время пребывания в Париже Ачага увидел рекламу сыра «Корова, которая смеется», и она ему до того понравилась, что он решил так назвать одну из главных героинь своего романа. Два других названных им источника вдохновения – мемуары Петра Кропоткина «Записки революционера» и «Кадишон» («Записки осла», 1860) русско-французской детской писательницы графини де Сегюр – одно из этих произведений серьёзное, второе – сказочное⁵². Так и в повести Ачаги сказочное сочетается с постановкой весьма серьёзных проблем. Также в повести есть цитаты из поэтов Франсуа

⁵¹ Рассказы из книги «Обабакоак»// журнал «Иностранная литература», номер 10, 2004, перевод Надежды Мечтаевой //URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2004/10/rassказы-iz-knigi-obabakoak.html>. Дата обращения 27.04.2021.

⁵² Пронкевич О. В. «Писання понад кордонами» у «Мемуарах корови» Бернардо Ачаги //URL: <https://lib.chmnu.edu.ua/pdf/naukpraci/philology/2015/301-289-13.pdf>. Дата обращения 27.04.2021.

Вийона («Où sont les neiges d'antan?»), и Артюра Рембо («Cela c'est passé»). Поскольку стихи цитируются коровой, эти послания звучат иронично, в то же время выбор самих поэтов не случаен, ведь они, как и Мо, изгнанники, «проклятые», «перемещенные» личности.

Будучи очень начитанным человеком, Ачага не мог не знать и о сатирическом античном романе «Золотой осел» (170 год) древнеримского писателя Апулея, где человек превращается в осла и наблюдает за людьми. Правда, у Ачаги корова самая настоящая. В собственно испанской традиции животные тоже не впервые очеловечиваются – можно вспомнить Росинанта, коня Дон Кихота (из романа Сервантеса «Дон Кихот»), который наделяется человеческими разумом и чувствами, и осла Санчо Пансы, которого хозяин любил, как родного сына, и говорил, что если его осла выберут губернатором, то ничего удивительного не будет, так как такие случаи уже были⁵³.

Образ коровы не впервые возникает в литературе Испании. Испанский писатель, крупный литературный критик Леопольдо Алас (Кларин) (1852-1901) написал рассказ «Adiós, Cordera!», вошедший в сборник «El Señor y lo demás, son cuentos» (вышел в 1893 году в Мадриде). В этом рассказе повествуется о корове Кордере, которая была любимицей близнецов – брата и сестры. После смерти матери, которая очень любила корову и завещала ее беречь, она стала их другом и утешительницей. Дети пасли ее, кормили, играли с ней, называя бабушкой. Кордера описывается как спокойное, кроткое и рассудительное существо. Она словно символ естественной деревенской жизни, которой противопоставляется наступающая «цивилизация» в виде железной дороги и телеграфного столба, построенных недалеко от дома небогатой семьи героев рассказа. И

⁵³ М. де Сервантес. «Дон Кихот», с. 2-93 //URL: https://mir-knig.com/read_246961-93. Дата обращения 27.04.2021.

сама корова в особенности, и дети страшатся этой цивилизации, но в конце концов корову продают, «цивилизация» побеждает⁵⁴. Мотив противопоставления природы и цивилизации станет важным также в творчестве Б. Ачаги.

Еще один важный литературно-исторический контекст – поэма «Слепая корова» («La vaca sega»), написанная в 1893 году известным каталонским поэтом, одним из основоположников течения модернизма в каталонской литературе Жоаном Марагалем (1860-1911). В этой грустной поэме речь идет об одинокой корове, ослепшей в результате людской жестокости, но не потерявшей спокойствия и доброты. На испанский язык поэму перевёл М. де Унамуну⁵⁵.

Бернардо Ачага не первый баск, который обращается к образу коровы. Как пишет О.В. Пронкевич, «подобное понимание образа можно найти у М. де Унамуну в романе «Мир среди войны» и в фильме Хулио Медема, который так и называется «Las vacas» («Коровы»)⁵⁶. Унамуну устами своего героя Доминго говорит о корове как о существе, без которого невозможно прожить – она приносит телят, даёт молоко, удобрения, он восхищается их спокойной силой, а у волов, работающих вместе с хозяевами, его герои учатся трудолюбию, воинственному мужеству. Когда Доминго читает молитву, коровы «следят за ним своими большими и ласковыми, полными кротости глазами, словно желая тоже принять участие в молитве... Зимними ночами они согревали жилище теплом своих тел»⁵⁷.

⁵⁴ https://es.m.wikipedia.org/wiki/Leopoldo_Alas,_Clarín. Дата обращения 15.05.2021.

⁵⁵ <https://trianarts.com/joan-maragall-la-vaca-ciega/#sthash.4TCRiLB6.vHHRWN9I.dpbs>; <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1826179>. Дата обращения 27.04.2021.

⁵⁶ О. В. Пронкевич. Указ. Соч. – с. 76.

⁵⁷ М. де Унамуну. «Мир среди войны», с. 24 // URL: <https://www.rulit.me/books/mir-sredi-vojnny-read-312102-24.html>. Дата обращения 27.04.2021.

В фильме Хулио Медема рассказывается о конфликте двух баскских семей. Он показан глазами немногочисленных свидетелей-коров, которых никак не касается разразившаяся война, их не волнуют людские проблемы и радости, коровы просто созерцают. Их спокойное, мирное существование противопоставлено людским страстям. «Корова – экономическая основа жизни басков, – говорил Хулио Медем, – и означает множество вещей. С одной стороны, это достаток фермы, с другой – корова – удивительно нейтральное животное, у неё огромные, тёплые и теоретически очень пассивные глаза»⁵⁸.

Кроме того, неизвестно, знал ли о таком факте Б. Ачага, но в СССР в конце 30-х – начале 40-х годов А. П. Платоновым был написан рассказ «Корова» (первоначально «Добрая корова»), который опубликовали только в 1962 году, а теперь он входит в школьную программу российских школьников для шестого класса.

⁵⁸ <https://www.tvkultura.ru>. Дата обращения 14.07.2020.

Глава 3. Теоретические аспекты художественного перевода.

3.1 Особенности перевода художественных текстов.

Понятие «перевода» очень широко. Как пишет А. В. Фёдоров, слово «перевод» обозначает и процесс, состоящий в том, что речевое произведение исходного языка пересоздается на переводящем языке, и результат этого процесса – новое речевое произведение⁵⁹. «Перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка»⁶⁰.

В зависимости от формы речи различаются несколько видов перевода. Так, Л. С. Бархударов выделяет четыре вида: письменно-письменный, устно-устный, письменно-устный и устно-письменный⁶¹. В интересующем нас письменно-письменном переводе в зависимости от жанра, стиля и функции тексты делятся на несколько типов. В. С. Виноградов выделяет следующие типы текстов: разговорные, официально-деловые, общественно-информативные, научные, религиозные и художественные⁶². К переводу каждого типа текста имеются свои требования и подходы.

По словам Ю. Л. Оболенской, «цель художественного перевода – осуществление полноценной межъязыковой эстетической

⁵⁹ А. В. Фёдоров. «Основы общей теории перевода», Москва, 1983, с. 9.

⁶⁰ А. В. Фёдоров. Указ. Соч. – с. 10.

⁶¹ Л. С. Бархударов. «Язык и перевод», Москва, 2007, с. 46-48.

⁶² В. С. Виноградов. «Перевод. Общие и лексические вопросы», Москва, 2004, с. 15-18.

коммуникации путем интерпретации исходного текста, реализованной в новом тексте на другом языке»⁶³.

Художественный перевод – это, с одной стороны, письменный перевод, а с другой – перевод художественной литературы. Как пишет В. Н. Комиссаров, «основная задача переводчика в этом виде перевода – передать художественно-эстетические достоинства оригинала, создать полноценный художественный текст на языке перевода»⁶⁴. В художественном переводе имеют значение стилистические оттенки слова, сочетание слов, их расположение. При переводе нередко возникают сложности самого разного рода, поскольку перед переводчиком стоит задача передать и функцию грамматической формы, и семантику слов, и стилистические особенности текста. Как считает А. В. Фёдоров, «в художественной литературе большую смысловую и выразительную роль играет выбор слова,.. в его стилистической окраске может быть заключено о ч е н ь м н о г о е »⁶⁵.

У художественных текстов есть немало отличий от текстов других функциональных стилей. Они являются носителями особой эмоционально-эстетической информации, познавательная информация не играет в них ведущей роли, как в научном, официально-деловом, разговорно-бытовом стилях. По словам В. С. Виноградова, для художественной речи характерна как языковая (константная), так и речевая (оказиональная) информация; к речевой относится ассоциативно-образная информация – это содержание любого авторского тропа. Тропы имеют здесь особое значение – это средство усиления оценки и эмоциональной

⁶³ Ю. Л. Оболенская. «Художественный перевод и межкультурная коммуникация», Москва, 2006, с. 117.

⁶⁴ В. Н. Комиссаров. «Современное переводоведение», Москва, 2004, с. 114.

⁶⁵ А.В. Фёдоров. Указ. Соч.– с.249.

выразительности языка автора и персонажей⁶⁶. О чрезвычайно активном использовании тропов и фигур речи именно в художественном тексте пишет и С. В. Тюленев: «Ещё у древних греков и римлян существовали подробнейшие классификации тропов и фигур речи... Они являются мощнейшим способом обновления планов выражения, соответствующих одному и тому же плану содержания»⁶⁷. В повести Б. Ачаги «Воспоминания одной баскской коровы» немало тропов, они рассматриваются в 4 главе.

В художественном тексте может присутствовать и аллюзивная информация (тоже относящаяся к окказиональной). Так, в нашей повести есть отсылка к стихам Вийона и Рембо (об этом говорится в сносках перевода Главы 1).

Многие исследователи перевода пишут о том, что в художественном произведении особенно проявляется индивидуальность автора. Например, А. В. Фёдоров считал, что манера автора обусловлена его «мировоззрением, влиянием эстетики эпохи и литературной школы»⁶⁸.

При переводе художественного произведения представляется особенно важным передать в переводе уникальный авторский стиль. По словам А. В. Фёдорова, «стиль есть система конкретного использования фонетических, словарных и грамматических возможностей языка, выражающая отношение... пишущего к содержанию высказывания»⁶⁹. Стиль рассматриваемой нами повести Б. Ачаги характеризуется описательностью – в нем много пейзажей, деталей, описаний наружности героев. Однако в сюжете есть и динамика, большое количество перипетий, через которые

⁶⁶ В. С. Виноградов. Указ. Соч. – с. 61-62.

⁶⁷ С. В. Тюленев. «Теория перевода», Москва, 2004, с.256.

⁶⁸ А. В. Фёдоров. «Основы общей теории перевода», Москва, 2002, с.334.

⁶⁹ А. В. Фёдоров. «Очерки общей и сопоставительной стилистики», Москва, 1971, с. 58.

проявляются характеры героев и их жизненная позиция. Так же повести свойствен психологизм: Ачага фокусируется на переживаниях героев. Все эти художественные особенности, безусловно, должны найти свое отражение в переводе.

Надо отметить, что, хотя перевод – это творчество, работа переводчика отличается от работы автора со своим исходным текстом, так как переводчик творит в рамках текста другого автора. Чаще всего переводчик переводит с иностранного языка на свой родной, ведь для создания художественного текста необходимо быть носителем языка, к тому же надо иметь хороший культурный багаж. Об этом пишет Н. Галь: «За переведенного автора в ответе переводчик... переводчику важно владеть в совершенстве с в о и м языком. Ибо сказанное надо постичь, истолковать, раскрыть, творчески воплотить»⁷⁰. Она же неоднократно на страницах своей книги выступает против канцелярита, буквализма, например, пишет так: «Слова-канцеляризмы, слова-штампы не безвредны... они ничему не учат, ничего не сообщают... никого не способны взять за душу»⁷¹. Ей вторит Любимов, говоря о том, что художественный перевод – это искусство, творчество, там не может быть буквализма⁷². Буквализм ведёт к искажениям исходной информации, нарушению норм языка перевода, как отмечает Л. С. Бархударов, добавляя: «Следует подчеркнуть, что буквальный перевод недопустим»⁷³.

Художественный текст – это текст, написанный автором-художником. Как пишет С.В. Тюленев, «автор абсолютно свободен в выборе темы, способов её выражения. Ограничивать его может жанр, форма, однако и они со временем переосмысливаются»⁷⁴. Каждому

⁷⁰ Н. Галь. «Слово живое и мертвое», Москва, 2014, с.227.

⁷¹ Н. Галь. Указ. Соч. – с.227.

⁷² Н. М. Любимов. «Перевод-искусство», Москва, 1982, с. 4.

⁷³ Л. С. Бархударов. «Язык и перевод», Москва, 2007, с. 186.

⁷⁴ В. С. Тюленев. Указ. Соч. – с. 255.

автору присущ свой идиостиль, т.е. индивидуальный стиль. Стиль, по определению ЛЭС – это «устойчивая общность образной системы, средств художественной выразительности, характеризующая своеобразие творчества писателя, отдельного произведения...»⁷⁵. Важнейшая составляющая идиостиля – идиолект, т.е. индивидуальный язык автора⁷⁶. Стиль, таким образом, представляет собой одну из главных характеристик художественного текста.

В любом художественном тексте выражается авторское отношение к действительности. По словам В. С. Виноградова, «в литературном произведении... любое... нейтральное по стилю слово, включённое в творчески созданный автором контекст, способно наполняться экспрессией»⁷⁷. В переводимой нами повести героиня-корова очень активно реагирует на действительность, у неё ко всему свое отношение, всегда есть собственное мнение. В литературном произведении действительность воплощается образно, язык его выполняет не только коммуникативную, но и эстетическую функцию. Так, в повести имеется много описаний природы, данных глазами коровы. Эта «эстетическая (художественная) функция подчинена авторскому идейно-художественному замыслу»⁷⁸.

Как считают М. П. Брандес, В. И. Провоторов, «свое отношение к действительности писатель реализует в художественных образах»⁷⁹. Образность – неотъемлемая черта именно художественного произведения. «Любой образ – это внешний мир, превращенный в факт сознания; он может принимать формы чувственные и рациональные ...Художественное мышление раскрывает истину

⁷⁵ ЛЭС, Москва, 1987, с. 420.

⁷⁶ ЛЭС, там же.

⁷⁷ В.С.Виноградов. Указ. Соч. – с.64.

⁷⁸ В.С.Виноградов. Там же.

⁷⁹ М. П. Брандес, В. И. Провоторов. «Предпереводческий анализ текста», Москва, 2001, с. 98.

через имитацию»⁸⁰. Автор создаёт образ в результате осмысления какого-либо явления, художественный образ – это эстетическая категория. Важнейшая особенность художественного образа состоит в максимальной ёмкости содержания. Кроме того, он всегда несёт в себе обобщение; он может быть символом. Помимо этого художественный образ экспрессивен и при том самодостаточен. Также он может порождать различные толкования⁸¹. Как пишет А. В. Фёдоров, смысловая емкость в художественной литературе – это способность писателя сказать больше, чем говорит прямой с о в о к у п н ы й с м ы с л с л о в ^{8 2} .

Отдельно следует рассмотреть понятие художественного перевода в контексте взаимодействия культур. Ю. Л. Оболенская в книге «Художественный перевод и межкультурная коммуникация» пишет: «Перевод – не просто новая интерпретация оригинала, он даёт тексту оригинала новое измерение, вводит его в другую к у л ь т у р н у ю с и с т е м у ... » ^{8 3} .

Художественные тексты отличаются тем, что они живут в течение столетий. Поэтому, как отмечает И. С. Алексеева, «при переводе приходится учитывать временную дистанцию, литературное направление, индивидуальный стиль автора»⁸⁴. То есть, например, избегать модернизмов, применять архаизмы при диахроническом переводе. В отличие от соотечественника и современника автора переводчику приходится вести исследовательскую работу, чтобы по-настоящему понять произведение, рассмотреть его в широком художественно-историческом контексте, увидеть все аллюзии и отсылки.

⁸⁰ Л. В. Чернец и др. "Введение в литературоведение", Москва, 1999, с. 210.

⁸¹ Там же, с. 109-219.

⁸² А. В. Фёдоров. Указ. Соч. – с. 246.

⁸³ Ю. Л. Оболенская. Указ. Соч. – с. 15.

⁸⁴ И. С. Алексеева. «Введение в переводоведение», Москва – СПб, 2008, с. 321-325.

В художественном тексте форма так же важна, как содержание. По словам В. С. Виноградова, «в таких текстах особое значение приобретает форма изложения. Художественные тексты следует подразделить на виды, например, соответствующие литературным жанрам, каждый из которых специфичен»⁸⁵.

Первая часть нашей работы представляет собой перевод повести Бернардо Ачаги «Воспоминания одной баскской коровы». Жанр этого произведения на официальной странице Б. Ачаги определяется следующим образом: «Novela corta destinada en principio al público juvenil»⁸⁶. Термин «novela corta» в русской филологической традиции имеет несколько эквивалентов: новелла, рассказ, повесть. С нашей точки зрения, для определения жанра «Воспоминаний одной баскской коровы» больше всего подходит именно последний. Согласно статье в Литературном энциклопедическом словаре, «повесть – это эпический прозаический жанр «средней» формы, восходящий к древней традиции устного рассказывания; типичной ее формой являются биографии и художественные хроники»; в повести основную смысловую нагрузку несут статические компоненты – описания, пейзажи, душевные состояния, положения. Единого сквозного действия в ней нет, эпизоды нередко идут по принципу хроники⁸⁷. Все это можно отнести и к повести «Воспоминания одной баскской коровы». В ней мир постепенно расширяется, главная героиня корова Мо видит в пути все новые сцены, лица, картины. Так, в начале повести идет речь о детстве Мо, о временах, когда в Испании только закончилась Гражданская война, но некоторые группы партизан не желают сдаваться, и им помогает хозяйка Мо Хеновева, снабжая их провизией. Коровы при этом служат своего

⁸⁵ В. С. Виноградов. «Перевод. Общие и лексические вопросы», Москва, 2004, с. 17.

⁸⁶ Behi euskaldun baten memoriak (URL: <https://www.atxaga.eus/es/bibliografia/behieuskaldun-baten-memoriak>; дата обращения 18.04.2021).

⁸⁷ ЛЭС, Москва, 1987, с. 281.

рода сигнальной системой, при помощи которой Хеновева и Сутулуй сообщают партизанам, что им безопасно спуститься из своего укрытия. В середине повести Мо путешествует с подругой по стойлу, попадая в различные ситуации, в том числе на деревенский «праздник», где они участвуют в корриде вместо быков. В конце концов она знакомится с монахиней Полин Бернадетт, которая заботится о Мо, и Мо старается платить ей тем же. Как и положено повести, огромную роль здесь играет голос рассказчика, в нашем случае повествование ведётся от первого лица, а значит, как пишет В. Е. Хализев, «повествователь – не просто образ, но и психологическая, идеологическая, географическая точка зрения на излагаемое, у его монолога есть своя выразительная манера, которую запечатлевает эпическая форма»⁸⁸. Б. Ачага рисует картины жизни в Стране Басков в 30х – 90х годах XX века с точки зрения необычного персонажа. К тому же, в нашем случае это мемуарная форма повествования.

Повествование в ней ведётся от имени персонального автора – повествователя в форме субъективного «я» (по классификации М. П. Брандес и В. И. Провоторова)⁸⁹. Героиня подробно рассказывает о своих переживаниях, подчас она ведёт внутренний монолог. Этой повести присущи и эпичность («неторопливое созерцание жизни в её сложности... непредвзятость взгляда»), и драматизм («напряжённое переживание противоречий»), и лиризм («возвышенно-эмоциональная настроенность»)⁹⁰. По классификации М. П. Брандес и В. И. Провоторова ей присуще «плетеное повествование» (повествователь перемещается в пространстве, есть разные планы повествования, присутствует речевое многоголосие)⁹¹. Несмотря на внешнее жизнеподобие – повествуется о реальных исторических

⁸⁸ В. Е. Хализев. «Теория литературы», Москва, 1999, с. 300.

⁸⁹ М. П. Брандес, В. П. Провоторов. Указ. Соч – с. 103.

⁹⁰ Там же, с.112.

⁹¹ Там же, с. 117.

событиях – повесть Б. Ачаги все же фантастична, так как рассказ ведётся от лица коровы, к тому же живущей необычно долго, повесть похожа и на исповедь, и на сказку, и при переводе мы это учитывали.

3.2. Эквивалентность и переводимость в переводоведении.

Проблема переводимости обсуждается с глубокой древности. Сначала непереводаемыми считались сакральные тексты, в Средневековье, как пишет Тюленев, «осознается невозможность достичь полной симметрии между различными семантическими системами»⁹². В эпоху Возрождения, например, М. де Сервантес утверждал, что перевод всегда будет несравнимо хуже оригинала, сравнивая его с изнанкой ковра. В. Фон Гумбольдт считал, что полноценный перевод невозможен, так как язык тесно связан с мышлением и «духом народа». Его идеи подхватил А. А. Потебня, который считал, что языки асимметричны в лексико-грамматических и эмоционально-стилистических структурах, в сочетаниях разных слов⁹³. Э. Сепир и Б. Уорф считали, что структура языка определяет мышление человека, поэтому при разности этих структур любой перевод оказывается под вопросом.

Однако существует и точка зрения о всепереводимости. Она базируется на языковых универсалиях. Так, грамматика Пор-Рояля 1660 года А. Арно и К. Лансло устанавливала принципы, присущие всем языкам. В этом же русле в XX веке развивалась и теория всепорождающей грамматики Н. Хомского. Ж. Мунен даже прогнозировал возможность полной автоматизации научного перевода⁹⁴. Точку зрения о всепереводимости поддерживали П. Вяземский и А. Фет. В отечественном переводоведении

⁹² С. В. Тюленев. «Теория перевода», Москва, 2004, с. 18.

⁹³ Там же, с. 19.

⁹⁴ Там же, с. 21.

поддерживалась точка зрения о принципиальной возможности перевода. Она основывалась на сходстве мышления людей и универсальности его категорий. Как считает Тюленев, при этом возможны потери, особенно в художественном тексте, но они возникают в плане выражения, а не в плане содержания, где при невозможности передачи тех же понятий можно прибегнуть к описанию, компенсаторным заменам⁹⁵. Как пишет Н. К. Гарбовский, «понимание относительности эквивалентности в теории перевода... помогает нам положительно решить вопрос о переводимости»⁹⁶. А. В. Фёдоров поддерживает точку зрения о принципиальной переводимости, он пишет: «реальность, осуществимость принципа переводимости доказывается практикой»⁹⁷. А Л. С. Бархударов считает, что «противопоставление языков “развитых” и “неразвитых” научно несостоятельно, и выдвинутый нами принцип “переводимости” применим к отношениям между любыми двумя языками»⁹⁸.

Понятие эквивалентности – одно из центральных в современном переводоведении. В. С. Виноградов пишет: «под эквивалентностью следует понимать сохранение относительного равенства... смысловой,.. стилистической и функционально-коммуникативной информации в оригинале и переводе»⁹⁹. Многие переводоведы считают, что можно достичь лишь относительной эквивалентности. Как пишет В. Н. Комиссаров, «абсолютная тождественность перевода оригиналу недостижима и... отношение между содержанием оригинала и перевода обозначается как « э к в и в а л е н т н о с т ь »^{1 0 0}.

⁹⁵ Там же, с. 21.

⁹⁶ Н. К. Гарбовский. «Теория перевода», Москва, 2004, с. 265.

⁹⁷ А. В. Фёдоров. «Основы общей теории перевода», Москва, 1983, с. 123.

⁹⁸ Л. С. Бархударов. Указ. ССоч – с. 25-26.

⁹⁹ В. С. Виноградов. Указ. Соч. – с. 19.

¹⁰⁰ В. Н. Комиссаров. «Современное переводоведение», Москва, 2004, с. 116-117.

Прочитав и поняв исходный текст, переводчик передает его на языке перевода. По мнению Л. С. Бархударова, «в ходе этого процесса перевода переводчик совершает языковые трансформации, создавая новый текст, который находится в определённых закономерных отношениях с исходным текстом и ему эквивалентен»¹⁰¹. То есть нельзя просто формально передать содержание исходного текста в переводе. Как пишет В. С. Виноградов, «под эквивалентностью (адекватностью) понимается наиболее полное и идентичное сохранение в тексте перевода жанрового своеобразия оригинала и всей его разнообразной информации»¹⁰². При этом эквивалентность перевода оригиналу относительна, она зависит от жанра и типа переводного текста: требования к эквивалентности перевода деловых, научных, художественных текстов будут различными. Если в деловом нам необходимо сохранить точность и однозначность текста, то в художественном допускается и даже предпочтителен творческий подход (об этом, в частности, много писал Н. Любимов)¹⁰³.

А. В. Фёдоров считает, что «процесс перевода распадается на два момента – необходимо проанализировать переводимое, затем выбрать соответствующие средства выражения в переводящем языке»¹⁰⁴. По словам Л. С. Бархударова¹⁰⁵, лингвистическая теория перевода ставит своей задачей рассмотрение типичных, регулярно повторяющихся отношений между текстами подлинника и перевода. Вместе с тем неизбежно возникают отдельные нерегулярные соответствия, не поддающиеся обобщению: они представляют наибольшую трудность при переводе, и чтобы найти им эквиваленты,

¹⁰¹ Л. С. Бархударов. «Язык и перевод», Москва, 2007, с. 6.

¹⁰² В. С. Виноградов. «Перевод. Общие и лексические вопросы», Москва, 2004, с. 11.

¹⁰³ Н. М. Любимов. «Перевод – искусство», Москва, 1982, с. 7.

¹⁰⁴ А. В. Фёдоров. «Основы общей теории перевода», Москва, 1983, с. 12.

¹⁰⁵ Л. С. Бархударов. Указ. Соч. – с. 7.

необходим как раз творческий подход. И если в текстах общественно-политической тематики можно использовать постоянные клише, кальки, то в художественных, по мнению А. В. Фёдорова, мы должны учитывать «индивидуальную художественную манеру писателя,.. разнообразие лексических, грамматических и стилистических средств языка»¹⁰⁶.

В художественном переводе мы нередко сталкиваемся с безэквивалентной лексикой, поэтому очень важны фоновые знания о предмете перевода, то есть информация, общая для всех членов данного сообщества, связывающая его воедино и отличающая от других сообществ. В. С. Виноградов считал, что выделяются три вида фоновых знаний, или реалий: «общечеловеческие, региональные и страноведческие»¹⁰⁷. А С. И. Влахов, С. П. Флорин писали, что «в переводоведении термином «реалия» большей частью обозначают слова, называющие предметы, т. е. названия реалий»¹⁰⁸. Они выделяют два основных приёма передачи реалий – транскрипцию (передачу графическими средствами оригинальной фонетической формы слова) и перевод, или замену. При переводе может вводиться неологизм. Он создаётся с помощью калек (заимствований путем буквального перевода слова или оборота), полукалек (состоящих частью из своего собственного материала, частью из материала иноязычного слова), освоения (адаптации иноязычной реалии, придания на её основе обличия родного слова), сочинения семантического неологизма. Также можно прибегнуть к приблизительному переводу (по принципу родо-видовой замены, поиска функционального аналога либо толкования) и контекстуальному переводу, хотя в этих случаях перевод, как

¹⁰⁶ А. В. Фёдоров. Указ. Соч. – с. 245.

¹⁰⁷ В. С. Виноградов. Указ. Соч. – с. 35.

¹⁰⁸ С. И. Влахов, С. П. Флорин. «Непереводимое в переводе», Москва, 2006, с. 20.

правило, получается нейтральный¹⁰⁹.

Без учёта реалий невозможен эквивалентный художественный перевод, ведь это часть уникальной национальной культуры. В языке оригинала может быть немало слов, не имеющих соответствия в переводящем языке. И даже при наличии соответствия значения могут не совпадать по объёму, а сочетаемость слов может быть разной. Поэтому переводческие потери неизбежны, об этом пишут многие переводоведы, например, В. Н. Комиссаров, А. В. Бархударов, В. С. Виноградов, хотя здесь и спасает приём компенсации. Также у слова могут быть эмоциональные, стилистические или образные значения, которые могут со временем меняться¹¹⁰. Они могут не совпадать со значениями в языке перевода, хотя предметно-логическое значение может и совпадать.

Я. И. Рецкер считал, что «эквивалентом следует считать постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста... Эти единицы перевода помогают... понять значение высказывания в целом»¹¹¹. И здесь очень помогают двуязычные словари; прежде всего, тут речь идёт о многих географических названиях, именах собственных, терминах. С именами собственными мы столкнулись в нашем переводе (см. Глава 4).

Эквиваленты могут быть полными и частичными. Как пишет Л. С. Бархударов, «наиболее распространённым случаем при сопоставлении лексических единиц двух языков является частичное соответствие» (слову соответствуют несколько эквивалентов)¹¹². К тому же, в языке перевода может быть несколько вариантов для передачи значения одного переводимого слова, но здесь речь идёт

¹⁰⁹ С. И. Влахов, С. А. Флорин. «Непереводимое в переводе», Москва, 1980, с. 87-93.

¹¹⁰ В. Н. Комиссаров. Указ. Соч. – с. 131.

¹¹¹ Я. И. Рецкер. «Теория перевода и переводческая практика», Москва, 2007, с. 13.

¹¹² Л. С. Бархударов. Указ. Соч. – с. 76.

не о многозначности слова, а о «вариантном соответствии»¹¹³. При этом значение слова может очень зависеть от контекста, и тут нужны уже словари толковые, а при переводе могут понадобиться лексические трансформации. Важно то, что перевод «каждого слова, предложения зависит от идейно-художественного замысла автора, от особенностей его индивидуального стиля, от ритмомелодики, речевых характеристик персонажей»¹¹⁴.

Пожалуй, наиболее трудный случай для перевода – это безэквивалентная лексика, когда нет никакого соответствия лексической единице одного языка в словарном составе другого. Л. С. Бархударов относит к такой лексике имена собственные, географические названия, названия организаций, реалии, случайные лакуны¹¹⁵. А В. Н. Комиссаров пишет и о ситуационных лакунах – ситуациях, «которые в одном языке описываются, а в другом как бы не существуют и не упоминаются»¹¹⁶. Но это не значит, что переводчик не может найти решения для их перевода, помимо обычных здесь транслитерации, транскрипции, калькирования он может прибегнуть к описательному, приближенному переводу. В нашей повести в случае с топонимами мы прибегли к транскрипции, в случае с антропонимами – к транскрипции либо приближенному переводу.

Эквиваленты могут быть окказиональными, но они нередко могут переходить и в узуальные (особенно те, что передаются транскрипированием, транслитерацией, калькированием), ведь любой язык развивается, «в таких случаях исходная лексика

¹¹³ Я. И. Рецкер. Указ. Соч. – с. 18.

¹¹⁴ Я. И. Рецкер. Указ. Соч. – с. 29.

¹¹⁵ Л. С. Бархударов. Указ. Соч. – с. 94-96.

¹¹⁶ В. Н. Комиссаров. Указ. Соч. – с. 124.

перестает быть безэквивалентной»¹¹⁷.

Трудности возникают и при передаче внутриязыковых значений. Но, как считает В. Н. Комиссаров, «необходимость передавать внутриязыковые значения возникает только тогда, когда они приобретают особую значимость при передаче игры слов,.. особенно при обыгрывании внутренней формы слова»¹¹⁸. Такая проблема возникла и в нашем переводе с шуткой (см. Глава 4), где пришлось прибегнуть к приёму компенсации.

Как пишет Ю. Л. Оболенская, «даже обогащая оригинал новыми смыслами, перевод представляет собой лишь новый текст, сосуществующий на определённом временном отрезке с оригиналом»¹¹⁹. По мнению Н. К. Гарбовского, подчинение конкретного переводческого решения общей стратегии перевода, взгляд на перевод как на целостную систему позволяет дать решение проблеме принципиальной переводимости¹²⁰. Но, тем не менее, по выражению В. С. Виноградова, «перевод может лишь бесконечно сближаться с подлинником»¹²¹.

3.3. Особенности перевода сказок и стилизованных фольклорных текстов.

Сюжет переводимой нами повести перекликается с сюжетом волшебной сказки, где коровы разговаривают между собой и с людьми, а одна из коров, главная героиня, пишет мемуары и живет необыкновенно долго. По определению Литературного энциклопедического Словаря, «сказка – это эпическое, преимущественно прозаическое художественное произведение

¹¹⁷ Л. С. Бархударов. Указ. Соч. – с. 103.

¹¹⁸ В. Н. Комиссаров. Указ. Соч. – с. 133.

¹¹⁹ Ю. Л. Оболенская. Указ. Соч. – с. 101.

¹²⁰ Н. К. Гарбовский. Указ. Соч. – с. 225.

¹²¹ В. С. Виноградов. Указ. Соч. – с. 24.

волшебного, авантюрного, бытового характера с установкой на вымысел»¹²². Сказкам свойствен дидактизм, что в полной мере представлено в нашей повести. Но мы имеем дело не с народным фольклором, а с авторским произведением. Авторская сказка – это повествовательное произведение, рассказывающее о созданных автором героях и событиях. Первые мастера авторской сказки – Ш. Перро, К. Гоцци, В. Гауф, Х. К. Андерсен, их также писал, например, Оскар Уальд. Авторская сказка может обладать оригинальным авторским сюжетом. В такой сказке характеры героев прописываются более тщательно, а их переживаниям уделяется намного больше внимания. Как пишет казахская исследовательница А. Е. Исмагулова, «тема авторской сказки обычно статична во времени, узко направлена на определённого героя. Авторскую сказку отличает высокая степень психологизма»¹²³. Авторская сказка отличается наличием авторских языковых средств, и необходимо подобрать к авторским приёмам функциональные соответствия. Для создания иной культурно-национальной атмосферы используются имена собственные, географические названия, названия растений и животных, и их передача также важна в переводе.

Повесть «Воспоминания одной баскской коровы» похожа на сказку о животных, но необычно то, что она ведётся от первого лица – коровы. Поскольку она авторская, то можно говорить о стилизации сказки. В сказках функции персонажей (т. е. их место и роль в развитии действия), по Проппу, определённым образом выстраиваются. Во-первых, течение событий связано с изначальной «недостачей» – с желанием и намерением героя обрести нечто, чем он не располагает. Во-вторых, возникает противоборство героя

¹²² ЛЭС, Москва, 1987, с. 383.

¹²³ А. Е. Исмагулова. Авторская сказка: особенности и проблемы перевода // Вестник Казну. Серия филологическая. – 2014. – п. 2(148). – с. 216-219. – URL: <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/download/250/242/>. Дата обращения: 22.03.2021.

(протагониста) и антигероя (антагониста). И в-третьих, в результате происшедших событий герой получает искомое, происходит «воцарение»¹²⁴. Счастливый конец, налаживающий жизнь основных героев, выступает как необходимый компонент сюжета сказки. В сказке есть мотив чудесного (как в нашем случае корова-спасительница *La Vache qui Rit*, «добрая волшебница» Хеновева, необычная встреча Мо с Полин Бернадетт). В сказках (а они выросли из мифов) животные часто очеловечиваются, взаимодействуя с миром людей, как это происходит в «Воспоминаниях одной баскской коровы». Сюжет сказки часто архетипический (поскольку они восходят к ранней словесности). В нем всегда есть вредители, дарители, помощники, испытания, которые герой должен пройти сам. В сказках немалую роль играют «перипетии». Этим термином со времен Аристотеля обозначаются внезапные и резкие сдвиги в судьбах персонажей – всевозможные повороты от счастья к несчастью или обратно. Всё это переживает наша корова. Перипетии имели немалое значение в героических сказаниях древности, в волшебных сказках, в комедиях и трагедиях античности и Возрождения, в ранних новеллах и романах.

В сказках (как и в эпосе) распространены повторы сюжетных эпизодов, высказываний героев, словесных формул (клише). Как пишет в своей статье Т. А. Зиновьева, «перевод сказочных формул – наиболее устойчивых и часто встречающихся элементов – вот одна из главных задач переводчика». Важно сохранить своеобразие оригинала, для этого, прежде всего, используются функциональные эквиваленты¹²⁵. Они есть и в нашем случае (например, зачин,

¹²⁴ В. Я. Пропп. Морфология сказки. //Вопросы поэтики. Выпуск XII. «Academia», Ленинград. – 1928. – 152с. – URL: <http://feb-web.ru/feb/skazki/critics/pms/pms-001-.htm>. Дата обращения: 22.03.2021.

¹²⁵ Т. А. Зиновьева. «Сказочные» приемы переводчика /Т. А. Зиновьева, Е. В. Гудакова. – Текст : непосредственный//Молодой учёный. – 2014. – п.21(80). – с.767-770. – URL:<http://moluch.ru/archive/80/14476>. Дата обращения: 22.03.2021.

обращения ангела-хранителя). Эти сказочные формулы должны вызывать у читателей привычные ассоциации. Есть и повторы – хождение коров на «банкеты», повторяющиеся высказывания и мотивы. Мотивы лежат в основе сюжета (первоначально – мифа и сказки). В сказке всегда соотносятся образы героя и его противника (вредителя); в нашей повести вредители – это Зелёное Стекло и его приспешники. Герои и противники резко противопоставляются, как и благоприятные и неблагоприятные для героев обстоятельства. В сказках за наивностью и бесхитростью ведущего рассказ угадываются весёлость, лукавство и мудрость. И в повести Ачаги при внешне несерьёзном сюжете поднимаются серьёзные проблемы.

При переводе сказок важно учитывать народные и языковые реалии. Это перекодирование подлинника, который не должен вызывать непонимания. Переводчику необходимо знание культуры, быта и нравов народа, в среде которого создано произведение. Верное отображение национальной специфики – обязательное условие культурно-адекватного перевода. Должна быть учтена самобытность национальной культуры, на язык которой перевод сделан. Как пишет А. Лилова, «переводчик должен сохранить те детерминирующие специфические признаки и свойства, которые характеризуют видовую и жанровую принадлежность к тому или иному типу текста»¹²⁶. И важно, чтобы сказка обретала естественное звучание на чужом языке.

Повесть «Воспоминания одной баскской коровы» не является в полной мере сказкой, это сочетание разных жанров с элементами сказки. Фактически, ее жанр представляет собой сложную структуру, включающую в себя элементы исповеди, мемуаров, хроники, эссе,

¹²⁶ А. Лилова. «Введение в общую теорию перевода», Москва, 1986, с. 238.

«Исповедь – это рассказ о себе, стремящийся дать слушателю-читателю настолько полное знание чужих поступков и мотивов, чтобы оно свидетельствовало об ответственности «я» и было поводом для его возможного признания и оправдания другими»¹²⁷.

Как известно, самое первое произведение, написанное в этом жанре – это «Исповедь» Августина (380-е годы). О нем, кстати, упоминается в повести, когда Полин Бернадетт утешает Мо, вдохновляя ее продолжать писать воспоминания. Также можно вспомнить об «Исповеди» Ж. Ж. Руссо (1760-е годы). Повесть Б. Ачаги скорее похожа на последнюю, так как в ней больше идет речь о становлении души, а не о покаянии.

Однако в исповеди внешние обстоятельства скорее выступают как фон, в повести же Б. Ачаги о них рассказывается очень подробно. Само название повести «Воспоминания...» сближает ее с жанром мемуаров^{1 2 8}.

По определению Литературного энциклопедического словаря, «мемуары – повествование от лица автора о реальных событиях прошлого, участником или очевидцем которых он был. По форме изложения, по фактографичности примыкает к дневнику». Мемуарист основывается преимущественно на своих впечатлениях, и везде на переднем плане он сам. Это относится и к рассматриваемой нами повести. Читатель видит действительность глазами главной героини Мо. Она старается писать хронику событий, но у нее не всегда это получается – она все время делает отступления, и ее воспоминания

¹²⁷ «Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий, Москва, 2008, с. 85. – URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Poetika._Slovar_aktualnyh_terminov_i_ponyatij._2008.pdf. Дата обращения 14.05.2021.

¹²⁸ ЛЭС, Москва, 1987, с. 216.

очень похожи на эссе. Согласно статье в ЛЭС, эссе – это субъективно окрашенное прозаическое сочинение, отличающееся образностью, афористичностью и установкой на разговорные интонацию и лексику¹²⁹. Все это, безусловно, применимо и к повести Ачаги.

¹²⁹ ЛЭС, Москва, 1987, с. 516.

Глава 4. Лингвостилистический анализ повести Бернардо Ачаги «Воспоминания одной баскской коровы».

Перевод повести на русский язык предполагает решение целого ряда переводческих задач. Прежде всего возникает проблема перевода названия. В оригинальном баскском варианте она называется «Behi euskaldun baten memoriak» – «Воспоминания одной баскской коровы». Однако в переводе на испанский название звучит как «Memorias de una vaca» – «Воспоминания одной коровы». Осуществляя перевод с испанского языка, мы решили ориентироваться на баскский вариант названия, подчеркнув таким образом, что действие повести разворачивается в Стране Басков. В начале повести отмечается, что это 1940 год, то есть четыре года спустя после начала Гражданской войны 1936 года.

Стилистически повесть крайне неоднородна, в ней сочетаются элементы высокого и разговорного стилей, в тексте встречаются устаревшие слова и конструкции. Элементы высокого стиля в основном встречаются в речи Ангела-Хранителя (которого Мо называет Занудой), по-отечески опекающего героиню повести. Он и о б р а щ а е т с я к н е й н е м н о г о с в ы с о к а :

H i j a m í a ...	Д о ч ь м о я ...
P i e n s a , a m í g a m í a ...	П о д у м а й , д о р о г а я ...
Me debes una disculpa.	Ты должна передо мной и з в и н и т ь с я .

Он использует, например, архаичную перифразу «haber + de + infinitivo» и предпочитает книжную лексику разговорной:

¿No has de abandonar el sueño y el m o l i c i e ?	Не пора ли тебе перестать предаваться сну и неге?
¿No has de acogerte a la excelente y f r u c t í f e r a l u z ?	Не должна ли ты открыться прекрасному и животворящему с в е т у ?
Convendría que fueras bajando del m o n t e .	Лучше было бы тебе постепенно спускаться вниз .
Considera, si no, lo que ocurre aquí m i s m o .	Посуди сама, посмотри, что сейчас здесь происходит.
[este bramido]... habrá puesto sobre aviso a una manada de l o b o s .	[это мычание]... кажется, заставило насторожиться стаю в о л к о в .
En lo que se refiere a mí...	Что касается меня ...
D i s c ú l p a m e , h i j a .	Прости меня, дочка .
O para decirlo con más exactitud y s o r r e s s i ó n ...	Или, говоря с большей точностью и щепетильностью...
Contempla tu casa. ¡He ahí B a l a n z a t e g u i !	Взгляни на свой дом. Вот оно, Б а л а н ц а т е г и !
Pero a lo que no tienes derecho, hija, es a contestarme con ordinariedad, grosería y malos m o d o s .	Но на что ты не имеешь права, так это на то, чтобы отвечать мне невежливо, грубо и злобно.

No están en parte alguna, puesto que han huido.	Нигде их нет, поскольку они убежали.
–Hija mía, ¿por qué tanta queja? ¿Por qué tanto disgusto a cuenta de ser vaca! Pero ¡si ser vaca es algo grande!	– Дочь моя, к чему столько стенаний? Почему столько недовольствия от того, что ты – корова? А ведь быть коровой – это большая честь!
Que te retirarás al establo una vez que te hayas despedido de esta amiga tuya. Dile adiós con toda edusación ...	Ты отправишься в стойло, как только попрощаешься со своей новой подружкой. Скажи ей до свидания как можно более вежливо ...

Однако и разговорная лексика в его речи встречается:

Yo me iría pitando.	Я бы драпал отсюда.
Luego en cualquier momento le surge la necesidad de echar una cabezadita.	Потом в течение дня ей хочется прилечь.

Ангелу-Хранителю свойственны патетические восклицания:

¡Qué soledad! ¡Qué desolación! ¡Aquí se ve nuestra pequeñez y nuestra soledad!	Какое одиночество! Какое опустошение! Вот где видна наша малость и ничтожность!
¡Que quede tu testimonio! ¡Que el mundo conozca la grandeza de la	Пусть останется свидетельство о тебе! Пусть мир узнает о величии

v a c a !	к о р о в ы !
Realmente, ¡ser vaca es algo g r a n d i o s o !	В самом деле, быть коровой – э т о в е л и к о л е п н о !

С ним и сама Мо – а особенно по молодости – старалась
г о в о р и т ь м а к с и м а л ь н о в е ж л и в о :

¿Cuál es su nombre?	К а к В а ш е и м я ?
---------------------	-----------------------

Взявшись записывать свои воспоминания, Мо нередко тоже
старается изъясняться высоким слогом. Ведь она оставляет эти
строчки потомкам. Так, она, например, серьёзно и тщательно
о п и с ы в а е т с в о и х х о з я е к Х е н о в е в у и П о л и н :

Lo que en aquella fue reciedumbre y sobriedad, en esta es ligereza, alegría y contradicción.	Если [Хеновева] отличалась твёрдостью, здравомыслием, то [Полин] свойственны лёгкость, весёлость и противоречивость.
--	---

Героиня поэтично говорит о своём отечестве:

¡Mi querido Balanzategui! ¡Cuánto m e a s u e r d o d e t i !	Мое милое Баланцатеги! Как же часто я тебя вспоминаю!
¿Recuerdas, querida casa mía?	Ты помнишь, любимый мой дом?
Pero tu, querida casa mía, conoces perfectamente la verdad.	Но ты, любимый дом моего детства, прекрасно знаешь п р а в д у .

Мо часто употребляет восклицательные предложения:

¡Cuánto tiempo para estar tranquilamente a la sombra de mi bosque natal!	Сколько же времени, чтобы спокойно побыть в тени моего родного леса!
--	--

При этом стилистически речь Мо, постоянно ведущей диалоги с воображаемым читателем, с другими героями, с Занудой, тоже неоднородна, и в ней нередко встречаются элементы разговорного стиля:

¡Pues sí que eres pesado! ¡Más pesado que el mismísimo piojo!	Ну ты и зануда! Надоедливее самой блохи!
Y durante todo este rato El Pesado sin decir esta boca es mía.	И все это время Зануда молчал, как рыба.
Pero no tenía gracia: o no caía ninguna, o... caían un montón.	Но это было неинтересно: или не падала ни одна, или... сразу падала целая куча.
Eso no tiene vuelta de hoja, y de verdad que si pudiera...	Честно говоря, я не сомневаюсь, что, если бы он только мог...
–¿Dónde te has metido? – grité.	–Куда ты делась? – крикнула я.
Sentí que se me ponía la carne de gallina.	Я почувствовала, как по коже побежали мурашки.
Me puse que no cabía en mi pellejo de curiosidad.	Я просто умирала от любопытства.

Quizá fueron demasiados mieles...	Наверное, все было слишком уж б л а г о л е п н о ...
[mi cabeza] no era muy superior a la de una mosca mosquísima.	[моя голова] была не намного умнее головы самой обычной м у х и .
Yo soy de ese pelaje: cuando algo está claro... lo huelo y digo...	У меня есть одна особенность: когда что-то очевидно... я нюхаю его и говорю ...
Estamos... moliéndonos las piernas y haciendo el tonto.	Стоим... натирая ноги и ведя себя ужасно глупо .
¡Que jugarreta me ha hecho la vida!	Ничего себе надо мной посмеялась жизнь!
Resulta que se alarga una barbaridad ...	Получается, что он так невероятно долго говорит...
¿Bajar del monte? ¡Que te crees tú eso?	Спускаться с горы? Вот ещё!
Y con la pizca de rabia que sentía, [tomé una decisión]	Тогда, рассердившись, [я приняла решение]
Le contesto a la pequeña monja chapurreando como puedo esa lengua suya tan complicada.	Отвечаю я маленькой монахине, подражая из всех сил её такому непростому языку .

Y el rubio venga con sus burlas ofensivas, venga con sus risotadas.	А светловолосый знай себе продолжал обидно шутить да в е с е л и т ь с я .
--	--

Корова Мо нередко использует и оценочные суффиксы.
У м е н ь ш и т е л ь н о - л а с к а т е л ь н ы е :

Yo me pierdo por la hierba cortita y s a b r o s a ...	Я без ума от невысокой и в к у с н о й т р а в к и ...
Comía la hierba chiquita...	Я щипала молоденькую траву...

В первом случае в переводе уменьшительный суффикс мы поставили в существительном вместо прилагательного, а во втором, наоборот, в прилагательном, а не в существительном.

В речи Мо уменьшительные суффиксы имеют и экспрессивно-
о ц е н о ч н о е з н а ч е н и е :

Di un bramido,.. pero el silencio se lo tragó igualito que un sapo se t r a g a u n a m o s c a .	Я замычала,.. но тишина поглотила моё мычание, точь-в- точь как жаба мошку.
Comenzé a avanzar de nuevo, p o q u i t o a r o s o ...	Я начала снова двигаться вперёд, понемножку...
Aa la roca negra le salió un bultito m á s n e g r o , . .	На черной скале показался клубочек, ещё более черный,..
Allí donde, hasta un poquito antes...	Там, где до недавних пор...

Такое частое употребление этих суффиксов говорит об

эмоциональности, впечатлительности героини. В её речи есть и суффиксы с пренебрежительным значением (увеличительные и **у м е н ь ш и т е л ь н ы й**) :

Yo tampoco era muy palaciega, que digamos... sino vaca, una pura vaca, un animalote feo, feísimo, y tontorrón, y de mala fama.	Я тоже не была такой уж придворной, так сказать... всего лишь коровой, обыкновенной коровой, животинкой некрасивой, страшной, и глупейшей, и вообще н и к у д ы ш н о й .
...pensé dando un bramido y buscando una palabrota en la м е м о р и аподумала я, замычав и п о д ы с к и в а я в г о л о в е р у г а т е л ь с т в о .
Se esforzó en parecer un h o m b r e c i t o ...	Он напыжился, желая п о к а з а т ь с я с м е л ь ч а к о м ...

А такое употребление может говорить и о твёрдом характере Мо, вспыльчивости, может быть, и гневливости (в чем она похожа на свою подругу). Кстати, в повести неоднократно подчёркивается, что Мо (как и её подруга) – именно чёрного цвета, а во многих культурах считается, что чёрные быки и коровы (как, кстати, и вороные лошади) – непослушны и злобны, а потому особенно опасны.

Но увеличительные суффиксы могут использоваться и просто **д л я т о ч н о с т и о п и с а н и я** :

Era fortísima de pecho...	У нее была очень мощная г р у д ь ...
---------------------------	--

Отдельного внимания заслуживают частые обращения к

читателю, оговорки, уточнения, коррелирующие с особенностями образа рассказчика: Мо – корова, поэтому она рассуждает подчёркнуто неторопливо, часто повторяется, словно «пережевывая» собственные мысли, уточняет.

<p>Sí, así habla esa voz que escucho dentro de mí, con lo que resulta que se alarga una barbaridad cada vez que quiere explicar algo, con lo que resulta que la mayor parte de sus asuntos se hacen muy aburridos, con lo que resulta que hay que cargarse de paciencia para atenderla sin ponerse a gritar.</p>	<p>Да, именно так разговаривает этот голос, который я слышу внутри себя, поэтому получается, что он так невероятно долго говорит всякий раз, когда хочет объяснить что-то, поэтому получается, что большая часть его выступлений чрезвычайно скучна, поэтому получается, что мне приходится запасаться терпением, чтобы слушать его, не выходя из себя.</p>
--	---

Перед нами – не просто воспоминания, а своего рода исповедь или подведение жизненных итогов, поэтому героиня откровенно рассказывает о себе, при этом ей важно, чтобы читатель ей внимал и верил, она ведёт с ним мысленный диалог:

<p>¿Qué le iba a decir?</p>	<p>А что я должна была ей сказать?</p>
<p>No señor, eso no es vivir, eso es hacer el tonto.</p>	<p>Нет, господа, это не жизнь, это валяние дурака.</p>
<p>Pero, puestos a pensar, ¿dónde estarán ahora las nieves de aquel</p>	<p>Но, давайте подумаем, где теперь эти снега той зимы?</p>

i n v i e r n o ?	
Pero dejemos por ahora las historias de Pauline Bernadette y sigamos con lo sucedido el día de mi nacimiento. Pues, como he c o n t a d o ...	Но оставим пока истории о Полин Бернадетт и вернёмся к случившемуся в день моего рождения. Ведь, как я говорила...
Y, ¡quién sabe!, a lo mejor este espíritu mío vuela hacia allí...	И – кто знает! – возможно, именно туда улетает моя душа...
De color, tal como he dicho antes, era igual que yo: negra.	А цвета, как я уже раньше сказала, она была такого же, как и я : ч ё р н о г о .
¿Y la cabeza?, me dirá alguien.	А голова? – спросит меня кто-н и б у д ь .
Corría el riesgo... de perder una amiga, una amiga de veras, quiero d e c i r .	Я рисковала потерять подругу, я имею в виду, настоящую подругу.
Como he confesado antes...	Как я уже говорила ...
El problema era – ya lo he apuntado antes – que las leyes... no p e r m i t í a n ...	Проблема была в том – как я уже отметила – что законы... не д о п у с к а л и ...

(...) pero no digo ninguna mentira si afirmo que mi corazón no es muy d i f e r e n t e ...	(...) но я никак не погрешу против истины, если заявлю, что моё сердце не очень отличается...
Porque, esto también hay que decirlo, yo me pierdo por la hierba...	Ведь, что тоже надо признать, я б е з у м а о т т р а в ы ...

Также героиня анализирует свои чувства, ищет причины своих поступков :

Viéndolo con mis ojos de ahora, qué voy a decir: que no era para tanto...	Глядя на это с моей нынешней точки зрения, что я хочу сказать: что ничего такого там не было...
A decir verdad y por triste que resulte, [nos parecemos a las o v e j a s]	Правду говоря, как бы грустно это ни было, [мы похожи на овец]
Me quedé pensativa, y aunque la cuestión de la vacunidad no quedó resuelta a fondo – eso vendría después – , al final me resigné.	Я задумалась, и хотя проблема коровьей сущности не была до конца решена – это произойдёт потом – в конце концов я с д а л а с ь .
Todavía sigo preguntándomelo: aquella carne de gallina... ¿por qué se me puso?... No lo sé...	До сих пор я задаю себе вопрос: эти мурашки... побежали у меня от чего?.. Не знаю ...
Viéndolo desde ahora, con la experiencia que nos da la vida, no consideraría un banquete la comida	Думая об этом сегодня, имея опыт, который даёт нам жизнь, я бы не назвала пиром ту еду, что

q u e h i c i m o s .	н а м д а л и .
En aquel momento acabé de d e s c i d i r m e ...	В тот момент я окончательно р е ш и л а ...

<p>Al principio comencé con desgana, y sólo para que El Pesado me dejara en paz; pero enseguida le cogí gusto a escribir y recordar, y me dediqué a ello en cuerpo y alma. Creía que de esa manera me aliviaría de peso, y que, como cuando el arado vuelve la tierra, ordenaría y sanearía mi interior. Línea a línea, capítulo a capítulo, daría respuesta a las preguntas, y la materia de mi vida quedaría al descubierto. Sin embargo, como la mayor parte de las cosas de este mundo, mi propósito inicial era una ilusión... Miro lo escrito hasta aquí y me sorprende. No he contado lo que tenía intención de contar, y hay muchas opiniones que me resultan</p> <p>a j e n a s ...</p>	<p>Поначалу я работала неохотно и только для того, чтобы Зануда оставил меня в покое, но потом мне понравилось писать и вспоминать, и я полностью посвятила себя этому. Мне казалось, что так я облегчу боль и что, подобно тому, как плуг перепахивает землю, так и я приведу в порядок и оздоравливаю свое душевное состояние. Строчка за строчкой, глава за главой – я бы находила ответы на все вопросы, и проявилась бы суть моей жизни. Однако, как и большая часть вещей в этом мире, моё первоначальное намерение было иллюзией... Я не рассказала того, что намеревалась, но есть много чуждых мне соображений...</p>
--	--

Героиня пытается привести в порядок свои воспоминания:

Recuerdo, en este sentido, lo sucedido el primer invierno.	Вот, например, вспоминается мне случившееся в первую зиму.
Por mi parte, yo tenía mis recelos. No me gustaba ...	Что касается меня, они казались мне подозрительными. Мне не нравилось ...
–¡Venid de uno en uno, y veremos quién puede; – les dije, o no, no se lo dije, solo imaginé que lo decía.	– Давайте по одному, и посмотрим, кто кого! – сказала я им, или нет, не сказала, а только представила, что говорю.
... pensé para mí подумала я .
–La hora de romper otro par de huesos ha llegado, Mo – me dije a mí misma. No podía permitir que trataran así a Pauline. No podía fallarle a ella ...	– Настало время сломать ещё парочку костей, Мо, – решила я про себя. Не могла я позволить, чтобы так обращались с Полин. Я не могла подвести её...
–¿Por qué nos diferencian? – me pregunté .	– Почему нас отделяют друг от друга? – задумалась я.

В разговоре со своим воображаемым читателем реплики Мо часто звучат иронично, в приведенном ниже фрагменте, например, она прибегает к литоте :

[mi corazón es como el de un pájaro; si por él fuera ahora mismo abriría mis alas y me pondría a volar hacia la tierra de mi niñez] Llegaría	[сердце мое – словно сердце птицы; была бы на то моя воля, я бы сейчас же взмахнула крыльями и полетела к земле
--	---

allí, posaría mis quinientos kilos como un copo de nieve, y luego desgarraría mi garganta con este g r i t o s i n c e r o : - ¡Viva Balanzategui!	моего детства] Я бы прилетела туда, коснулась земли своими пятьюстами килограммами, словно снежинка, и затем громко и искренне закричала бы: - Да здравствует Баланцатеги!
---	---

Нужно сказать и о грамматических особенностях, обусловленных исповедальностью – героиня пишет автобиографию, вспоминает, и не всегда уверена в своих словах, но пытается быть искренней и правдивой. Вероятно, поэтому в её речи часто встречается «Futuro de probabilidad», «Futuro compuesto de probabilidad», а также предположение в плане прошедшего времени:

¿Dónde estarán ahora las nieves de a q u e l i n v i e r n o ?	Где же теперь эти снега той з и м ы ?
Yo no seré mirlo ni zorzal ni pájaro de n i n g u n a c l a s e ...	Я, вероятно, не похожа ни на чёрного дрозда, ни на обычного дрозда, ни на какую-либо другую п т и ц у ...
¿Qué hará ahora La Vache? ¿Vivirá t o d a v í a ? . . .	Что, интересно, сейчас делает La Vache? Жива ли она ещё?..
-¿Y los lobos? ¿Dónde habrán q u e d a d o l o s l o b o s ?	- А волки? Куда же это подевались волки?
¿Qué habrá sido de Jenoveva?	Что же стало с Хеновевой?

Y el bosque de Balanzategui, ¿habrá crecido de nuevo?	А лес в Баланцатеги, вырос ли он з а н о в о ?
¿Cuántos años habrán pasado desde que se fundieron para s i e m p r e ?	Сколько же лет прошло с тех пор, как они растаяли навсегда?
No sé cuanto tiempo pasó... pero mucho no sería, no creo.	Не знаю, сколько времени прошло, но не думаю, что много.
Ya sé que habría muchos que, oyendo mis palabras, pensarían mal, pensarían que miento, pensarían que exagero.	Уверена, что наверняка нашлось бы много таких, которые, услышав мои слова, наверняка подумали бы нехорошо, подумали бы, что я лгу, подумали бы, что я преувеличиваю.

Это и сказочная повесть, и ей присущи черты сказки, эпоса — повторы, присказки, «сказочные формулы». Даже начинается повесть со своеобразного сказочного зачина:

Era una noche de rayos y de t r u e n o s ...	Той ночью сверкали молнии и г р е м е л а г р о з а ...
---	---

И дальше повествование нередко движется с помощью « п р и с к а з о к » :

Pero sea como sea, creyendo o sin creer, aquella voz interior siempre e s t a b a a l l í .	Но, как бы там ни было, верь в него или не верь, этот внутренний голос всегда был со мной.
---	--

A pesar de los pesares, y dicho lo dicho, en un principio no tenía...	Как бы то ни было, что сказано – то сказано, но поначалу я не д у м а л а ...
No sé cuánto tiempo pasó... (это выражение несколько раз встречается в повести)	Не знаю, сколько времени п р о ш л о ...
Paso a Dicho sea de paso... volvía a s e r y o m i s m a .	День за днём... я становилась с о б о й п р е ж н е й .
Sea como sea, tengo que seguirle la s o r r i e n t e .	Как бы ни было, я должна следовать её указаниям.
Costara lo que costara tenía que reconciliarme con La Vache.	Во что бы то ни стало, я должна помириться с La Vache.

Также есть вставная притча о Распределителе времени в форме
в о п р о с о в и о т в е т о в :

He oído que en los comienzos del mundo alguien estaba repartiendo el tiempo, y que ese alguien dijo a la serpiente: –Tú vivirás doce años... – Tú, quince años – al perro... –Tú, treinta y tres – al hombre. Y el hombre: –Ni hablar... Quiero vivir más. –Sea, vivirás ochenta y ocho a ñ o s ... P e r o ...	Говорят, что при сотворении мира некто распределял время, и что этот некто сказал змее: – Ты будешь жить двенадцать лет... – Ты – пятнадцать лет (собаке)... – Ты – тридцать три года – человеку. И человек: – Ни за что... Я хочу жить больше. –Пусть будет так, ты будешь жить восемьдесят в о с е м ь л е т , н о ...
---	--

Загадка о дворцах, тоже в форме вопросов и ответов:

<p>– ¿Sabes, por poner un ejemplo, lo que le faltaba a Versailles? – ¿Qué? ¿La cocina? – No, no es la cocina. – El establo? – No, no es el establo... No, no es el trastero. – Entonces... – Sí, hija mía...</p>	<p>– Знаешь, например, чего не было в Версале? – Чего? Кухни? – Нет, не кухни. – Стойла? – Нет, не стойла... Нет, не кладовки. – Тогда... – Да, дочь моя...</p>
--	---

Имеются вставные истории Полин Бернадетт (о святых Павле, Августине и Евтропии, о Вавилоне).

В повести имеют большое значение повторы. Они часто встречаются, прежде всего, в речи Ангела-Хранителя:

<p>¿Acaso no ha llegado la hora? Acaso no es el momento adecuado, correcto y conveniente?</p>	<p>Разве теперь не пора? Не это ли самый удобный, правильный и подходящий момент?</p>
<p>E s c u c h a , h i j a m í a ...</p>	<p>П о с л у ш а й , д о ч к а ...</p>
<p>¿Por qué no piensas un poco? P i e n s a , a m í g a m í a . Ya no eres una criatura, y debes empezar a pensar con lógica.</p>	<p>П о ч е м у б ы т е б е с а м о й н е п о р а з м ы с л и т ь ? Д у м а й , д о р о г а я . Ты уже не маленькая и должна начинать мыслить логично.</p>

Эти слова повторяются несколько раз на протяжении повествования, придавая ему сказовость. Глагол «pensar» часто употребляет не только Зануда, но и сама Мо («pensar con la lógica»);

она вообще много говорит о своей голове («mi cabeza de mosca»), да и об уме остальных коров («vacas tontas»).

Также часто на протяжении повести повторяется рефран, как бы жизненный принцип одной из героинь, La Vache Qui Rit, и потом его станет повторять и главная героиня:

En este mundo no hay cosa más tonta que una vaca tonta.	В этом мире нет создания глупее, чем глупая корова.
---	---

Повторы используются и для создания эмоциональной выразительности действия, динамизма, ритмичности:

Eché a correr, a correr al trote, a correr sacudiendo la nieve de las ramas de los árboles, y yo corriendo y los lobos corriendo también, y yo resoplando y los lobos también resoplando.	Я бросилась бежать, бежать рысью, бежать, сотрясая снег с ветвей деревьев, и я бежала, и волки тоже бежали, и я тяжело дышала, и они тоже задыхались.
---	---

В повести есть также есть параллелизмы. Как пишут В. Г. Гак и Б. Б. Григорьев, «параллелизм – одинаковое стилистическое построение предложений и их частей, но с разными словами»¹³⁰. Параллелизмы тоже передают эмоциональность Мо и ее мерисизм:

Y digo yo: tiene que ser tonta la vaca, tiene que ser pardilla la vaca, tiene que ser patosa la vaca para... contestar ella «muchas gracias».	А я говорю: какой же надо было быть глупой коровой, какой же надо было быть неотесанной коровой, какой же надо было быть неуклюжей коровой,
---	---

¹³⁰ В. Г. Гак, Б. Б. Григорьев. «Теория и практика перевода. Французский язык», Москва, 1997, с. 28.

	чтобы... ответить «большое спасибо».
Le llamara Ángel de la Guarda, le llamara Espíritu, Voz, Conciencia o lo que quiera... siempre estaba dentro.	Звался ли он Ангелом – Хранителем, звался ли Духом, Голосом, Совестью или как-то ещё... он всегда был в моей душе.

Частое употребление числительных в повести тоже задаёт ритм повествованию :

Al poco, aparecieron otros dos bultitos negros: mucha nieve, una roca negra y tres bultos. Cuatro bultos, seis bultos, nueve bultos.	Скоро появились ещё два чёрных клубочка: много снега, чёрная скала и три клубка. Четыре клубка, шесть клубков, девять клубков.
--	--

Для создания образа могут повторяться и отдельные слова, например, когда описывается снегопад или речь идёт о воспоминаниях :

Y otra vez el silencio, la blancura de la nieve ...	И снова тишина, белый снег...
La blancura seguía igual de blanca ...	Всё вокруг было по-прежнему белым - бело ...
La blancura ocupaba la mayor parte .	Белый цвет занимал большую часть пейзажа .
El tiempo se me hacía largo, muy largo , larguísimo .	Время тянулось медленно, очень медленно, невозможно

	м е д л е н н о .
Todos eramos jóvenes entonces: joven era yo, joven El Pesado, jóvenes los lobos, jóvenes las otras vacas del mi casa. Y hasta el mismo siglo era joven...	Тогда все мы были молоды: молодой была я, молодым был Зануда, молоды были волки, молоды и другие коровы из моего дома. И даже сам век был м о л о д ...

Героиня повести очень нетороплива по характеру и мышлению, и неспешность, эпичность повествованию придаёт перечисление однородных членов, встречающееся несколько раз в повести, н а п р и м е р :

¿Y las lombrices? ¿Y las hormigas? ¿Y los demás bichos? No están en parte alguna... huyeron. Como los pájaros. O las ardillas, o los cerdos, o l a s g a l l i n a s .	А дождевые черви? А муравьи? А остальные существа? Нигде их нет... скрылись. Как птицы. Или белки, или свиньи, или куры.
Y, así las cosas, las abejas, las mariposas, los chochines, las gaviotas, los cernícalos... supieron...	И вот муравьи, пчелы, бабочки, вальдшнепы, чайки, пустельги... у з н а л и ...
Pero, con todo, lo que vi no fue solo eso: al tiempo que luna, cielo, montañas, valle, bosques, prados, casas y molino, mis ojos vieron también cuatro individuos...	Но, вместе с тем, я увидела не только это: одновременно с луной, небом, горами, долиной, лесами, лугами, домами и мельницей мои глаза увидели также четырёх существ...

Сказочность, эпичность придают повести и «прописные истины», чаще переданные устами Ангела-Хранителя:

Hija mía, en este mundo no hay cosa mejor que vivir según un h o r a r i o .	Дочь моя, в этом мире нет ничего лучше, чем жить, следуя р а с п о р я д к у .
El que pierde el sueño de una noche, pierde también el día s i g u i e n t e .	Тот, кто теряет ночной сон, теряет потом и следующий день.
Siempre que sea posible, hay que comer lo natural... Lo natural, hija mía. Siempre que sea posible, hay que comer lo natural.	Всегда, когда есть возможность, н у ж н о у п о т р е б л я т ь е с т е с т в е н н о е ... Е с т е с т в е н н о е , д о ч к а . В с е г д а , к о г д а е с т ь в о з м о ж н о с т ь , н у ж н о у п о т р е б л я т ь е с т е с т в е н н о е .
Quien dice dormir mal, dice vivir m a l .	Как говорится, кто плохо спит, т о т п л о х о ж и в ё т .

Но и Мо подчас философствует, утверждает «вечные истины», иногда и тут прибегая к повторам:

Pero, en fin, cada edad tiene lo suyo, y hay que conformarse.	Но, как бы там ни было, каждому возрасту – свое, и нужно с этим с ч и т а т ь с я .
A la gente que se aprecia hay que defenderla siempre y contra todo: contra los lobos, contra las vacas	Ведь людей, которых ценишь, нужно защищать всегда и несмотря ни на что: от волков, от

tontas, contra las malas lenguas, contra los miserables que devuelven mal por bien, contra t o d o s .	глупых коров, от злых языков, от несчастных, которые платят злом за добро, ото всех.
Hay que defender a los amigos, siempre. Contra los cretinos, contra los compañeros de establo, contra quien sea; siempre hay que defender a los amigos. Sin embargo, no es una verdad que se aprenda pronto .	Нужно защищать своих друзей всегда. От идиотов, от соседей по стойлу, от кого угодно, всегда нужно защищать своих друзей. Однако же, это не та истина, что сразу усваивается .

Героиня вообще много размышляет, ведя рассказ, и в повести она также приводит немало поговорок, пословиц, есть стихотворения. По определению Литературного энциклопедического словаря, «пословица – это краткое, ритмически организованное, устойчивое в речи образное народное изречение, заключает в себе афористически сжатое выражение какой-либо грани народного опыта»¹³¹. Обычно она бывает двучленной, композиционное строение совпадает с синтаксическим. В ней нередки рифма, ассонанс, аллитерация. Поговорка же, как гласит словарь, «это образное выражение, метко определяющие и оценивающее какое-либо явление жизни; в основе её часто лежит метафора, сравнение, гиперболо, идиоматические выражение, парадокс».¹³² Она отличается от пословицы тем, что всегда одночленна, она лишена обобщающего поучительного смысла, это обычно часть суждения. Общее у пословиц и поговорок то, что в них иносказательный смысл важнее прямых значений отдельных

с л о в .

¹³¹ ЛЭС, с.291

¹³² ЛЭС, с. 283.

В рассматриваемой нами повести в каждой главе по два-три таких высказывания, героиня с их помощью часто подводит итог своим рассуждениям, делает умозаключения о себе и своей жизни. Эти пословицы и поговорки важны для композиции повести, они добавляют ей эпичности, сказовости, в них заключена мудрость. Собственно, и заканчивается повесть итоговой пословицей, как это часто бывает в сказках: «Живя на воле, корова не спешит». Несомненно, в переводе было важно сохранить семантику пословиц и поговорок и, по возможности, также ритм и рифму.

1. El mirlo de Estambul siempre vuela hacia Estambul.	Стамбульский чёрный дрозд всегда возвращается в Стамбул.
2. ¿Qué creías que era vivir? ¿Creérselo todo y echarse a dormir?	Что ты думала означает существовать? Верить во все и сладко спать?
3. Nieve en el monte, no hay vaca que soporte.	Снег в горах – корова в трудах.
4. La vaca y la oveja, una vaga y la otra floja.	Корова да овца, страх да ленца.
5. Vaca que no lo intenta, o es cobarde o es tonta.	Корова, которая ни к чему не стремится, или глупа, или боится.
6. Vaca que se pone a preguntar, vaca que no para hasta reventar.	Как заладит корова с расспросами, не успокоишь её и покосами.
7. El que cien preguntas hace	Много будешь знать – скоро

ninguna respuesta merece.	с о с т а р и ш ь с я .
8. La vaca que no tiene cabeza todas las cosas aplaza.	Корова, у которой нет головы, не выпьет вовремя и воды.
9. Beethoven, Chopin y Mendelssohn, las alegrías de la vaca son.	Бетховен, Шопен и Мендельсон играют – много радости корове доставляют.
10. La vaca que se esfuerza en discurrir, luego no deja de dormir.	Корова, которая пытается размышлять, не перестаёт потом спать.
11. La vaca dichosa no tiene historia.	У счастливой коровы нет истории.

Эти включения подчеркивают сходство со сказкой, эпосом. Как пишет А. В. Фёдоров, при переводе «возможна близкая передача наново пословицы или поговорки, воспроизводящая вещественный смысл составляющих её слов и вместе с тем вполне сохраняющая её общий смысл и характер как... формулы».¹³³ Именно этим принципом мы в основном руководствовались при переводе, стараясь сохранить семантику. Но есть и другой тип перевода. По словам А. В. Фёдорова, он «представляет известное видоизменение вещественного смысла отдельных частей словесной формулы подлинника... вызывающее впечатление сходства с существующими речениями этой категории».¹³⁴ И к такому подходу тоже пришлось прибегнуть, но это единичные случаи. И третий способ, как утверждает А. В. Фёдоров, это «использование в переводе пословиц, поговорок, действительно

¹³³ А. В. Фёдоров. Указ. Соч., М., 1983 – с. 164.

¹³⁴ А. В. Фёдоров. Указ. Соч., М., 1983, с.165.

существующих в языке, на который делается перевод».¹³⁵ Ведь когда в пословицах, поговорках и идиомах не идёт речь о реалиях истории или быта народа, они не входят в противоречие со смыслом оригинала. Этот способ может спасти в ситуации, когда дословный перевод не даёт нужной афористичности, живости. В нашем переводе о д и н т а к о й п р и м е р е с т ь .

А В. С. Виноградов так пишет по поводу перевода пословиц и поговорок: «У пословиц и поговорок образное содержание, то есть их внутренняя форма, обычно сохраняет свою значимость, оно функционально действенно, носители языка... воспринимают образ, метафору».¹³⁶ То есть прямой и иносказательный смысл сосуществуют. И переводчик должен передать оба эти компонента. В. С. Виноградов выделяет пять способов перевода пословиц:

1. Полное соответствие (в языке перевода есть равнозначная по смыслу, функции, стилистике, образному содержанию пословица) .

2. Частичное соответствие (когда различие имеется лишь в образном содержании) .

3. Приём калькирования (почти дословное воспроизведение). Здесь нет особой организации высказывания. Образы его могут быть вполне понятными носителям языка перевода .

4. «Изобретение» пословицы. При этом воспроизводится образное содержание, смысл, используются ритмические средства; это стилизация .

¹³⁵ А. В. Фёдоров. Там же.

¹³⁶ В. С. Виноградов. Указ. Соч. – с.192.

5. Описательный перевод, то есть пересказ фразеологизма, его толкование, при этом неизбежны переводческие потери.¹³⁷

В нашем переводе мы в основном применяли калькирование и стилизацию. Все эти пословицы и поговорки рифмованные, и мы старались, насколько возможно, сохранить рифму при переводе, чтобы было похоже на поговорку. В основном это удавалось. Все попытки найти русские пословицы с похожими значениями не дали приемлемых результатов, только для седьмого примера подобралась известная пословица с похожим смыслом. В девятом примере пришлось немного отступить от подстрочника, но зато удалось сохранить рифму и идею.

Героиня повести не лишена лиризма, поэтому в повести есть и стихи:

<p>Cuando salí de Balanzategui, cuando salí de aquel caserón, allí dejé enterrado mi corazón.</p>	<p>Когда ушла я из Баланцатеги, когда ушла из того дома, там в земле осталось мое сердце.</p>
<p>Bajo las palmeras bebí, bajo las palmeras comí, agua y dátiles, para cobrar fuerzas.</p>	<p>В тени пальм я утоляла жажду, в тени пальм я утоляла голод, водой и финиками, дабы набраться сил.</p>

В этих двух примерах нам пришлось пожертвовать рифмой, чтобы сохранить смысл. Только в последней строфе, где в испанском

¹³⁷ В. С. Виноградов. Указ. Соч. – с. 193-196.

варианте глаголы рифмуются («bebí-comí»), в переводе, не найдя двух рифмующихся глаголов, для сохранения ритма мы прибегли к повторению глагола «утоляла», пользуясь тем, что в русском языке он может быть применён по отношению и к питью, и к еде.

Также герои нередко используют образные выражения, идиомы:

¡Eres de los que siempre tienen que salirse con la suya!	Ты из тех, кто всегда всё обязательно делает по-своему!
No entiendo... cómo pude darle jabón tratándolo como amigo.	Не понимаю... как я могла так перед ним заискивать, называя его другом.
Pasarás... veintiocho [años], trabajando como un burro...	Ты проведёшь двадцать восемь лет, работая, как ишак...
Seguro que soltaría uno [juramento] como para dejar a Pauline Bernadette patas arriba.	Наверняка я бы такое сказанула, что Полин Бернадетт грохнулась бы в обморок.
[La Vache] subió la cuesta hacia la casa en un abrir y cerrar los ojos.	[La Vache] преодолела склон, ведущий к дому, в мгновение ока.
Dímelo... con corazón en la mano.	Поведай мне... положи руку на сердце.
Aquel mismo día no pudo menos que llevarme la contraria.	В тот особый день он не преминул возразить мне.

В повести есть непереводаемая шутка и слово-неологизм,

который получилось перевести лишь словосочетанием:

Correrán bulos, no lobos.	Это, наверное, слухи носят, а н е в о л к и .
V a s u n i d a d	К о р о в ь я с у щ н о с т ь

Как пишет И. С. Алексеева, полагая, что переводимостью называют принципиальную возможность перевести текст, возможно говорить об относительной переводимости, ведь «язык – гибкое, многоликое... образование, и каждая культура тоже подвержена непрерывным изменениям»¹³⁸. Пытаясь перевести, мы преодолеваем э т у п р о б л е м у .

В нашей повести встретился один пример непереводаемости: возникли сложности с шуткой. Vulo означает «ложный слух, утка»¹³⁹. Первый вариант перевода был «бегают утки», но он был признан неудачным. В испанском варианте получается игра слов – просто переставляются местами слоги (и звук «u» меняется на близкий по подъему «o»), и выходит иронично. В русском варианте такого не получалось, к тому же не очень логично уткам бегать в лесу, ещё и зимой. Поэтому мы выбрали вариант «носятся слухи» (а не «ходят», чтобы передать идею скорости, выраженную глаголом «correrán»). Игру слов передать не удалось, но смысл мы постарались сохранить.

Важную роль для характеристики персонажей играют в повести имена, прозвища. Если имя главной героини – Мо – незатейливо и одновременно похоже на коровье мычание и на простое детское слово, то с остальными персонажами сложнее. В повести в с т р е ч а ю т с я п я т ь п р о з в и щ :

¹³⁸ И. С. Алексеева. Указ. Соч. – с. 140-141.

¹³⁹ Испанско-русский словарь под ред. Б. П. Нарумова, Москва, 1995, с. 138).

P e s a d o	З а н у д а
G a f a s V e r d e s	З е л ё н о е С т е к л о
C u c h i l l o s	Н о ж
E l E n c o r v a d o	С у т у л ы й
C a b e z o n a	У п р я м и ц а

Так как это «говорящие» имена, важные для характеристики персонажей, мы решили их переводить. Как пишет В. С. Виноградов, «смысловое имя – это своеобразный троп, равнозначный, в известной степени, метафоре и сравнению, и используемый в стилистических целях для характеристики персонажа». Заключенная в таких именах информация должна быть «проявлена»¹⁴⁰.

Pesado означает «тяжёлый, медлительный, назойливый, нестерпимый»¹⁴¹. Поскольку в русском языке в разговорном регистре есть подходящее слово «зануда», то, исходя из особенностей характера главной героини и её отношений с этим персонажем, мы решили перевести это прозвище именно так.

В отношении отрицательного персонажа, у которого два прозвища – Gafas Verdes и Cuchillos возникли сложности, потому что они стоят во множественном числе, а в русском языке прозвище во множественном числе маловероятно, поэтому, например, первоначальный вариант «Зелёные очки» был заменён на «Зелёное Стекло», ведь важно то, что героиня к нему относится крайне отрицательно и как бы обезличивает его, ведь у него даже не видно

¹⁴⁰ В. С. Виноградов. Указ. Соч. – с. 162.

¹⁴¹ Испанско-русский словарь. Указ. Соч. – с. 585.

глаз из-за очков. Её подруга называет его Cuchillos, что мы перевели на русский язык просто как Нож.

«Encorvado» означает «согнутый, сутулый»¹⁴². Мы, исходя из этого, перевели прозвище «El Encorvado» как «Сутулый». Никакой отрицательной коннотации там не было, скорее, сочувственное отношение к герою со стороны коров, так его прозвавших.

Что касается первого имени подруги главной героини «Cabezona», то это форма женского рода слова «cabezón», что означает «большоголовый», в разговорном регистре – и «упрямый»¹⁴³. К нашей героине в полной мере относятся оба эти определения, но, видимо, прозвище больше относилось к характеру, и мы выбрали субстантивированный вариант «Упряmica».

Что касается её французского имени, La Vache Qui Rit, то мы решили его не переводить, дав перевод в сноске («Корова, которая смеётся»). Во-первых, оно важно и для характеристики самой героини, которая предпочитала именно это имя. Кроме того, оно, вероятно, имеет некую авторскую аллюзию на роман Виктора Гюго «Человек, который смеётся», написанный в 1869 году. Можно предположить, что здесь заключена и авторская ирония.

В повести ещё встречаются собственные имена – Бидани (Bidani) и Усандисага (Usandizaga). Мы предприняли попытку выяснить у носителей баскского языка, что они могут означать. Бидани – баскское женское имя. В баскском языке есть слово «bidea – дорога, путь»¹⁴⁴. Не исключено, что от этого слова образовано и имя (тогда, его, например, можно было перевести как «Путница»), но с точностью сказать этого нельзя, значение уже стерлось и не

¹⁴² Испанско-русский словарь. Указ. Соч. – с. 323.

¹⁴³ Испанско-русский словарь. Указ. Соч. – с. 142.

¹⁴⁴ URL: <https://hiztegiak.elhuyar.eus/eu/bide>. Дата обращения 17.03.2021.

Что касается фамилии Usandizaga, то, по словам носителей, это распространенная баскская фамилия с типичным окончанием – «aga», которая не имеет очевидного значения, следовательно, её можно просто транскрибировать. Хотя интересно, что, если обратиться к этимологии, она может означать «место, где имеется стая голубей»¹⁴⁵. Принимая во внимание, как самоотверженно помогал Усандисага партизанам в их борьбе с фашистами, аллегория с голубями (символами мира) не кажется невозможной. Кроме того, известен композитор Хосе Мария Усандисага (1887-1915) из Сан-Себастьяна¹⁴⁶. У него было произведение «Mendi mendian» (примерный перевод «Гора в горе»), которое перекликается с произведением «Mundu munduan» («В мире мира») Габриэля Арести, известного баскского писателя, члена Королевской Академии баскского языка¹⁴⁷. Как известно, главная героиня с подругой убегают от людей в горы; горы противопоставляются городу, цивилизации – это частый мотив в творчестве Бернардо Ачаги.

Также в повести встречаются два топонима – Баланцатеги (Balanzategui) и Альцюрюкю (Altzürükü). Мы попытались выяснить, что они могут означать. С первым топонимом все ясно; по словам носителей баскского языка, «- tegui» – типичное окончание для обозначения какой-либо местности, селения (что-то вроде русского «- ово», «- ино»), «balanza» – слово из международного лексического фонда, означает «равновесие, баланс». Что касается Альцюрюкю, то значение этого топонима носителями не осознается, им понятно только, что речь идет о поселении на территории французской Страны Басков (судя по написанию и произношению). Хотя, если

¹⁴⁵ URL: <https://martzelmarchant.wordpress.com/2014/03/05/letra-u/>. Дата обращения 04.04.2021.

¹⁴⁶ URL: https://es.m.wikipedia.org/wiki/José_María_Usandizaga. Дата обращения 04.04.2021.

¹⁴⁷ URL: <https://kritikak.armiarma.eus/?p=2452>. Дата обращения 04.04.2021.

разобрать это слово – ведь наверняка названия местности давались не просто так – не исключена такая версия: в баскском языке есть слово «haltza», что означает «ольха», и есть слово «ига» – вода (при этом «а» – это артикль, в баскских словарях слова пишут без него)¹⁴⁸. По поводу уместности буквы «h» в баскском языке велись и ведутся жаркие споры (она не произносится), в топониме она могла и пропасть. Однако, поскольку значение этого топонима напрямую не осознается, в переводе мы прибегли к транскрипции.

В повести есть ещё одна героиня, Полин Бернадетт, простая деревенская девушка, родной язык которой – французский, и в её речи происходит постоянная интерференция с испанским языком. Она и смешивает в одном предложении слова из обоих языков, и применяет французские грамматические законы к испанскому, говоря на нем зачастую аграмматично. Французские выражения мы оставили в тексте, дав к ним сноски с переводами, а испанские, в том числе аграмматичные, постарались перевести, передав эту аграмматичность. Примеры таких выражений Полин Бернадетт:

<p>– ¡Qué día mucho bonito yo he p a s a d o , M o !</p>	<p>– Какой же очень прекрасный день был у меня, Мо!</p>
<p>–Una soeur hace falta obedecer las reglas del couvent, pero la charité es antes que todas las muchas cosas de este mundo, Pauline Bernadette – se dijo a sí misma.</p>	<p>– Любая soeur¹⁴⁹ нужно подчиняться правилам couvent, но la charité¹⁵⁰ важнее, чем все многие вещи в мире, Полин Бернадетт – сказала она самой с е б е .</p>

¹⁴⁸ URL: https://hiztegiak.elhuyar.eus/eu_es_en_fr/Ur. Дата обращения 30.04.2021.

¹⁴⁹ сестра

¹⁵⁰ милосердие

-¡Han quitado de la autobús para A l t z ü r ü k ü !	- Автобусá в Альцюрюкю о т м е н и л и !
-¡No es bien que alguien tome la vengeance por su mano!	- Не есть хорошо, когда кто-то совершает la vengeance ¹⁵¹ с в о е в о л ь н о !
-Yo no quería ser con aquellos c h i c o s ...	- Мне не хотелось бывать с этими молодыми людьми...

Французский язык присутствует не только в речи Полин. Также на французском всегда переданы слова «Soeur» (сестра) и «couvent» (монастырь), в том числе в репликах Мо. Подражая Полин, Мо даже говорит: «soy venido al couvent», что по-испански неверно (должно быть he venido, со спрягаемым глаголом «иметь» (haber), а не «быть» (ser), хотя в староиспанском такая форма была возможна. По правилам же французского все верно – глаголы движения употребляются в сложных временах с глаголом «быть – être». Видимо, у Мо здесь произошла языковая интерференция. Мы решили оставить слова «Soeur» и «couvent» без перевода, как в оригинале, подчёркивая тем самым, что эта часть действия происходит во
Ф р а н ц и и :

-No los siegues, Soeur Pauline Bernadette, que también las otras vacas tendrán que comer algo – le p r i d o .	- Не коси их, Soeur Полин Бернадетт, ведь и другим коровам нужно что-то есть – п р о ш у я е ё .
El couvent, que en realidad parece	Couvent, который и в самом

¹⁵¹ месть

una ciudadela, es enorme de grande, y dentro de sus muros hay d e t o d o .	деле похож на крепость, просто огромен, и в его стенах есть все, что душе угодно .
---	--

Все это представляло определённые трудности для перевода, и в каждом случае решение принималось нами, исходя из бережного отношения к тексту и стремления к эквивалентности.

4.1. Отличия баскского оригинала от испанского перевода.

Мы предприняли попытку выяснить, обратившись за консультацией к носительнице баскского языка Лейре Аскаргорта¹⁵², чем же отличаются оригинал повести «Воспоминания одной баскской коровы» на баскском языке и ее перевод на испанский язык. Лейре отметила, что по содержанию особых отличий нет, а вот по форме их много, они встречаются буквально на каждой странице по несколько раз. Рассмотрим первую главу.

Во-первых, что касается Ангела-Хранителя Мо, то в баскском варианте он именуется Setatsua, что означает «obstinado, terco, testarudo, tenaz»¹⁵³, т. е. «настойчивый, упрямый, упорный, цепкий»¹⁵⁴. По мнению Лейре Аскаргорта, слово «pesado» имеет другую коннотацию, более негативную. К тому же, слово «setatsu» не имеет рода, в отличие от испанского варианта, где Ангел-Хранитель – мужского рода («El Pesado»).

В диалоге с Бидани Мо говорит по-баскски: – Sinestea libre al da? (¿Existe libertad para creer una cosa o la otra? – Существует ли свобода верить в ту или иную вещь?). Получается, меняется значение вопроса, потому что в баскском варианте Бидани не утверждает, что надо

¹⁵² Речь о Лейре Аскаргорта, преподавателе баскского языка, сотрудничающего с МГУ, переводчице с испанского и баскского языков.

¹⁵³ URL: <https://hiztegiak.elhuyar.eus/eu/setatsu>. Дата обращения 30.04.2021.

¹⁵⁴ Испанско-русский словарь. Указ. Соч. – с. 536, 733, 736, 738.

обязательно верить во все, что она говорит.

Также в первой главе Мо говорит: «Le pregunté un día a la voz. Era en la época en la que todavía le hablaba con respeto, de muy joven» – «Это было время, когда я ещё разговаривала с ним с уважением, в пору молодости». По-баскски эта фраза выглядит так: «Galdetu nion aspaldi, berarekin hitzegiten hasi nintzen garaian», и в этой фразе ничего не сказано ни об уважении, ни о возрасте героини.

И в следующей фразе сказано: «El que tú quieras, hija mía». По-баскски: «Zuk nahi duzuna, lagun maite». «Laguna» означает «друг, подруга, приятель, приятельница»¹⁵⁵, «maite» – «дорогой (-ая), любимый (-ая)»¹⁵⁶. То есть Ангел-Хранитель называет Мо не дочкой.

В эпизоде с волками Мо говорит: «¿Bajar del monte? ¡Que te crees tú eso!». В баскском же варианте так: «Mendian behera? Zerorri joan zaitetz, nahi baduzu!» (vete tú, si es lo que quieres – Спускаться с горы? Иди сам, если тебе это так нужно). То есть по-испански Мо просто отмахивается от Зануды.

Также надо отметить, что в баскском варианте монахиня Полин Бернадетт говорит на диалекте баскского языка, распространенном в провинции Субероа (Франция). Он очень отличается от диалектов баскского языка Испании, в том числе произношением (некоторые звуки похожи на французские). Интересно, что в баскском оригинале Полин Бернадетт грамматически и лексически говорит совершенно правильно. Возьмем, например, две фразы, в испанской версии они выгла-
в ы г л я д я т т а к :

1. « –Cierta vez, hace mucho tiempo,.. los hombres tomaron la decisión de construir una torre terriblement grande que llegaría al ciel,

¹⁵⁵ URL: <https://hiztegiak.elhuyar.eus/eu/lagun>. Дата обращения 30.04.2021.

¹⁵⁶ URL: <https://hiztegiak.elhuyar.eus/eu/maite>. Дата обращения 30.04.2021.

porque era su deseo ser semejantes a Dieu Notre Seigneur. Y se metieron al trabajo, construyeron una part de la torre con sus picos, palas y azadas, y todo iba très bien, la torre para arriba y para arriba, pero voici que Dieu confundió sus lenguas. De pronto y de seguido, no se comprendían unos a otros, y como no se comprendían entre ellos mismos, surgía la riña y la discorde partout, y a la fin tuvieron que dejar el trabajo, y la torre y todo como estaba, y toda la gente, cada grupo con su nueva lengua, partió para e l m u n d o c a d a u n o a s u r i n c ó n y p a í s » .

2. « –¡Qué día mucho bonito yo he pasado, Mo! Después de tiempo, yo tenía verdaderamente ganas de ver a ma mère y a mon père. Pero qué tristesse a la hora de la despedida, Mo, ¡qué tristesse! – continuó haciendo sonar una campanilla grave y melancólica – . ¿Y tú sabes? ¡Han quitado de la autobús para Altzürükü! ¡Sin derecho para eso! ¡Es una cochonnerie! Que Mon Dieu me perdone esta forma de decir, ¡pero es una cochonnerie!»

В таблице мы приводим баскский вариант (в левом столбце) и перевод его на современный баскский Испании (осуществлен Лейре А с к а р г о р т а) :

<p>1.– Behin batez, gizonak hasi ziren eraikitzen zelürat heltzeko zen izigarrizko torre handi bat, zeren eta gogo beitzien Jinkoaren pare izaitia – esan zidan behin komentuko lorategian geundela–. Eta ari ziren lanean, eraiki zien torrearen zati bat beren aitzür, pala eta pikotxekin eta horra non Jinkoak nahastü zitüan haien mihiak. Ustegabeian, ez zeioen</p>	<p>1.– Behin batez, gizonak hasi ziren eraikitzen zerura heltzekoa zen izugarriko dorre handi bat, zeren eta Jainkoaren pare izan nahi zuten [...]. Eta ari ziren lanean, eraiki zuten dorrearen zati bat beren aitzur, pala eta pikotxekin, eta horra non Jainkoak nahasi zituela haien mihiak. Ustekabeian, ez zioten elkarri ulertzen. Elkarri ulertzen ez ziotenez, kexuak eta aharrak</p>
--	--

<p>elkarri entelegatzen. Nola ez beitzioen elkarri entelegatzen, kexüak eta aharrak sortzen zitüzün nonahi, eta ez zeien lanean aritzen ahal. Halatan, torrea bere hortan ützirik, jendea oro, saldoka, nor bere mintzaje berriarekin, mündurat büruz partitü zen. Gü, üskaldunok, Pirinio bortüra dino heldü ginen.</p>	<p>sortzen zituzten nonahi, eta ezin zuten lanean aritu. Halatan, dorrea bere horretan utzirik, jende oro, saldoka, nor bere mintzaira berriarekin, mundura abiatu zen. Gu, euskaldunok, Pirinioen porturaino heldu ginen.</p>
<p>2.– Zinez egün pollita iragan dizüt, Mo – hasten da pozik, kriskitin kaskatan–, aspaldidanik beinüen burrasoen ikusteko gogo. Baina zoin pena eta xangrina adio erraiteko tenorean, Mo – jarraitzen du–. Bi orenetan elhestan ari garelarik, eta gero juan behar. Eta badakizüa? Kendu deizüe Altzürüküko otobüsa. Ez düzü haizü! Pitokeria düzü! Jinko jaunak barka dezala ene mintzaje manera hau, baina pitokeria düzü! – bukatzen du haserre batean, k r i s k r a s , k r i s k r a s .</p>	<p>2.– Zinez egun polita iragan dut, Mo [...], aspaldidanik bainuen gurasoak ikusteko gogo. Baina zein pena eta atsekabea agur esateko orduan, Mo [...]. Bi orduz hizketan arituko gara, eta gero joan behar. Eta, badakizu? Altzurukuko autobusa kendu dute. Ez da zilegi! Hura tontakeria! Jainko jaunak barna dezala nire hitz egiteko modu hau, baina hura tontakeria! [...] .</p>

В речи Полин Бернадетт, говорящей по-баскски, очевидно влияние французского языка, что отражается, в частности, в орфографии (например, буква «ü»), в лексике («adio» (т.е. «до свидания») вместо «агур»).

Заключение

В ходе нашего исследования мы продолжили изучение творчества Бернардо Ачаги, который на сегодняшний день, пожалуй, является самым ярким представителем баскской литературы. В результате проделанной работы впервые был выполнен художественный перевод произведения Бернардо Ачаги «Воспоминания одной баскской коровы» на русский язык и осуществлен анализ ее языковых и стилистических особенностей. Также нами было начато исследование отличий текстов баскского оригинала и испанского варианта произведения.

В ходе работы над художественным переводом повести мы руководствовались методологией и наработками отечественной школы переводоведения (в частности, А. В. Фёдорова, В. С. Виноградова, Ю. Л. Оболенской), применяя их на практике. В данном произведении сочетаются черты исповеди, мемуаров, дневника, эссе, сказки, и при переводе мы старались это передать. В частности, необходимо было перевести пословицы и поговорки, очень важные для композиции повести, найти им эквиваленты в русском языке, соответствующие их смыслу и стилю. Мы следовали типологии и норме языка перевода и в других ситуациях, стараясь избежать буквализма. Так, в повести много лирических отступлений, где героиня пространно рассуждает о жизни, и важно было избежать так называемого канцелярита. Также в повести очень много диалогов, а,

следовательно, разговорной речи, и мы старались передать ее живым и естественным русским языком.

Кроме того, основное действие в повести происходит в годы, следующие за окончанием Гражданской войны в Испании, и глазами Мо описывается антифранкистское партизанское движение в Стране Басков. Нам было важно передать серьёзность этого исторического контекста, не увлекаясь тем, что повествование ведётся от лица обычной деревенской коровы.

Образ повествователя определяет художественное единство повести. Она представляет собой развёрнутый монолог коровы, единого сквозного действия в ней нет. Жанр произведения представляет собой сложную структуру, включающую в себя элементы исповеди, мемуаров, хроники, эссе, сказки. Стилистически повесть крайне неоднородна, в ней сочетаются элементы высокого и разговорного стилей, в тексте встречаются устаревшие слова и конструкции. Элементы высокого стиля в основном встречаются в речи Ангела-Хранителя Мо, который является внутренним голосом героини. Он часто использует книжную лексику, патетические выражения, хотя и разговорные выражения у него также встречаются.

При этом речь Мо тоже неоднородна, и в ней нередко встречаются элементы разговорного стиля. Ее речь отличается эмоциональностью и оценочностью. Отдельного внимания заслуживают ее частые обращения к читателю, оговорки, уточнения, коррелирующие с особенностями образа рассказчика: Мо – корова, поэтому она рассуждает подчёркнуто неторопливо, словно «пережевывая» собственные мысли, и ее речи присущи определённые грамматические и лексические особенности,

например, частое перечисление однородных членов. Многочисленные параллелизмы также передают эмоциональность Мо и цикличность ее мышления.

Повести присущи черты сказки, эпоса – повторы, присказки, «сказочные формулы». Повторы используются и для создания эмоциональной выразительности действия, динамизма, ритмичности.

Повторы могут служить и связующей нитью повествования. Так, часто на протяжении повести повторяется рефран, фактически отражающий жизненный принцип одной из героинь, который потом станет повторять и Мо: «En este mundo no hay cosa más tonta que una vaca tonta» – «В этом мире нет создания глупее, чем глупая корова».

Сказочность, эпичность придают повести и «прописные истины», чаще переданные устами Ангела-Хранителя. Мо также подчас философствует, иногда и тут прибегая к повторам. Героиня много размышляет, ведя рассказ, использует в своей речи немало поговорок, пословиц, стихотворные строки. С их помощью она подводит итог своим рассуждениям, делает выводы о себе и о своей жизни. Кроме того, вся повесть заканчивается пословицей («Mientras vive a sus anchas, la vaca va dando largas» – «Живя на воле, корова не спешит», как это часто бывает в сказках).

При переводе пословиц, поговорок и стихов мы, в основном, прибегали к калькированию и стилизации. Все эти пословицы, поговорки и стихи рифмованные, и мы старались, насколько возможно, сохранить рифму при переводе («Bajo las palmeras bebí, bajo las palmeras comí, agua y dátiles, para cobrar fuerzas» – «В тени пальм я утоляла жажду, в тени пальм я утоляла голод, водой и финиками, дабы набраться сил»).

Важную роль для характеристики персонажей играют в повести имена, прозвища. Так как это «говорящие» имена, важные для характеристики персонажей, то мы решили не калькировать их, а переводить, стараясь сохранить оригинальное значение.

В ходе перевода повести мы столкнулись со следующими трудностями:

1. Шутка, которую не удалось передать по-русски, хотя удалось подобрать близкий эквивалент («correrán bulos, no lobos – «это, наверное, слухи носятся, а не волки»).
2. Две стихотворные строфы, которые придумывает главная героиня, при переводе которых не всегда удавалось сохранить рифму, но их содержание мы постарались передать.
3. Перевод прозвищ (Gafas Verdes – Зеленое Стекло, Cabezona – Упрямец, el Encorvado – Сутулый).
4. Перевод грамматических ошибок одной из героинь, которая не очень хорошо знает испанский язык.
5. Перевод ее же французских слов и фраз, которые она часто употребляет, будучи француженкой.

Кроме того, в ходе лингвостилистического анализа мы затронули тему сравнения баскского оригинала и испанского варианта произведения. Лейре Аскаргорта, будучи билингом, высказала точку зрения о том, что они не очень отличаются по содержанию, но по форме имеют значительные расхождения. В дальнейшем представляется перспективным более подробно остановиться на различиях баскского и испанского вариантов, для

чего, безусловно, нам потребуется продолжить изучение баскского языка, начатое нами в 2019 году в ходе написания данного
и с с л е д о в а н и я .

Библиография

Источники

1. Bernardo Atxaga «Memorias de una vaca», Madrid, 1998. – 170 с.

Научная литература

2. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. М., 2008. – 368 с.
3. Арутюнова Н. Д. «Трудности перевода с испанского языка на русский», М., 2004. – 112 с.
4. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 2007. – 248 с.
5. Брандес М. П. Стиль и перевод. М., 1988. – 127 с.
6. Брандес М. П., Провоторов В. И. Предпереводческий анализ текста. М., 2001. – 224 с.
7. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. М., 2001. – 224 с.
8. Виноградов В. С. Перевод: общие и лексические вопросы. М., 2004. – 240 с.

9. Влахов С. И., Флорин С. П. Непере译имое в переводе. М., 2006. – 448 с.
10. Галь Н. Слово живое и мертвое. СПб, 2015. – 352 с.
11. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М., 2004. – 544 с.
12. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М., 2011. – 424 с.
13. Левый И. «Искусство перевода», Москва, «Прогресс», 1974. – 394 с.
14. Лилова А. Введение в общую теорию перевода. М., 1985. – 256 с.
15. Любимов Н. Перевод – искусство. М., 1982. – 128 с.
16. Оболенская Ю. Л. Диалог культур и диалектика перевода, Москва, 1998. – 316 с.
17. Оболенская Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М., 2012. – 335 с.
18. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводоведческая практика. М., 2007. – 240 с.
19. Тюленев С. В. Теория перевода, Москва, 2004. 336 с.
20. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода, СПбГУ, 2002. – 416 с.
21. Фирсова Н. М. Испанская разговорная речь, Москва, 1999. – 248 с.
22. Хализев В. Е. Теория литературы. М., 1999. – 398 с.
23. Чернец Л. В., Хализев В. Е., Бройтман С. Н. и др. Введение в

литературоведение. М., 1999. – 556 с.

24. Чуковский К. Высокое искусство. М., 2019. – 416 с.

Словари

25. Большой испанско-русский словарь. Под ред. Б. П. Нарумова. М., 1995.

26. Садиков А. В., Нарумов Б. П. Испанско-русский словарь современного употребления. М., 1998.

27. Большой лингвистический словарь, глав. ред. Ярцева В. Н. М., 1998.

28. Литературный энциклопедический словарь. Под общей ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М., 1987.

Интернет – источники:

29. <https://www.atxaga.eus/es/testuak-textos>. Дата обращения 16.05.2021.

30. <http://www.basqueliterature.com/Katalogoak/egileak/atxaga>. Дата обращения 16.05.2021.

31. «La narrativa de Bernardo Atxaga. Análisis semiótico de Obabakoak». URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/71847835.pdf>. Дата обращения 18.05.2021.

32. «Bernardo Atxaga asocia la literatura «industrial» al «plato fácil, preparado». URL: <https://www.deia.eus/cultura/2020/07/23/bernardo-atxaga-asocia-literatura-industrial/1054135.html>. Дата обращения 18.05.2021.

33. «Bernardo Atxaga: un escritor cautivador». URL:

<https://journals.openedition.org/lapurdum/977?lang=eu#tocto4n10>.

Дата обращения 16.05.2021.

34. <https://martzelmarchant.wordpress.com/2014/03/05/letra-u/>. Дата обращения 16.05.2021.
35. Т. А. Зиновьева. «Сказочные» приемы переводчика /Т. А. Зиновьева, Е. В. Гудакова. – Текст: непосредственный//Молодой учёный. – 2014. – п.21(80). –с.767-770. – URL: <http://moluch.ru/archive/80/14476>. Дата обращения 22.03.2021.
36. А. Е. Исмагулова Авторская сказка: особенности и проблемы перевода//Вестник Казну. Серия филологическая. – 2014. – п. 2(148). – с. 216-219. – URL: <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/download/250/242/>. Дата обращения 22.03.2021.
37. Ланцова О. В. Пространство безымянности в произведениях Бернардо Ачаги. //Знание. Понимание. Умение, п. 1, 2011. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-bezimyannosti-v-proizvedeniyah-bernardo-achagi/viewer>. Дата обращения 18.05.2021.
38. Ланцова О. В. Символика маргинального мироощущения в поэзии Б. Ачаги. //Вестник ЧГПУ, п. 2, 2009, Чита. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-marginalnogo-mirooschuscheniya-v-poezii-bernardo-achagi/viewer>. Дата обращения 17.05.2021.
39. Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий, Москва, 2008, с. 85. – URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Poetika._Slovar_aktualnyh_terminov_i_ponyatij._2008.pdf. Дата обращения 14.05.2021.
40. Пронкевич О. В. «Писання понад кордонами» у «Мемуарах

- корови» Бернардо Ачаги //URL:
<https://lib.chmnu.edu.ua/pdf/naukpraci/philology/2015/301-289-13.pdf>.
Дата обращения 27.04.2021.
41. В. Я. Пропп. Морфология сказки. //Вопросы поэтики. Выпуск XII. «Academia», Ленинград, 1928. –152с. – URL: <http://web.ru/feb/skazki/critics/pms/pms-001-.htm>. Дата обращения 22.03.2021.
42. Рассказы из книги «Обабак» // журнал «Иностранная литература», номер 10, 2004, перевод Надежды Мечтаевой //URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2004/10/rassказы-iz-knigi-obabakoak.html>. Дата обращения 27.04.2021.
43. М. де Сервантес. «Дон Кихот», с. 2-93 //URL: https://mir-knig.com/read_246961-93. Дата обращения 27.04.2021.
44. <https://trianarts.com/joan-maragall-la-vacaciaga/#sthash.4TCRiLB6.vHHRWN9I.dpbs>;
<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1826179>. Дата обращения 27.04.2021.
45. М. де Унамуну. «Мир среди войны», с. 24 // URL: <https://www.rulit.me/books/mir-sredi-vojny-read-312102-24.html>. Дата обращения 27.04.2021.
46. <https://dle.rae.es/> – словарь Королевской академии испанского языка. Дата обращения 16. 05.2021.
47. <https://hiztegiak.elhuyar.eus/eu/>. Дата обращения 16.05.2021.
48. <https://www.tvkultura.ru>. Дата обращения 14.07.2020.
49. https://es.m.wikipedia.org/wiki/Bernardo_Atxaga. Дата обращения

17.05.2021.

50. <https://es.m.wikipedia.org/wiki/Aussurucq>. Дата обращения
16.05.2021.

51. https://es.m.wikipedia.org/wiki/Leopoldo_Alas,_Clarín. Дата
обращения 15.05.2021.

52. <https://zuzeu.eus/euskara/euskal-onomatopeiak-berreskuratzen/>.
Дата обращения 16.05.2021.

Приложение

5. Я покидаю компанию глупых коров, и это приводит меня в пустыню. Фургончик Шевроле привозит все больше корма. Я открываю одну из тайн Баланцатеги.

Любая корова, которая хочет быть настоящей коровой, а не глупой, в конечном счёте попадёт в пустыню, она не сможет осуществить свое желание, не познав до того полное горечи царство, которое, будучи далёким от этого мира, только и наполнено, что песком. И среди песков, без единой травинки, без капли воды корове, которая хочет стать настоящей коровой, будет казаться, что она

сходит с ума, и иногда, в дни, когда солнце палит особенно жарко, она пожалеет о том, что пустилась в путь, и будет мечтать о сладостях хлева, который покинула. Но она, прекрасно помня о том, насколько глупыми бывают обычно глупые коровы, не уступит отчаянию, она продолжит идти вперёд, пока не преодолеет пустыню и не увидит перед собой орошенные дождем горы и тенистые леса. Тогда, вспоминая слова поэта, она скажет так: *cela s'est passé*¹⁵⁷, все уже позади, я вышла из ада, я смотрю на мир новыми глазами, чувствую его новым сердцем. Раньше мне не хватало рассудительности соизмерять ценность вещей, но сейчас, в пустыне, я её обрела.

Я тоже хотела стать настоящей коровой и максимально отдалиться от глупости, снова подружиться с *La Vache*, моей первой и единственной подругой, но путь, который вёл от глупых коров к ней, пролегал через пустыню. А пустыня в моём случае звалась Одиночеством. Не Бедностью, Болезнью или Тюрьмой, как называются пустыни многих и многих людей, а Одиночеством. Если говорить другими словами, это была пустыня, противоположная пустыне Полин Бернадетт, ведь ее пустыня была тем, что обычно известно под именем Замужество.

– Когда я жила в Альцюрюкю, – рассказала она мне однажды, – я жила счастливая *et contente*¹⁵⁸. Целый день я проводила в *montagne*¹⁵⁹, присматривая за стадом своих родителей, и мне этого да ещё молитв, которые я возносила к *Mon Dieu*¹⁶⁰, было достаточно. Но я все росла, и росла, и выросла девушкой, *très belle très belle*¹⁶¹, и

¹⁵⁷ Это прошло (франц.). Предпоследняя строчка из произведения А. Рембо «*Délire II – Alchimie du verbe*» («Бред II – Алхимия глагола»), написанном в 1872 году; URL: <http://www.unjourunpoeme.fr/poeme/delires-ii-alchimie-du-verbe>; дата обращения: 26.04.2021.

¹⁵⁸ и довольная

¹⁵⁹ горы

¹⁶⁰ моему Богу

¹⁶¹ очень красивую

тогда mon père¹⁶² мне сказал: «Ты должна будешь выйти замуж, так что тебе придется ходить на танцы каждое воскресенье». Я ему ответила: «Mais non¹⁶³, я счастлива et contente, ухаживая за стадом». Et mon père¹⁶⁴ опять свое: «С сегодняшнего дня и впредь ты не пойдёшь в montagne, ты пойдёшь на танцы, потому что ты demoiselle¹⁶⁵ и должна выйти замуж».

«В тот день я попала à l'enfer¹⁶⁶, Мо, потому что я ходила танцевать и все хотели танцевать avec moi¹⁶⁷. Et non seulement¹⁶⁸ люди из Альцюрюкю, а еще из Урдинарба¹⁶⁹, Бриссака, Ганжа¹⁷⁰, Лароша и многих других мест. Но я говорила «non»¹⁷¹ и non танцевала ни с кем. Мне не хотелось бывать с этими молодыми людьми, я хотела быть à la montagne¹⁷² с mes vaches¹⁷³. Однажды mon père мне сказал: «Полин, ma chérie¹⁷⁴, я вижу, как ты страдаешь от такого количества кавалеров. Тебе больше необязательно и дальше так страдать. Наш сосед Пьер попросил у меня твоей руки, и я сказал, что oui¹⁷⁵. Он очень хороший человек, у него шестьдесят коров и много угодий».

«Тот день и в самом деле был très triste pour moi¹⁷⁶, Мо. До этого un enfer¹⁷⁷, а теперь enfer et demi¹⁷⁸. Уже было пять месяцев, как я не ходила со стадом в горы, чтобы побыть там в одиночестве, и будущее становилось все более и более темным. Пьер каждый день приходил

¹⁶² мой отец

¹⁶³ но нет

¹⁶⁴ и мой отец

¹⁶⁵ юная девушка

¹⁶⁶ ад

¹⁶⁷ со мной

¹⁶⁸ и не только

¹⁶⁹ Официально Ордьяр, коммуна во Франции, регион Аквитания.

¹⁷⁰ Коммуна во Франции, регион Окситания.

¹⁷¹ нет

¹⁷² в горах

¹⁷³ моими коровами

¹⁷⁴ моя дорогая

¹⁷⁵ да

¹⁷⁶ очень грустным для меня

¹⁷⁷ ад

¹⁷⁸ половина

ко мне домой: «Ma chérie Полинетт», говорил он мне, «когда мы обвенчаемся, я продам свой скот и земли, и мы поедем в Париж открывать un restaurant bistrot¹⁷⁹». Честное слово, Мо, когда я в первый раз услышала эту фразу о ресторане – бистро à Paris¹⁸⁰, я упала на пол без чувств. На следующий день я ему сказала: «Пьер, je ne t'aime pas¹⁸¹ и я не поеду в Париж открывать un restaurant bistrot». А он и говорит: «Но c'est ridicule ça¹⁸², ma chérie Полинетт. Я знаю, что ты m'aimes¹⁸³». А я ему non, а он мне oui. Тогда я закрылась на ключ в своей комнате и больше не выходила. После этого Пьер каждый день приходил под мой балкон и пел мне. Et finalement¹⁸⁴, я решила прыгнуть с балкона, mon Dieu me pardonne¹⁸⁵, et partir¹⁸⁶ из своего дома. Et, qu'est ce que s'est passé alors¹⁸⁷?

– А случилось то, что ты упала с балкона на меня, Soeur Полин Бернадетт. Слава Богу, что ты была легче птицы.

– Так и было, Мо, ты говоришь правду. Ты только пришла в Альцюрюкю, и оказалась под моим балконом. Несомненно, Мо, что это Mon Dieu тебя туда направил. Если бы не ты, я сейчас не была бы в монастыре. Когда-нибудь я должна воздать тебе за la faveur¹⁸⁸, что ты мне оказала.

– Долг уже хорошо оплачен, Soeur. Более, чем, – ответила я ей, вспомнив о клевере и пажитнике.

Так вот, пустыня Полин Бернадетт звалась Замужеством, и, в конце концов, ей не так уж трудно было её преодолеть: ей было

¹⁷⁹ ресторан-бистро

¹⁸⁰ в Париже

¹⁸¹ я тебя не люблю

¹⁸² это же смешно

¹⁸³ меня любишь

¹⁸⁴ в конце концов

¹⁸⁵ да простит меня мой Господь

¹⁸⁶ уехать

¹⁸⁷ И что же случилось тогда?

¹⁸⁸ милость

достаточно упасть на меня и затем уйти в *couvent*. Моя же, пустыня Одиночества, казалась более сухой и обширной. С одной стороны, я была полна решимости не иметь никаких отношений с глупыми коровами из хлева; я продолжала с ними здороваться, но не более того. Напрасно они заговаривали со мной или предлагали мне вкусную траву или уютные места, чтобы прилечь. Со всем этим было покончено. С другой же стороны, отношения, которые у меня когда-то были с *La Vache*, были испорчены, и нужно было выждать время. Не могла. я пойти к старой мельнице и предстать перед ней со словами: «Ну вот, я опять пришла. Ты должна мне рассказать, чем там Зелёное Стекло и зубастые занимались в последнее время». Нет, так нельзя было поступить. Когда рушится дружба с кем-нибудь, нужно действовать, как Полин Бернадетт в случае с поломанными букетами герани: ставить эту дружбу в цветочный горшок с новой землёй и ждать, пока она прорастет.

Поскольку мне не хотелось быть абы какой коровой, не хотелось зря тратить время в том одиночестве, которое меня ожидало, я погрузилась в размышления о проблемах, существующих в *Баланцатеги*, и поставила задачу самой себе:

– Мо, ты уже немало времени живёшь в этой долине, а еще не знаешь ее всю, – думала я про себя. – Почему бы тебе не изучить окрестности? Отчего бы не поискать тот упавший самолёт, о котором говорила *La Vache*?

Я с немалой радостью увлеклась этими поисками, ведь этим и отличается пустыня по имени Одиночество – поначалу она кажется не жестокой, а приятной, успокаивающей, дающей силы. Пока я ходила вверх-вниз по долине в поисках самолёта, я чувствовала себя как никогда в жизни, я поздравляла себя с тем, что потеряла из вида глупых коров из хлева. Потом, когда в середине той осени я дошла до

каких-то скал и увидела самолёт, идея остаться там и поразмышлять пришлась мне по вкусу. Именно так я и поступила, устроившись около одного из сломанных крыльев и думая о войне и лётчике, который привёл эту железную машину по воздуху, и ещё думая о том, каким же маленьким должен был быть тот лётчик, чтобы поместиться в кабине... На самом деле, о чем только я не думала, я никуда не спешила. Воздух был тёплым, вид, который открывался оттуда – а было видно почти всю долину – был бесподобный. Чего ещё мне не хватало, чтобы жить хорошо? Мне казалось, абсолютно не было ничего такого. Как говорится в поговорке:

Одинокая корова хорошо себя лижет.

К сожалению, это счастье обычно бывает лишь в начале, потому что тут же появляется худший враг тех, кто должен преодолеть пустыню Одиночества – Скука. И это было как раз то, что случилось со мной – как тогда, когда меня застиг снег. Мне наскучивало все время думать. Мне наскучивало все время находиться у самолёта. Мне наскучивало говорить сама с собой. И вот поэтому я стала искать новые развлечения: в какой-то из дней я шла на маленькое лесное кладбище и ложилась на траву рядом с теми тремя крестами: в другой я ждала фургончик Шевроле с мешками фуража и бежала рядом с ним до Баланцатеги, словно это было соревнование.

– Спокойно, чернушка! Спокойно! – кричал мне водитель Шевроле, высовывая голову из окна. – Никто не собирается отбирать у тебя твой корм!

Само собой, дело было не в желании полакомиться кормом, а в стремлении как-то убить время. Потому что той осенью время почти не двигалось, или шло так медленно, что у меня болела голова. Со своей стороны, я продолжила искать себе задания.

– Мо, давно ты не была на старой мельнице, – подумала я однажды, в день, который казался еще более бесконечным, чем остальные дни того времени. – Почему бы тебе не отправиться на разведку? Может быть, тебе удастся выяснить, чем там занимаются Зелёное Стекло и зубастые.

Я не забыла о том, какой испуг те люди заставили меня, новорождённую, испытать, и этот новый план внушал мне опасения. Но в тех обстоятельствах и опасность меня манила: она ускоряла ход времени.

Мои страхи оказались беспочвенными. Зубастые не только меня не узнали, но даже, видимо, и не заметили меня. Один из них расположился напротив главного входа на мельницу, он сидел на белом стуле и читал газету, второй – через новое окно на крыше, которого раньше там не было – смотрел в длинную и толстую подзорную трубу. Зелёного Стекла нигде не было видно.

– Интересно, за чем этот тип наблюдает в трубу? За долиной? За Баланцатеги?

У меня не было ясного ответа на этот вопрос. Я уже довольно долго скучала в той пустыне, и также, как тогда в снегопад, когда я не знала, нападут эти волки или нет, не могла ничего сообразить, какая-то каменная плита мешала мне нормально думать. Мне было бы достаточно вспомнить о всадниках, которые в ночь нашего застолья спустились в Баланцатеги, чтобы, едва увидев бинокль, прийти к ясному умозаключению:

– Зубастые хотят знать, когда они спускаются с гор, поэтому они наблюдают за Баланцатеги и окрестными дорогами. Но им будет трудно заметить их. Эта горная бригада действует под покровом ночи.

Этот вывод я делаю сейчас, когда пишу воспоминания, зная то, что я сегодня знаю. Но в тот день я ничего не поняла, тяжёлая плита скуки раздавила все мои мысли. Я кругом обошла мельницу и, убедившись, что La Vache там не было, вернулась туда, откуда пришла. Оставалось еще где-то пять часов до наступления ночи. В самом деле, какими же длинными были те осенние дни!..

Углубившись в пустыню, все больше и больше чувствуя одиночество и страдая от скуки, я начала испытывать первый упадок духа, и только моя воля, только моя стойкость запрещали мне возвращаться в тёплый хлев Баланцатеги, к его теплу и к его музыке, потому что живя так, как я жила, в отдалении от глупых коров, я упускала возможность слушать пластинки Хеновевы. Из-за того, что я ни на йоту не хотела сдаваться, стремясь стать правильной коровой, я посвятила себя придумыванию новых способов провести время. Среди них был и такой, который я назвала «Игрой в листья».

Развлечение состояло в том, чтобы угадать, когда упадёт определённый листик. Я заходила в лес и, устроившись где-нибудь на мягком местечке, выбирала лист на дереве: очень зелёный, который больше был похож на весенний, чем на осенний. Затем я сосредотачивалась на выбранном листе и принималась следить за ним целый день, или два дня, или три дня, все то время, что было необходимо. И, как правило, листья не сразу падали с ветки на воздух и потом на землю. Обычно бывало, что сначала у них появлялось жёлтое пятно на зелёном фоне, и тут же ещё одно, ещё желтее и больше; чуть позже они становились полностью жёлтыми, но с коричневым пятном. Когда это коричневое пятно разрасталось, появлялось несколько красных крапинок, что было верным знаком того, что лист вот-вот упадёт. И в течение всего этого действия я заключала пари сама с собой, «спорим, сегодня днем покажется ещё

пятно, спорим, завтра рано утром он упадёт». Честно сказать, эта игра меня очень развлекала и заставляла меня забыть о своих проблемах. К тому же, время от времени мне выпадала огромная радость угадать точный миг падения.

Однако это развлечение продлилось недолго. Зима приближалась, и лес с каждым разом все больше и больше опадал. Когда спустя несколько недель уже не виднелось ни одного листика, я попыталась развлечься игрой с ветками. Но это было неинтересно: или не падала ни одна, или – во время грозы – сразу падала целая куча. Я не стала продолжать игру, и плита скуки снова упала на меня.

Однажды, думаю, это было днем, я заметила, что какая-то корова приближается ко мне. Поначалу я её не узнала, но когда она остановилась рядом с деревом, что находилось передо мной, я различила большую голову моей старинной подруги.

– La Vache qui Rit! – крикнула я, не в силах сдержать свою радость.

Я поднялась и пошла ей навстречу. Но это оказалось бесполезным, потому что рядом с деревом никого не было.

– Куда ты делась? – крикнула я. Но вскоре я осознала, что произошло. La Vache qui Rit, которую я увидела, не была реальной коровой, это было результатом наваждения. Подобно тому, как коровы или верблюды Сахары, Гоби и других пустынь видят миражи, и в них то, что очень хотят увидеть, колодец с водой или, там, тенистые пальмы, существа, идущие по пустыне Одиночества, думают, что видят друзей. Так и произошло со мной в тот день: ведь мне нужна была компания и воображение доделало остальное, создав призрак La Vache.

– Дочка, – услышала я внутри себя. Уже очень давно я не

общалась с Занудой. – До сих пор я не хотел тебе ничего говорить, потому что считаю, что в этот важный период своей жизни, который в итоге повлияет на тебя, ты должна бороться самостоятельно и своими собственными силами. Но после стольких испытаний, что ты прошла, и учитывая, что зима уже почти на носу, я хочу тебе предложить провести время по-другому. Я имею в виду учёбу. Почему бы не начать учить названия звёзд и законы, по которым они существуют, дочка? Это знание, которое тебе когда-нибудь очень пригодится, если ты вдруг потеряешься в горах. Посмотри туда вверх, посмотри на эту красную звезду, которая первая загорается. Ты же видишь, ещё очень светло, а она уже есть. Это Венера, которую ещё называют Люцифер.

– Значит, Венера, – произнесла я, поднимая голову к небу в поисках этой звезды.

– Или Люцифер...

– Да, так – Люцифер...

Мне она показалась интересной, эта так называемая Венера, Люцифер или как её там. Я стала её разглядывать.

– Позже, когда уже совсем стемнеет, покажутся остальные. Над этой горой напротив, например, выйдет Андромеда, а рядом с ней Пегас. Что же до скопления Плеяд, они появятся прямо с противоположной стороны. В свою очередь, Орион и Сириус зажгутся прямо здесь, у тебя над головой.

– Значит, Венера, – подумала я про себя. Зануде не удавалось заинтересовать меня другими звездами. Всё мои органы чувств были направлены на наблюдение за Венерой. Я следила за этой красной точкой, станет ли она ещё краснее или же на ней покажется жёлтое пятно, и спорила сама с собой, много или мало времени понадобится,

чтобы она упала. Это была ситуация настолько же смешная, насколько и болезненная. Мне было очень плохо. Одиночество окончательно накрыло меня. Понемногу мои связи с миром теряли свою силу. Скоро я бы перестала есть и пить и осталась бы там навсегда, глядя на эту Венеру или Люцифера, словно статуя.

Меня спас свист Хеновевы. Хозяйка дома звала меня снова и снова, каждый раз все настойчивее, и в конце концов один из её свистов достиг моего ума и пробудил меня: да, это ко мне зывали, это звала именно Хеновева, у которой были пластинки, стояла зима, я находилась в Баланцатеги. Как только я стала спускаться, я услышала голос Сутулого:

– Все здесь! Быстро!

Всё больше и больше приходя в чувство, я тут же вспомнила о нашем пире и обо всем, что произошло в ту ночь: о лошадях, что пришли с гор, о погруженных мешках, о беседе о войне, которую все вели во время ужина.

– Мо! Мо! Да где же эта глупая корова! – кричал Сутулый. Я побежала быстрее и перед хлевом присоединилась к остальным одиннадцати коровам ещё до того, как слуга окончательно рассердился.

Тот зов и пир, который за ним последовал, стали для меня первым оазисом, который я встретила в пустыне: там я отдохнула, там воспряла духом, чтобы продолжать путешествие. Как сказал поэт:

В тени пальм я утоляла жажду,

В тени пальм я утоляла голод

Водой и финиками, дабы набраться сил.

Свои воду и финики я получила, едва приблизившись к Баланцатеги. Сначала, встав рядом с дверью хлева, я услышала перешептывание глупых коров: они называли меня заносчивой и дикой, ставя меня в один ряд с La Vache и обсуждая, до чего я изменилась. Я приняла эти слова как должное, и чуть погодя, когда Сутулый сообщил нам, что и этот пир был для коров чёрной масти, я вошла в стойло как истинная королева.

– Прочь отсюда! – сказала я рыжим коровам, которые мешали спокойно пройти, и все они безропотно меня послушались.

Но это было не только из-за глупых коров, но и потому, что меня обрадовала La Vache. Она подошла к моему стойлу и поприветствовала меня:

– Как живём-поживаем?

– Очень хорошо – ответила я ей.

– Замечательно. Ну, так, посмотрим, что мы сегодня узнаем. У меня есть чувство, что все резко изменится. Здесь ещё прозвучат выстрелы, вот увидишь.

– Потом поговорим, – ответила я. Я решила оставить возможность для общения – мало ли – и тут же прервать наш разговор. И, к тому же, я слишком нервничала, чтобы о чем-то говорить или спрашивать. Я даже не обратила внимания на ее тревожные предсказания.

Как бы там ни было, несмотря на опасения моей подруги, в тот день на пиру ничего особенного не произошло. Он был абсолютно такой же, как прошлый, вплоть до мелочей. Уже была глубокая ночь – с Пегасом, Сириусом, Орионом и всеми остальными звездами, пребывавших на своём месте – когда мы услышали грациозную поступь лошадей и приветствие Сутулого:

– Всё идёт хорошо. Вперёд, не бойтесь!

Затем они нагрузили лошадей, поужинали в гостиной у Хеновевы и снова вернулись в горы. Так как все было то же самое, Зануда не преминул заметить во время этого второго пира:

– Я все ещё не понимаю поведения этих людей из Баланцатеги. Почему они так настойчиво дают вам корм? Вокруг столько вкусной, нежной и питательной травы, и ее на всех хватит! К чему такие траты? Все же мне бы очень хотелось, узнать цену одного такого мешка!

«Интересно, что они там грузят на лошадей? – думала я в свою очередь. – Это были мешки, да, но мешки, полные чего? Может, оружия? Да, как мне сказала La Vache, война в нашей долине не закончилась, это могло быть одной из версий. В любом случае, это должен был быть очень важный груз, одинаково важный и для жителей Баланцатеги, и для Зелёного Стекла. Ведь ясно же, груз с мешками и был причиной того, что зубастые следили за домом из своей подзорной трубы».

– Не думаю, дочка, что в этих мешках оружие, – вмешался Зануда. Видимо, он слушал мои мысли. – Я не слышу, чтобы оно звякало, даже когда какой-то мешок падает с лошади.

– Это верно. Они падают с глухим звуком.

– Когда-нибудь все откроется, дочка. А сейчас тебе лучше поспать. Кажется, этот корм не так уж легко переварить, и лучше, если ты уснешь как можно быстрее. Может быть, позже уже не получится.

Мы узнали о том, что в мешках, намного раньше, чем Зануда и я ожидали, потому что та зима – обычно время очень тихое и скучное – оказалась очень насыщенной. Слово колесо большой повозки, застрявшее в трясине, выехало и стало вращаться. С каждым

поворотом то колесо – Большое Колесо Тайн – стало понемногу отбрасывать на нас кусочки своей глины, глины правды, которая, в конце концов, обретёт форму того, что на самом деле происходило в нашей долине.

Во-первых, участились приезды фургончика Шевроле, а также, как следствие, наши пиры в хлеве. Я говорю – наши, и это правильно, потому что почти всю ту зиму пиры – к отчаянию рыжих коров – были для нас, чёрных. Во время этих пиров общение между La Vache и мной стало обычным делом. Снаружи мы не разговаривали, не общались, потому что она предпочитала, как это требовало ее сердце кабана, гулять в полном одиночестве, но достаточно было свисту Хеновевы привести нас обеих в Баланцатеги, чтобы мы принимались болтать.

– Как всегда, – поздоровалась со мной La Vache на одном из последних зимних пиров. – Как только с мельницы все уходят, так Хеновева нас зовёт.

– И сейчас, когда за ними никто не наблюдает, отряд спустится с гор. Что они ищут, для чего спускаются, вот что я бы хотела знать. Или почему дают нам фураж при том, что здесь столько травы, – поделилась я с ней. Я не могла забыть то, что говорил Зануда.

– Если бы нам удалось ответить на эти вопросы, тайны Баланцатеги закончились бы, – ответила она. – Но сейчас все, молчим, – продолжила она, заметив, что мы почти вошли в хлев. – Нам нужно остерегаться этих дур. Узнай они о том, что здесь происходит, страшный шум бы подняли. Ты ведь знаешь, нет в этом мире существа глупее, чем глупая корова.

Я посмотрела на La Vache и увидела необычный блеск её глаз. Она была гордой коровой с сердцем кабана. И, к тому же, она снова

становилась моей подругой. Я преодолела, почти не осознав этого, последнюю часть пути, достигла другого берега.

La Vache пошла в свое стойло, а я в свое, чтобы дождаться, когда в этот зимний день окончательно стемнеет. Тогда люди с гор придут нагружать лошадей этими мешками неизвестно с чем. Может быть, мы сможем услышать или увидеть нечто, что поможет разгадать нам тайну.

К счастью, вот что случилось. Колесо Тайны уже крутилось в глине, и одна из её частичек уже падала в мою сторону вместе с частью правды. Всё случилось до того, как отряд спустился к дому, когда одна из наших коров – чёрная, которая была достаточно несчастной – подошла ко мне и попросила у меня немного корма.

– Сейчас дам, – ответила я ей. – Но что с тобой? Как ты так быстро съела свою порцию?

– Я не съела свою порцию, Мо, – сказала она с болью. – Дело в том, что мне совершенно не нравится корм, который мне сегодня положили в кормушку. Это какие-то белые зерна, очень твёрдые, они застревают у меня под языком, когда я пытаюсь их проглотить.

– Да? Ну-ка, покажи мне их!

Я пошла к её кормушке и глянула туда. Там был белый корм, но из тех, что едят люди, не коровы. Этот корм был рисом.

– Можно я поем немного твоего корма, Мо? – спросила у меня несчастная.

– Ешь все, что хочешь, – ответила я ей, едва сдерживая радость. Я была уверена, что только что сделала важное открытие. Почему же это было очень важно – вот это мне в голову тогда не приходило.

Я решила обратиться к Зануде. Мне было известно его мнение о

том, что я должна сама всему учиться и все такое, и ещё не могла забыть, как беспечно повела себя во время того снегопада, когда пришли волки, но тут был особый случай. La Vache и я снова были подругами, и мне хотелось поделиться с ней чем-нибудь. Например, тем, что означало это открытие.

– Дочка, – услышала я тогда, и тут же поняла, что он собирается уступить моим желаниям, – рис был в кормушке этой славной коровы, потому что кто-то ошибся, только из-за этого. Этот кто-то, Сутулый или сама Хеновева, не заметил ошибки.

– А откуда взялся этот мешок риса? Зачем нужно столько риса в Баланцатеги? Для них?

– Не думаю. Вспомни, что Сутулый почти всегда уезжает обедать в посёлок. По моему мнению, и ты, учитывая, что произошло, наверняка со мной согласишься, рис увозят эти мужчины, которые спускаются с гор. Потому эти мешки производили такой глухой звук при падении, что были наполнены рисом или другим похожим продуктом. Но я умолкаю, не думаю, что должен тебе и дальше объяснять. Ты уже не маленькая и должна начинать мыслить логично. Разве ты не понимаешь, что происходит? Я считаю, что это не такое уж запутанное дело.

Я задержалась в том углу хлева; я была очень спокойна и старалась разглядеть что-нибудь в белизне риса, лежавшего в кормушке. Почти тут же, как будто во сне, я увидела фургончик Шевроле, нагруженный мешками, который ехал по дороге долины по направлению к нашему дому.

– Рис, который потом увозят в горы, привозят в фургончике, – начала я рассуждать, очень медленно, но очень логично. – Кроме того, его привозят скрытно, кладя сверху мешки с нашим фуражом.

Если бы они так не делали, враги Баланцатеги...

Я остановилась на секунду, чтобы вздохнуть. Мыслить логично было очень утомительно.

– Продолжай, дочка, ведь у тебя неплохо получается, – подбодрил меня Зануда.

– Враги Баланцатеги... Зелёное Стекло и оба зубастых! Из-за них они действуют тайком, когда привозят рис. В противном случае...

– Жестоко накажут всех, – помог мне Зануда.

– В определённый день, – продолжила я рассуждать, уставая все сильнее и сильнее, – горный отряд решает спуститься за мешками с рисом. Тогда именно нас зовут на пир, потому что, само собой, кто-то же должен съесть эти мешки с фуражом, которые служили прикрытием.

– Очень хорошо обдуманно, дочка, – вмешался Зануда. – К этому выводу пришёл и я. Как тебе известно, меня очень удивляли излишние траты Хеновевы. Зачем покупать фураж, когда вокруг столько всякой травы?.. Хеновева не похожа на плохого управляющего. И, естественно, это не так. Траты на фураж более чем оправданны. Ведь именно благодаря этим мешкам все и получается!

– Значит, этот дом... – заговорила я снова, отрывая взгляд от белоснежного риса и глядя туда, где стояла La Vache. Мне казалось, что мой лоб горит, что я больше не могу мыслить логично. Но Зануда, кажется, не собирался договаривать начатое, и я стала додумывать. Или, вернее, продолжать собирать частички, что попадали на меня от Колеса Правды: о том, что в долине была война, что расстреляли мужа Хеновевы, что война полностью не закончилась, что Зелёное Стекло заставлял зубастых следить за нашим домом, что лошади с гор всегда приходили по ночам... В конце концов, я собрала все

брызги и слепила маленькую фигурку из глины, одну фразу, одну истину:

– Баланцатеги – это база армии, которая до сих пор не сдалась!

Я не могла продолжать. Логичные рассуждения очень утомили меня, и я провалилась в сон рядом с кормушкой с рисом.

Спустя пять или шесть часов я открыла глаза и увидела рядом с собой La Vache.

– Ты видела, что здесь? – спросила я её.

– Да, я уже знаю, что это рис. Но не будем спешить. Ты нашла то место, где упал самолёт?

– Да, я его знаю.

– Тогда там завтра в полдень. Поговорим обо всем этом. А сейчас снова спать, – сказала она.

Я все ещё была утомлена, и мне не трудно было послушаться её совета. Как говорится в пословице:

Корова, которая пытается размышлять,

Не перестаёт потом спать.

6. Наш долгий разговор с La Vache. Зануда рассказывает мне об Альфе и Омеге. Начинает вращаться Великое колесо Тайн. В Баланцатеги происходят важные события.

Со скал, где находился упавший самолёт, открывался прекрасный вид на долину Баланцатеги и заснеженные горы вокруг.

– Что хорошо в это время года, – сказала я La Vache, – так это

то, что леса стоят опавшие, и лучше видно, что представляет собой мир, в котором мы живём.

– И что оно показывает, какая корова глупа, а какая нет, – сказала она. – Вот сейчас глупые коровы из Баланцатеги стоят в хлеву и пережевывают то, что они ели вчера, не имея сил выйти на холодный воздух. А ведь он так хорош! Я всегда это говорила и всегда буду говорить: в этом мире нет никого глупее, чем глупая корова!

Мы обе расположились на замерзшем мхе, она по одну сторону от самолёта, я по другую, и спокойно болтали у обломков ржавого металла. Нам не хотелось напрямую говорить на тему, которая привела нас туда. У нас еще было много времени, чтобы обсудить этот обнаруженный рис.

– Как-то раз мне досталось в этих снегах, – сказала я ей, углубляясь в воспоминания. – Я щипала эту мелкую горную травку, и прежде, чем я успела что-то понять, за мной уже увязалась стая волков. Очень неприятное открытие, надо сказать.

– Волки? И скольких ты подняла на свои рога? – оживилась La Vache, изменившись в лице и вскинув свою большую голову. Её устами говорил ее дикий внутренний голос.

– Мне не удалось поднять ни одного. Хотя тот, кто, видимо, был главным в стае, остался без зубов. Я его хорошенько пнула в самую пасть.

– Прекрасно! Отличная работа! – обрадовалась La Vache, ещё больше выпрямляясь.

– Понятно, что и он унёс свой трофей. Он укусил меня за хвост.

– Ну и что с того!

La Vache пристально смотрела на заснеженные склоны гор. Она проверяла, ходят ли там все ещё волки.

– Как жаль, что меня не было рядом с тобой в тот день! – вздохнула она потом. – Как бы я хотела сразиться с волками! Где ты, говоришь, их видела?

– На этом длинном склоне, что находится над Баланцатеги, где та чёрная скала.

Она стала рассматривать скалу, и озноб пробежал по её телу. Время от времени, словно во сне, она шептала слова, которые в тот момент диктовал ей внутренний голос, который, разумеется, звал её в бой: «Бей! Бей снова! Проткни его рогом насквозь!»

– Я бы их всех подняла на рога! – вздохнула она в конце концов, перед тем, как прийти в себя и успокоиться.

– Я тебе верю, La Vache, – согласилась я с ней.

– С одной стороны, как обидно быть коровой! – продолжила она, повернув ко мне голову. – Если бы мы были кабанами или орлами, нам пришлось бы сражаться за еду, но зато мы бы жили вольно. Все горы наши, и все дороги тоже. Никакого хлева! Никакого корма! Вечно свободные, сегодня здесь, а завтра там!

– Послушай-ка, дочка, – услышала я внутри себя. – Несомненно, твоя подруга – корова умная, с сильным характером, но наряду с этими достоинствами у неё есть и серьёзный недостаток – незрелость. Как это только кабаны располагают свободой? Что это за глупые разговоры о том, что орлы делают, что хотят, а вы, коровы, нет? А где вы сейчас? Разве вы не там, где вам на самом деле и хотелось быть? Разве вы не можете оставаться здесь столько, сколько вам захочется? В общем, так: ты и в самом деле считаешь, что горные звери свободнее, чем вы? Давай серьёзно, дочка: я думаю,

что нет. Ничего не имею против кабана или орла, они оба благородные и независимые животные, но, честно говоря, они чуть отстали. Я бы сказал, что в этом движении от Альфы к Омеге, что мы все, живые существа, проходим, они остались совсем как Альфа. У них нет хлева или другого места, чтобы отдохнуть. И также у них нет режима питания, ведь они зависят от охоты. А вот у вас, коров, есть все. С одной стороны, ваша свобода, а с другой – ваши убежища и эта регулярность питания, столь необходимая для здоровья. Говоря простым языком: корова явно относится к Омеге, а не к Альфе. Дочка, постарайся понять правильно: мы, коровы – это нечто грандиозное.

– Что тебе говорит твой внутренний голос? – спросила у меня La Vache.

– Что мы, коровы – Омега, в то время как кабаны и орлы остались ещё на уровне Альфа.

– Да ну, теории! – воскликнула La Vache. И с рассудительностью, которой я до этих пор за ней не замечала, продолжила так: – Твой внутренний голос много философствует, но жизненного опыта у него нет. Разве кабану важно, что он Альфа? Кабан знает основное, а именно: что мир огромен и что он может отправиться в любой уголок этого мира: на север, на юг, на восток или на запад. Как раз эта возможность выбирать и даёт ему радость, радость, которую рабыни вроде нас никогда не познают. Может быть, кабан и совершенный Альфа, но я считаю, он стоит выше коровы.

Без сомнения, это её дикий внутренний голос произносил эти слова. Зануда начал нервничать:

– Слушай, дочка, не перечь ей, – сказал он мне. – Не стоит с ней спорить. Что может знать твоя подруга о жизни кабанов? Ровным

счётом ничего. И, однако же, оскорбляет коров от их имени. Не знаю, я не могу этого понять, возможно, сейчас она переживает сложный период в жизни. В любом случае, вы уже долго лежите возле этих обломков самолёта, а ещё и не коснулись нужной темы. Я покуда не услышал от вас ни слова по поводу происходящего в Баланцатеги.

Зануда был прав, произнося эти последние слова. Мне тоже уже хотелось обсудить произошедшее в Баланцатеги, и это потому, что, благодаря бледному солнцу, только что взошедшему тем зимним днем, я видела мельничную подзорную трубу; или, лучше сказать, я видела отблеск, который время от времени отбрасывало стекло трубы. Когда зубастые поворачивали её и она оказывалась супротив солнца, на мельнице словно что-то сверкало.

– Посмотри-ка на близнецов, – сказала я La Vache.

– Да, они на посту. Вечно вынюхивают, не покажется ли кто в окрестностях Баланцатеги.

– Как думаешь, что же здесь происходит? – спросила я у неё, прямо заговорив на эту тему.

– Я же тебе уже говорила. Ещё не закончилась война, которая началась в тридцать шестом. По крайней мере, в нашей долине. Те, что приходят с гор, не хотят сдаваться, и продолжают воевать против Генерала. Очень опасное поведение, вне всяких сомнений.

– Так Зелёное Стекло – Генерал? – спросила я наивно.

Хотя я все умнела и умнела, но все ещё была несведущей в делах войны. Эту историю я узнала позже, когда пересекла границу и познакомилась с Полин Бернадетт. Ведь маленькая монахиня, в той другой европейской войне, которая шла во Франции, Англии, Германии и других местах, работала на маки : то есть, на отряды сопротивления, которые не хотели сдаваться. Помню, как-то раз

пришёл к ней один священник по имени Пэр Ларсабаль:

– Возьми эти бумаги, маленькая Полин, – сказал он ей, протягивая ей свёрток. – Как договаривались, сегодня днем ты берёшь свою черную корову и идёшь в сторону Альцюрюкю по горной дороге. Люди из сопротивления узнают тебя и выйдут навстречу тогда, когда сочтут нужным.

Матушка-настоятельница монастыря, которая была рядом, нахмурилась:

– Я боюсь, Пэр Ларсабаль! C'est un grand péril pour Soeur Pauline Bernadett¹⁸⁹! На всех дорогах стоят военные посты. Если солдаты её обыщут, они задержат нашу маленькую Полин.

– Успокойтесь, матушка, – ответил ей Пэр Ларсабаль. – Посмотрите на лицо Полин. И посмотрите на морду коровы. Если будут кого-то обыскивать, то солдаты обыщут корову.

– Но я не хочу, чтобы навредили Мо! – вмешалась маленькая монахиня.

– Не беспокойся, Полин, – сказал ей Пэр Ларсабаль. – Вы составляете прекрасную пару, и совершенно ничего страшного не произойдёт.

Всё прошло так, как сказал священник. Меня, конечно, немного обыскали, но маленькую монахиню совсем не проверяли, даже и не посмотрели в ее сторону. И, не доходя до Альцюрюкю, она передала бумаги в руки тех, кому они предназначались.

Но, как я уже сказала, этот опыт у меня был уже после всего того, что случилось в Баланцатеги. Поэтому я и задала La Vache тот простодушный вопрос о том, был ли Зелёное Стекло Генералом.

¹⁸⁹ это большой риск для сестры Полин Бернадетт!

– Нет! Ты что! – ответила мне тогда La Vache. – Зелёное Стекло, то есть Нож, это наёмный убийца, которого Генерал послал сюда, чтобы поймать партизан, которые действуют вокруг Баланцатеги. Но он больше никто, просто наёмник.

– Думаешь, Хеновева и Сутулый в этом сильно замешаны?

– Конечно, я так думаю. Они тоже воюют, – заверила меня La Vache, говоря медленно и взвешивая каждое слово. – В Баланцатеги мы, коровы, настоящие, и трава – настоящая. Но что до всего остального, то это совсем не то, что кажется. Начать с того, что это не сельскохозяйственные угодья или фермерский дом. Ты же видела, что они не держат собаку у дверей и что мы, коровы, не занимаемся ничем. И к тому же, заметь, они не держат ни кур, ни овец, ни других домашних животных. И даже не умеют косить, что самое удивительное. Ни Сутулый, ни Хеновева не умеют косить.

– Истинная правда, – согласилась я.

– А вдобавок то, что мы узнали вчера, – продолжила La Vache. – Что фургончик приезжает не доставить корм для наших пиров, а доставить рис для горцев. Вот для чего служит Баланцатеги, для них оно что-то вроде склада. Без Баланцатеги они умерли бы от голода, и тогда закончилась бы война и вообще все.

– И правда удивительно! – воскликнула я. Не из-за того, что рассказывала мне La Vache, я и сама для себя вывела эту мысль, а из-за того, насколько нетрудно было La Vache думать последовательно. По ней нельзя было сказать, что она устала или собирается заснуть.

– А я вот задаю себе такой вопрос, – вдруг подпрыгнула она; сознание её было ясное, как никогда: – Почему их не поймают? Почему Нож, или Зелёное Стекло, или как его там, не задержит людей из Баланцатеги?

– Повстанцев, которые спускаются в Баланцатеги, ты, наверное, хотела сказать. Ведь если отправить в тюрьму Хеновеву или Сутулого – это ничего не даст. Их цель – горцы, – заметила я.

– Да, конечно, – согласилась она. – Во всяком случае, вопрос остаётся тот же: почему они их не поймают? Вон там эти большезубые близнецы со своей трубой, день деньской выслеживают, сторожа малейшее движение в долине... и все же, приходит ночь, спускаются горцы на своих лошадях, нагружают их, ужинают в гостиной, уезжают со своими мешками с рисом, а эти наёмники и не в курсе.

– Горцы знают какую-то хитрость, – предположила я как можно более логично.

– Да, это понятно. Но какую именно?

– Кто-то знает.

– Как бы ни было, – продолжала La Vache, становясь серьёзной, – скоро случится что-то важное. Я тебе уже как-то говорила, мы ещё услышим выстрелы в этой долине. Нож в последнее время очень раздражен. Всякий раз, когда он приходит на мельницу, он кричит на зубастых.

– Ты понимаешь, что он им говорит?

– После стольких часов наблюдения за мельницей я его понимаю достаточно хорошо. На прошлой неделе, например, он говорил о диверсии. Видимо, горцы повредили железную дорогу.

– Железную дорогу? – удивилась я. Тогда я мало знала о диверсиях.

– Её самую. Они подложили бомбу и взорвали дорогу. Вот так продолжают войну жители гор.

Мы обе немного помолчали, глядя на ржавые останки самолёта.

– Почему их не поймают, вот что я хотела бы узнать, – задумчиво вздохнула La Vache. Я кивнула, мне это тоже было любопытно.

Однако в тот момент мы никак не могли этого понять, даже и с помощью логики. Необходимо было дождаться, чтобы Великое Колесо Тайн начало вращаться и выпускать частички глины правды. В тот день, когда у нас в распоряжении будет достаточно глины, мы узнаем всю правду.

– Послушай-ка, дочка, – услышала я, когда мы с La Vache уже закончили наш разговор. Зануда хотел поделиться со мной мнением. – Тайна Баланцатеги не может быть такой непонятной, какой кажется. Возможно, твоя подруга, со своей кабаньей натурой, и не может прийти к логичному выводу, но ты-то можешь. Ты корова до мозга костей, корова, которая все дальше и дальше отходит от Альфы и вот-вот достигнет Омеги, и нет никаких сомнений, что ты раскроешь тайну. Наберись терпения, пусть Великое Колесо Тайн совершит три оборота, и затем принимайся думать как можно более логично. И, главное, не падай духом! Ну-ка, выше коровью голову!

Конечно, Зануда досадовал на La Vache, но, если не учитывать раздражение, его мнение, как и всегда, было обоснованным. Впоследствии все случилось именно так, как он говорил. Великое Колесо Тайн совершило три оборота, и тогда, с помощью логики, я сделала вывод.

Колесо совершило свой первый оборот весной, когда все деревья уже оделись зелёной листвой. Мы услышали свист Хеновевы, она звала к пиру, и все коровы – La Vache, я и остальные десять – собрались перед хлевом. Вопреки распорядку, обычному в

то время, в тот пир день предполагался для рыжих коров, а не для нас, чёрных. Сутулый стал хлестать нас тростиной, говоря, чтобы мы отошли от дома.

– Прочь отсюда! Идите в загон!

Мы с La Vache переглянулись. Мы должны были остаться снаружи, и, возможно, нам бы удалось увидеть, как спускается горный отряд верхом на своих лошадях.

Другие чёрные коровы, которые по своей глупости ничего не понимали, все равно пытались зайти в хлев, и Сутулому с Хеновевой стоило немалых усилий загнать нас в каменный загон. Но в итоге нас там собралось семеро. И ещё там были спрятанные в траве все те насекомые, маленькие и большие, что появились после прихода весны: комары, осы, пчелы, червяки, муравьи, улитки, гусеницы, пауки, слизняки, божьи коровки, мухи, слепни, светлячки и остальные, все совершенные Альфа. А ещё там, конечно же, были те цветы, что всегда появляются первыми – такие жёлтые, хилые и такие Альфа. Так как у меня ещё весь день был впереди, я решила придавить немалое количество букашек и цветов, иначе говоря, прилечь.

– Интересно, сколько это цветов я раздавила, – задала я себе вопрос спустя какое-то время, снова вставая. Всего получилось шестьдесят два, на девять больше, чем я предполагала, заключив пари сама с собой. Не хорошо и не плохо. Обычный результат.

Вместе с тем, мои пари в тот день не имели того значения, которое я им придавала раньше. В этот раз не шла речь о борьбе со скукой, а нужно было преодолеть моё тогдашнее нервное состояние. Что это могли быть за повстанцы, которые продолжали борьбу и не сдавались Генералу? К этому вопросу сводились все мои беспокойные мысли.

Ночь наступила, когда я уже растоптала около семисот цветков, и вдруг, словно бы все птицы, все листья, все собаки и другие ждали этого момента, чтобы замолчать, долина Баланцатеги погрузилась в тишину. Даже из дома не было слышно ни звука. Наверное, единственным исключением была речушка, которая продолжала бежать, заставляя катиться камушки по своему руслу, но её журчание было так похоже на тишину, что её не нарушало.

Мы же, La Vache и я, затаили дыхание, устремив взгляд на дорогу, что вела вниз с горы. Иногда тишина становилась более глубокой, словно растущая яма.

– Карраль! – услышали мы вдруг.

Мы с La Vache одновременно повернули головы. Совсем рядом, с противоположной стороны ограды, Зелёное Стекло вскидывал свою кожаную трость, и три охранника, вооружённые винтовками, отошли от него и лёжа заняли позицию рядом с домом.

– Карраль! Карраль!

Продолжая распределяться по трое, около тридцати охранников расположились вокруг дома. Их винтовки были направлены в сторону горной дороги.

– Засада! – сказала мне вполголоса La Vache. – Они собираются схватить людей с гор. Я же тебе говорила, что мы ещё услышим выстрелы в Баланцатеги.

– Не сегодня! Не сегодня, нет! – вырвалось у меня. Это было не логичным рассуждением, а предчувствием. La Vache удивлённо посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Не знаю, сколько мы так прождали, мы на своей стороне, Зелёное Стекло с другой. Немало, прошла добрая часть ночи. Но с гор

никто не спустился, и в доме никто не зажёл свет.

– Карраль. Карраль, карраль, – произнёс, наконец, Зелёное Стекло, обращаясь к толстому охраннику, что стоял рядом с ним.

– Что он говорит? – спросила я у La Vache.

– Что не понимает. Он удивлён, что горцы не появились. То же и со мной. Я также удивлена.

– Карраль! – крикнул Зелёное Стекло.

– Карраль! – ещё громче повторил толстый охранник.

Через некоторое время все тридцать гвардейцев, что окружали дом, спускались по склону к речке. Они шли к дороге, которая пересекала долину и вела к посёлка.

– Ты была права, – сказала мне La Vache, когда ушли Зелёное Стекло и толстый охранник. Ночь была все такая же тёмная и почти такая же тихая. К шепоту речки добавлялся теперь шорох от тридцати пар ботинок, шаги все удалялись. Но и этот шорох очень походил на тишину и не мешал.

Так закончилась та ночь, как завершился и первый оборот Колеса Тайн. Как Зануда меня и попросил, я решила дожидаться остальных двух оборотов, и дожидаться не бездельничая, а тренируясь в нелёгком деле логичного размышления.

Но Колесо Тайн было не единственным колесом, что умело вращаться, колесо Времени тоже двигалось вперёд. Весеннее солнце припекало все жарче, и тепло пробуждало жизнь: где раньше можно было увидеть одну муху, одного червяка и одну улитку, теперь можно было увидеть и раздавить сто мух, сто червяков и сто улиток. И даже речка преобразилась: она несла очень много воды, бурлила на спусках, омывая камни, до этого много месяцев стоявшие сухими. А

в горах, само собой, оставалось все меньше снега; в конце концов, с апрельскими дождями он исчез совсем.

В один из таких дождливых апрельских дней мы с La Vache снова услышали свист Хеновевы. Колесо Тайн начинало свой второй оборот.

– Кажется, сегодня пир будет для нас, – сказала я La Vache, когда все мы, коровы, собрались перед хлевом. К тому времени Сутулый уже стал сгонять рыжих к каменному загону.

– Посмотрим, узнаем ли мы сегодня что-нибудь, – ответила она мне, заходя в хлев, который, и в самом деле, был открыт для нас.

В ту ночь гости пробыли недолго. Шестеро или семеро мужчин, пришедших с гор, затратили необычайно мало времени на погрузку лошадей, а после, против обыкновения, не остались ужинать. Во время прощания Сутулый очень серьезно с ними заговорил:

– Теперь нам будет трудно. Как знать, найдём ли мы способ послать ещё один груз. За нами следит этот дон Отто.

«Значит, настоящее имя Зелёного Стекла, или Ножа – дон Отто»
- подумала я про себя.

– Насколько они в курсе того, что здесь происходит? – спросил кто-то из отряда.

– Они, конечно, знают, что вы сюда спускаетесь, но не знают, как вам удаётся от них ускользнуть и для чего вы спускаетесь. Они считают, дело в оружии или документах. Как-то они остановили Шевроле и обыскали его весь, но не додумались заглянуть внутрь мешков. Это хорошая идея с кормом для коров. Они этому верят.

– Так, значит, они раздражены? – сказал другой член отряда.

– Как минимум, этот дон Отто – да. Его выводит из себя, что мы

всегда обходим его посты. Но он не может понять систему, с помощью которой мы с вами сообщаемся. Он считает, что мы вас предупреждаем по радио. Но я же говорю – это не может долго продолжаться. За нами неотступно следят. Вы же знаете, они даже установили подзорную трубу на мельничной крыше.

– Эти негодяи с мельницы! Два гадких брата! – воскликнул еще один из отряда, уже третий по счету.

– Когда-нибудь мы поквитаемся с ними, но сейчас не время. Сейчас важно доставить пропитание батальону – ответил им Сутулый, говоря, словно отец.

Мужчины замолчали, и их молчание позволило почувствовать другую тишину, Великую Всеобщую Тишину ночи. Казалось, все спали в долине: букашки в траве, форель в реке, лисы, кабаны и волки в горах. Естественно, филин не спал, глядя на Баланцатеги с какой-нибудь ветки, но он был птицей сдержанной и никому не собирался рассказывать обо всем, что видел в часы ночных бдений.

Я вдруг заметила, среди всей этой тишины, как бурлит вода в речке. Но не только эти воды стремительно катились: Колесо Времени тоже набирало скорость, как и Колесо Тайн.

– Когда нам забирать последний груз? – сказал тот, кто походил на начальника отряда.

– Как можно быстрее, на этой же неделе, – ответил ему Сутулый.
– Я слушал, что говорят в посёлке, и узнал, что все фашисты собираются уехать куда-то. Видимо, они что-то отмечают в Бургосе. Как бы там ни было, будьте внимательны и ждите знака. Но, как я сказал, это должно быть как можно скорее.

– Ладно. Мы будем внимательны, – пообещал главный в отряде тоном, которым прощаются. Нетерпеливые лошади иногда

фыркали. Нетерпеливые, но, как и всегда, элегантно шагающие.

– Мне больно при мысли, что эти посылки заканчиваются. Но что ж тут поделаешь! – вздохнул Сутулый.

– Не волнуйся, Усандисага, – сказал начальник отряда.

«Сутулого зовут Усандисага» – подумала я.

– Батальон прекрасно питался весь этот год, и все благодаря тебе. Все так и говорят, что интендантство работало лучше, чем когда мы были на фронте. К тому же, не думаю, что мы ещё долго пробудем в горах. Ходит слух, что мы уйдём во Францию.

– Мы сделали все, что могли. В общем, до скорого. Посмотрим, удастся ли нам на этой неделе отправить последний груз.

– Дайте знак, и мы появимся, Усандисага, – сказал командир отряда уже по дороге вверх.

Я посмотрела на La Vache из своего стойла: Ты слышала это? Вся эта неразбериха в Баланцатеги должна была вот-вот закончиться, война действительно подходила к концу. И что это мог быть за знак, о котором упоминали и Усандисага, и командир отряда? Вот где была разгадка. Поэтому их и не могли поймать, что у них были какие-то знаки, какая-то система, которая позволяла сообщать, была опасность или нет. Но что это была за система?

Нам нужно было постараться, чтобы думать логично и быть внимательными: Великое Колесо Тайн приходило в движение, в третий раз начинало свое вращение. Этот оборот и должен был нам показать страшную реальность, которую предсказывала La Vache. И в самом деле, послышатся выстрелы в Баланцатеги, и этот мужчина, которого мы называли Сутулым – на самом деле по имени Усандисага – лишится жизни. Что касается Хеновевы, то её посадят

в тюрьму. А мы, коровы – по крайней мере, достаточно умные коровы – пойдем, наконец, какое место занимаем в этом мире.

Через три дня после того разговора между Усандисагой и командиром отряда – это был ещё один пасмурный апрельский день – Хеновева снова позвала нас одним из своих особенных свистов. Желание доставить последний груз заставило действовать поспешно в этих обстоятельствах. Нужно было выполнить работу как можно быстрее, пока Зелёное Стекло и остальные наёмники были на праздновании в Бургосе.

Ещё один раз нас, чёрных коров, собрали в хлеву. Но в этот раз, казалось, даже дурочки не слишком обращали внимание на корм, который нам положили в кормушки. Что-то необычное витало в воздухе. Особенно я напрягла слух и зрение: я видела густой туман, что виднелся по ту сторону маленького окна, слышала пластинку со звуками пианино, которую Хеновева поставила в гостиной, и ещё капель маленькой струйки воды, текущей с нашей крыши.

С течением дня звучание пластинки и струи смешались, пока в конце концов не стало казаться, что они – две ипостаси одного звука. По ту сторону маленького окна темнел туман. Через пару часов ночь спустилась бы в долину Баланцатеги.

Но едва пошли эти часы, как чьи-то быстрые шаги вверх по лестнице нарушили безжизненную атмосферу дома. Пластинка, которая крутилась в гостиной, внезапно остановилась. Хеновева и Сутулуй, которого звали Усандисага, очень взволнованные, недолго поговорили и бегом спустились к хлеву.

– Прочь отсюда, чёрные! Прочь! – кричал нам Усандисага, пока Хеновева открывала дверь. Оба действовали ловко, особенно Усандисага. Я посмотрела на этого мужчину сверху вниз: он шёл от

одной коровы к другой, весь выпрямившись, и быстро орудовал палкой. Если присмотреться, он даже и не был очень старым. Было понятно, что до сих пор он делал вид, что сутул и немощен от старости.

Пока Усандисага подталкивал нас, чёрных, к каменному загону, Хеновева вела рыжих к стойлу. Вскоре обмен был сделан: рыжие в хлеву, а мы снаружи. На дворе стоял еще день, и Усандисага порадовался этому:

– Пока ещё светло. Думаю, мы можем быть спокойны, – сказал он Хеновеве. Оба задыхались от только что сделанных усилий.

– Сейчас точно явится Зелёное Стекло, – шепнула я La Vache.

Он появился, когда уже совсем стемнело, тщательно закутанный в плащ, размахивая своей отделанной кожей тростью. Так же, как и в прошлый раз, он приказал своим тридцати охранникам занять позиции вокруг дома и сторожить горную дорогу. Через какие-то минуты все были на своих местах.

– Карраль, карраль – сказал Зелёное Стекло толстому солдату, который встал рядом с ним. Мне показалось, я почувствовала, что он был в неплохом расположении духа, судя по тому, как он произносил эти слова. По-видимому, он самодовольно надеялся на удачу.

Охранник ограничился кивком головы в знак согласия, и долина снова погрузилась в тишину: только маленькая струйка, что текла с крыши Баланцатеги, казалась ещё живой. Она все текла и текла. Она текла, а ночь все сгущалась. Текла вода и текло время. Время все текло и текло, ночь все больше вступала в свои права. Пасмурная весенняя ночь, которая увлажняла крыши и оставляла капли в водосточных трубах. Эти капли потом останавливались, а затем превращались в маленькую струйку, и её звучание было

единственным звуком, что можно было услышать во всей долине.

Зелёное Стекло не двигался со своего места, казалось, что он спит стоя. Но нет, он бдил, время от времени поднимая кожаную трость и слегка постукивая о камень рядом. Но по горной дороге никто не спускался. Ни малейшего намёка на шаги. Только звук маленькой струйки, что текла с крыши, которая всё текла и текла, как само время, не прерываясь на отдых. В конце концов, Зелёное Стекло потерял терпение:

– Карраль! Карраль, карраль! – крикнул он, в то время как его палка ужасно стучала по камню. Так как я немного задремала, его внезапный крик меня испугал.

– Что он сказал? – спросила я у La Vache, следя глазами за тенью Зелёного Стекла. Наёмник шёл к дому.

– Что у них обязательно должно быть радио, – объяснила мне La Vache, скорчив мину. Она не видела никакого смысла в словах Зелёного Стекла.

– Зелёное Стекло хотел устроить ловушку Усандисаге, – объяснила я ей в свою очередь. Я уже довольно давно рассуждала логично, и начинала кое-что понимать. – Он распространил в посёлке новость о том, что едет в Бургос и все такое, и поначалу Усандисага ему поверил. Но в последний момент он раскусил обман и предупредил горцев, чтобы они не приходили. То, чего не понимает Зелёное Стекло – так это то, как он это делает, какой системой пользуются в Баланцатеги, чтобы общаться. Поэтому они думают, что у них радио.

– А оно у них есть? – спросила La Vache.

– Думаю, что нет.

Я угадала. Охранники включили весь свет в Баланцатеги, чтобы обыскать каждый уголок дома, и потом использовали фонари, чтобы сделать то же самое и в лесу. Всё было бесполезно: в углах дома они нашли только пыль, а в лесных закоулках – лишь муравьев да пауков. Зелёное Стекло все больше и больше гневался.

– Карраль! – кричал он на Хеновеву и Усандисагу, сидящих теперь на своей скамейке на крыльце дома. Усандисага снова обрёл свой былой облик: в свете лампочки, находившейся над дверью, он казался очень старым, по-настоящему сутулым. Хеновева же оставалась безучастной, неподвижной и смотрела в темноту долины. Что чувствовала она в своём сердце, которое было словно один из наших колокольчиков? Я не знаю наверняка, но был момент, когда он зазвучал тревожно: когда охранники пошли к маленькому кладбищу и принялись искать среди крестов.

Через несколько часов после рассвета все тридцать гвардейцев собрались перед домом. Они казались уставшими и голодными, ожидая отмены приказа. Но Зелёное Стекло, дон Отто, не сдавался. Бледнее обычного, он поднимался и спускался по дороге, ведущей в горы. Он размышлял со всей возможной логикой. Как и я, которая тоже рассуждала со всей возможной логикой.

Внезапно в это серое апрельское утро взгляд Зелёного Стекла и мой пересеклись, и его кожаная палка перестала двигаться, замерев в воздухе. Я поняла, и он тоже понял. Мы оба поняли одновременно: из-за чего не могли схватить горцев, как передавали информацию из Баланцатеги.

– Карраль! – воскликнул Зелёное Стекло, кривя рот в улыбке. Его трость разрежала воздух, как шпага.

– Он имел в виду нас? – спросила я La Vache.

- Так и есть. Он на нас посмотрел и сказал: «Коровы!»
- Значит, всему конец. И горцы, и люди из Баланцатеги пропали.
- Я же тебе говорила, что произойдёт что-то серьёзное. Хотя я признаю, что не осознавала, что происходило. Я явно глупею. Это большое несчастье, потому что, как я всегда говорю, нет никого глупее в этом мире, чем глупая корова!

Я успокоила свою подругу. В конечном счёте, она показывала достаточную сообразительность, признавая свое непонимание. Это совсем неплохо, как сказал поэт:

Entre nous soit dit, bonnes gens,
Pour reconnaitre
Que l'on n'est pas intelligent,
Il faudrait l'être¹⁹⁰.

К тому же, я хорошо знала, какова была настоящая проблема La Vache. Не отсутствие ума, а её сердце кабана. С каждым разом она все меньше думала о том, что касалось Баланцатеги. Всякий раз, когда она оставалась одна, мысли её уходили к снежным вершинам или дремучим лесам.

– Сейчас нас поставят в хлев, – сказала я ей, увидев, что Зелёное Стекло начал отдавать приказы.

– Нас?

– Да, черных.

Так и произошло. Гвардейцы набросились на нас и начали разделять, чёрных к хлеву, рыжих в загон. Единственной проблемой

¹⁹⁰ Между нами говоря, люди добрые /чтобы признать/себя неумным/нужно быть умным (франц).

оказалась La Vache. Она не хотела двигаться со своего места, и никто из гвардейцев не решался приблизиться к её рогам. Глаза моей подруги блестели, и мне почти слышалось, что в этот момент её внутренний голос приказывал ей. «Не заходи в хлев, покончи с ними и беги в горы, ударь в голову гвардейца». Я глазами умоляла её не делать глупостей, ведь, если бы она не послушалась гвардейцев, они бы выстрелили в неё. Очень плохой совет, кстати, обычный для того, кто считает себя умником и позволяет себе лишнее. Ведь на самом деле никто не выстрелил бы в La Vache. Сделать это означало бы встревожить партизан в горах, дать им понять, что в Баланцатеги происходит что-то не то. Как бы ни было, это была не единственная причина, по которой La Vache, наконец, уступила и пошла в стойло; наверное, она тоже заметила это движение Зелёного Стекла по отношению к ней.

– Карраль! – сказал он ей, обнажая острие своей кожаной трости.

С разными трудностями, но к полудню все обстояло согласно желаниям Зелёного Стекла. Рыжие коровы в загоне, мы, чёрные – в хлеву. Гвардейцы окружали дом и лес. Хеновева и Усандисага были в гостиной, и рядом – пара охранников.

– Что это происходит? – спросила у меня La Vache, когда двери хлева закрылись. Она смотрела на кормушку, стоявшую перед ней. Она была пуста, в тот день у нас не было корма.

– Я тебе скажу несколько слов об этом, – начала я не без кичливости, ведь я чувствовала себя умной. – Мы не понимали, почему их не могут поймать. И ещё Зелёное Стекло хотел знать, почему же ему не удавалось поймать горный отряд. А ответ таков, что между горцами и жителями должна была быть система сообщений. По-другому случайности не объяснить: отряд приходил

именно тогда, когда зубастых не было на посту, или не приходил, когда они смотрели в подзорную трубу...

Я сделала небольшую паузу, чтобы набрать воздуха. Как и всегда, логичные рассуждения меня утомляли.

– Продолжай, – попросила меня La Vache. Она хотела поскорее все узнать.

– Смотри, система сообщения в Баланцатеги состояла, и ещё состоит, из двух шагов. Первый – это Сутулуй, или, лучше сказать, Усандисага, мужчина, с сутулым не имеющий ничего общего... но он притворялся старым и немощным, чтобы иметь возможность спокойно ездить в посёлок и добывать информацию: отправляется ли куда Зелёное Стекло, едут ли зубастые на свадьбу, что угодно. Так он узнавал, когда тщательно наблюдали, а когда не очень.

– А затем наступал наш черёд, – догадалась La Vache. Я кивнула и воспользовалась моментом, чтобы прилечь. Ведь рассуждать логично и правда было очень нелегко.

– Так и есть, – продолжала я уже в новом положении. – Хеновева и Усандисага посылали весточку с нашей помощью. Когда у нас был пир, то есть, когда нас ставили в хлев на целый день, те, кто жили в горах, смотрели на Баланцатеги и замечали, что чёрных коров нигде нет, только рыжие в этом поросшем травой загоне. И что же это означало? А это означало: раз чёрных коров не видно, значит, Зелёного Стекла и других солдат нет дома, и мы можем спуститься забрать мешки с рисом. Когда же нас оставляли снаружи, это понималось как противоположное: «Осторожно, опасность, не спускайтесь». Что касается обычных дней, они позволяли нам, и чёрным, и рыжим, перемешиваться. С помощью такой простой системы люди в горах всегда располагали информацией.

Глаза La Vache были широко открыты. Я же была обессилена. Я гордилась своей логикой, но она совершенно лишила меня сил, и я только и хотела, что поспать.

– Сейчас мы внутри! – вдруг воскликнула La Vache. Не увидев нас, люди в горах решат, что опасности нет, и спустятся за грузом. А Баланцатеги кишит гвардейцами!

– Так и есть. Зелёное Стекло, наконец, понял, как действует система, и использует её в своих целях. Горные жители обречены. Они спустятся, и Зелёное Стекло убьёт их всех.

Мне становилось все тяжелее и тяжелее дышать. Голова моя падала.

– Всех нет. Ему нужно оставить в живых кого-нибудь из отряда, чтобы позже допросить его о батальоне. Зелёное Стекло охотится за батальоном, а не за кучкой людей – поправила меня La Vache. Она тоже умела рассуждать логично.

После некоторого молчания я хотела открыть рот и объяснить своей подруге, что собираюсь вздремнуть. Но как только я это сделала, глаза мои закрылись, и я уснула. И спала до тех пор, пока несколько часов спустя меня не разбудило мычание коров.

Я открыла глаза и увидела, что в окошке хлева было совершенно темно, а коровы, окружавшие меня, мычали как сумасшедшие.

– Кормушки пустые, вот они и проголодались. Поэтому и подняли весь этот шум.

– Настоящий скандал, – заметила я перед тем, как сама стала мычать. Я тоже была очень голодной.

Это был решающий момент ночи. Если можно так сказать,

именно тогда, из-за нашего мычания, камень выскользнул из рук и полетел в стекло: стекло – простое, ровное, прозрачное – которое от удара разобьётся на тысячу осколков.

Мы все ещё мычали, когда услышали крик Зелёного Стекла в гостиной Баланцатеги.

– Карраль! Карраль!

– Он говорит Усандисаге, чтобы он заставил нас замолчать, – перевела мне La Vache.

– Боится, что наш шум отпугнет отряд, – заметила я.

Мгновения спустя мы услышали, как Зелёное Стекло и Усандисага спускаются по лестнице. Первый быстро, громко топая по каждой ступеньке, а человек из Баланцатеги – медленно, тяжело, словно дряхлый сутулый старик.

Усандисага был очень бледен, когда вошёл в хлев. Сначала мне показалось, что он хотел нам что-то сказать, но он даже не постарался притвориться сделать это: позабыв о своих предполагаемых недугах, он побежал к углу, где у него стоял велосипед, и схватил мешок, что висел на руле. Внезапно у него в руках оказалось ружье.

Он выбежал из хлева и взбежал по ступенькам через одну. Он не остановился в гостиной, а побежал дальше наверх.

– Он бежит на крышу, – сказала мне La Vache.

Камень, выскользнувший из рук, уже приближался к стеклу. Усандисага выстрелил из своего ружья с крыши дома, и ночная тишина – ровная, бесхитростная и прозрачная – разбилась на тысячу осколков. Эхо от выстрела отозвалось по всей долине.

– Бегите! Это ловушка! Ловушка! – крикнул Усандисага.

Он снова выстрелил, и его второй выстрел разбил осколки стеклянной тишины, что ещё оставались в долине. Зелёное Стекло понял, что уже все бессмысленно, и отдал приказ:

– Карраль!

Все тридцать гвардейцев прицелились и выстрелили в другое стекло, откуда кричали. Когда тишина снова воцарилась в долине, Усандисага был мёртв.

7. В Баланцатеги меняется положение дел. Мы с La Vache попадаем в лапы какой-то молодёжи. На деревенском празднике я вспоминаю о святом Евтропии.

Те же тридцать гвардейцев, что убили Усандисагу, схватили и увели Хеновеву, хозяйку Баланцатеги, и мы, коровы, остались дома одни. Поначалу все мы почувствовали себя спокойнее, потому что, с одной стороны, казалось, что война в нашей долине совсем закончилась, а с другой – мы жили сами по себе, и нам не нужно было выполнять ничьи приказы сверху. Но прошло немного времени, и большинство моих подружек по хлеву стали нервничать. Им не хватало пиров с кормом и музыки из гостиной, и они только и спрашивали, что о Хеновеве. Когда же вернётся хозяйка дома?

Конечно же, точного ответа на этот вопрос мы не знали, но и без лишних слов была очевидна вся серьёзность ситуации. Хеновеве грозило провести годы в тюрьме. Тот же Зелёное Стекло сказал ей об этом после того расстрела:

– Карраль! Карраль, карраль! Усандисага карраль!

– Говорит, что Усандисаге повезло. Что ей будет хуже, –

перевела мне La Vache. В тот момент все мы, чёрные коровы, были уже вне хлева и щипали траву. Мычанием мы добились того, что нас выпустили.

– Карраль! Карраль! – продолжал Зелёное Стекло, потрясая тростью перед Хеновевой.

– И что ей дадут большой срок. Что она сгниет в тюрьме, – перевела мне La Vache.

Внезапно Хеновева подняла голову и – после очень долгого молчания – заговорила. Сколько же времени мы её не слышали?.. Конечно же, долго. Она была очень молчаливой женщиной, наверное, самой молчаливой из всех, что я встречала в жизни.

– Ты тоже заплатишь, убийца! – крикнула она.

– Карраль! – взорвался Зелёное Стекло, становясь ещё бледнее, чем был, и охранники схватили её под руки и повели вниз, к чёрной машине.

Там мы простились с Хеновевой, и с тех пор – а первая радость сразу же прошла – в нашем хлеву уже не было спокойствия. Глупые коровы не хотели понимать, что мы расставались навсегда, и все время упорно спрашивали о ней. Им очень не хватало корма, очень не хватало пластинок, как и руки, которая бы ими управляла.

– Да уж, нет никого глупее в этом мире, чем глупая корова, – сердилась La Vache. – В кои-то веки у нас есть возможность разгуливать, как нам захочется, а они только жалуются да вздыхают. А у нас-то нет хозяев! Разве не лучше быть свободными?

Но сколько бы ни говорила и ни сердилась La Vache, так не могло продолжаться долго. Большинство коров из хлева не желало жить по своему усмотрению.

– Дочка, ты правильно думаешь, – сказал мне Зануда в один из тех дней. – Положение, в котором вы сейчас находитесь – всего лишь передышка. Они забрали Хеновеву в тюрьму, возможно, надолго, и в любой момент появится новый хозяин Баланцатеги. Лучше держать ухо востро и не впадать в иллюзии, как твоя подруга.

Зануда выждал паузу.

– Потому что новым хозяином вполне может стать Зелёное Стекло, – добавил он, чётко выговаривая каждый слог.

Меня словно ударили в грудь, и моё дыхание прервалось.

– Не переживай раньше времени, – посоветовал мне Зануда. – Зелёное Стекло – лишь одна из возможностей. Посмотрим. Колесо Тайн ещё не остановилось, и вскоре продвинется так, что мы узнаем имя нового хозяина.

Дни после этого разговора с Занудой были очень беспокойными. Я только и смотрела, что в сторону дороги, которая шла через долину, и у меня заходило сердце, если я видела, что кто-нибудь идёт. Но Зелёного Стекла там никогда не было. Это бывал охотник, или прохожий, или же местный крестьянин, возвращавшийся с ярмарки.

Однажды утром – это был уже май – я увидела, что какой-то маленький трактор съехал с дороги в направлении Баланцатеги. Он был красный, очень новый, блестящий на утреннем солнце, и на нем сидели двое мужчин. Оба казались молодыми. Молодыми и одинаковыми: одеты одинаково, причесаны тоже. Не было сомнений – Колесо Тайн совершило ещё один поворот: близнецы с большими зубами были новыми хозяевами дома.

Когда трактор остановился на самом мосту, что шёл через речку, La Vache запротестовала:

– Что вы здесь забыли! Уезжайте себе! Вы живёте на мельнице!

Не обращая внимания на протесты, один из близнецов открыл ворота, служившие входом на территорию Баланцатеги. Мгновения спустя трактор поднимался по холму к нашему дому.

– Черт! Зубастые без награды не остались! – воскликнула La Vache, поняв, что происходит.

– Видать, Зелёное Стекло не остается в долгу, – заметила я.

– Пошли отсюда, – сказала мне La Vache, указывая на горный лес, и я тут же за ней пошла. Мне не хотелось иметь дела с новыми хозяевами.

Сразу же стало понятно, что зубастые намеревались выжать из Баланцатеги все, что можно. Казалось, они хотели все опустошить: сначала они забрали пластинки Хеновевы, на другой день вынесли два зеркальных шкафа, на следующий – серебряную посуду. Кроме того, это стремление все вынести не ограничивалось домом, а распространялось и на лес: они повалили около сорока деревьев и увезли всю древесину. Трактор, вечно нагруженный на выезде из Баланцатеги, возвращался пустым.

Вместе с тем, поведение близнецов не беспокоило нас, коров, потому что мы жили, как хотели, и потому, что у нас было полно травы. Как раз травы было много, как никогда, потому что за апрельскими дождями пришло яркое солнце. Из-за всего этого мне было нелегко следовать совету, который мне почти все время давал Зануда:

– Дочка, будь осторожна! Держись подальше от дома!

Я не считала, что нужно держаться на расстоянии, но на всякий

случай – мне же было известно, насколько проницателен Зануда – я никогда не задерживалась у хлева. Большую часть времени я проводила высоко в горах вместе с La Vache, подчас засыпая около упавшего самолёта.

Как-то я наблюдала за долиной и задалась одним вопросом:

– Где это ходит эта глупая Бидани? Уже неделя, как я её не вижу.

И только я об этом подумала, у меня открылись глаза. Я почувствовала, что сердце моё забилося.

– Они освобождают хлев!

Я снова посмотрела на долину. У речки стояли две коровы. В каменном загоне – ещё две. В окрестностях маленького лесного кладбища – три. Всего семь коров. Вместе с La Vache, восемь. И со мной – девять.

Дрожь пробежала по моей спине. Смерть кружила над Баланцатеги. Бидани, и две рыжие коровы уже познали холод ножа.

Было достаточно жарко, но эта дрожь никуда не исчезала. Вдруг даже сам лес перестал мне казаться безопасным местом. Я поднялась и побежала туда, где была La Vache.

– Я так и знала, – ответила она. – Но не бойся, нас они не поймут. Мы не такие, как эти глупые коровы.

Я не была в этом так уверена и всё никак не могла успокоиться. Я решила не забывать слова Зануды:

– Осторожно! Держись подальше!

Через какое-то время – наверное, это было уже летом – слышались небольшие взрывы вокруг долины.

– Что происходит? – спросила я La Vache.

– Ничего не происходит. Праздник в каком-то селении неподалеку.

– Праздник? – произнесла я удивлённо. Я никогда не слышала этого слова.

– Так говорят, они пускают эти фейерверки во время праздников. Но не спрашивай меня о них. Я никогда не была ни на одном.

– Как бы мне хотелось побывать на одном из этих праздников!
– воскликнула я совершенно наивно. Я ещё была очень молода и легкомысленна, и даже не засомневалась в своём желании. К несчастью, желание сбылось.

Это случилось через несколько недель, когда уже припекало сильнее. Трава, и до этого достаточно жёсткая, стала совсем колючей, и источники – почти иссякнувшие к тому времени – вовсе засохли. При таком положении дел у нас с La Vache появились две проблемы – одна тяжёлая и вторая очень тяжёлая. Тяжёлая та, что мы не могли нормально есть. А очень тяжёлая – что нам было нечего пить.

Единственным выходом было спуститься к речке, или, точнее сказать, спуститься к омуту, что имелся под мостом Баланцатеги. Там ещё оставалось немного свежей травы и, самое главное, воды.

В тот день, когда мы стояли под этим мостом и пили воду, мы увидели трех молодых людей, приближавшихся по дороге. Они шли и болтали, иногда хохотали, и не казались опасными. Но – что значит внешнее впечатление! – подошли прямо к нам и без предупреждения заарканили нас толстой верёвкой. Сначала La Vache, потом меня.

«А это еще что?» – подумала я испуганно. Тем временем La Vache трясла головой, пытаюсь освободиться от верёвки, но

безуспешно. Мы попали в ловушку.

Сначала мы отказывались выходить из-под моста. Но опять безрезультатно. Эти молодые тут же покончили с нашим сопротивлением. Для этого им хватило нескольких заточенных палок с пикой. Два или три болезненных тычка, мы обе уже были на мосту. В самом деле, пика ранит очень больно.

Не успев выйти из укрытия, мы увидели, что к нам приближаются оба зубастых брата. Я подняла глаза и увидела, какое голубое было небо; напрягла слух и услышала пение сверчков; я представила, что с нами случится и поняла, что мы с La Vache стоим на пороге смерти.

– Они полудикие и уж дадут вам развлечься. Они не хуже быков
– сказал парням один из зубастых.

– Это точно?

– Точно. Упрямица, та уродливая, просто настоящий зверь. Она на любого может напасть, точно говорю.

До этих пор я этого не говорила, но скажу сейчас. Моя подруга ненавидела свое настоящее имя, Упрямица, и поэтому назвала себя La Vache qui Rit. Она сама мне рассказала об этом изменении незадолго до того, как мы расстались навсегда:

– Был случай, когда ещё был жив муж Хеновевы: в гости в Баланцатеги приехала одна семья, которая говорила на французском. И, представь себе, один из детей стал меня звать La Vache qui Rit. Шёл день, другой, а ребёнок все настойчивее и настойчивее звал меня La Vache qui Rit. Мне понравилось, как звучит это имя, и я решила оставить его себе, забыв о том, каким меня нарекли, оно такое грубое. Говорю же тебе, французский ребёнок меня окрестил. И теперь никто не имеет права называть меня Упрямицей. И если кто-

то так сделает, тем хуже для него.

Слова La Vache на ветер не бросала, и в этом очень скоро убедился тот зубастый, что сказал о ней, упоминая имя, которое ей не нравилось. Видя, что парень, державший верёвку, отвлёкся, La Vache набросилась на него и так боднула в ногу, что разодрала ему штаны. И если бы не эти молодые, дело бы этим не ограничилось.

«Ну все», – подумала я. Я думала, нас убьют прямо там.

Но оказалось наоборот. И зубастые, и эти молодые казались счастливыми и довольными.

– Что я вам говорил? Эти коровы настоящие звери, уж они точно вам такого зададут. Правда, вы должны будете заплатить за это. Если хочешь чего-то, будь добр раскошелиться.

– Сколько? – спросили парни.

– Столько-то, – ответил зубастый. Сейчас я не помню сумму, но, должно быть, запросил он немало, потому что те начали спорить.

– Вы как хотите, а я вам не уступлю ни сентимо. Это хорошие коровы, идеальные для весёлого праздника. Если их не купите вы, я продам их кому-то еще.

«Значит, нас хотят увести на какие – то праздники», – подумала я, немного успокаиваясь. Тогда я и не догадывалась о том, что нам предстоит.

– Ладно. Берем – уступили в итоге молодые. Они скинулись и заплатили зубастым.

– Пошли, чёрные! – приказали нам, и мы все пустились в путь. В первый раз в своей жизни я шла на праздник.

Я не буду рассказывать обо всем пережитом в деревне этих

парней. Даже если бы я этого и захотела, это было бы невозможно, потому что все, что я там пережила и познала, не вошло бы и в энциклопедию, однако все равно я не скажу и того, что могу. Зачем затягивать историю все большими подробностями, когда всю правду можно выразить одной фразой? И это, без околичностей, то, что собой представляют те люди и их праздники. А правда та, что всякий раз, когда о них вспоминаю, я собираю слюну во рту и сплевываю. Вот и все, что нужно тут сказать.

Однако же я пишу мемуары и попытаюсь рассказать чуточку больше. И чтобы получше это сделать, я воспользуюсь одной из историй Полин Бернадетт.

Полин Бернадетт мне все время рассказывает истории, и в большинстве своём это истории о святых. Например, как-то мы с ней находились перед воротами монастыря – я лёжа на траве, а она с шитьем в тени, – и тут появился булочник, который вёз хлеб для монахинь, и тогда она сказала:

– Смотри, Мо, булочник. С одной стороны, какая жалость! Я бы предпочла, чтобы а nous¹⁹¹ было так же, как с Павлом Отшельником. Этот святой одиноко жил в пустыне, жил там совершенно один шестьдесят лет, и каждый день к нему прилетал ворон, приносивший в клюве полбуханки хлеба. Однажды, по прошествии этих шестидесяти лет, к нему пришёл святой Симеон. И что же? А произошло то, что ворон принёс в своём клюве целую буханку. Ведь их было двое, значит, и порция двойная. Ах, что это были за времена! Им не нужен был булочник!

– Этому человеку тоже нужно жить, – сказала я, когда она договорила, глядя на мужчину, выгружающего хлеб.

¹⁹¹ с нами

– Это правда, Мо. С одной стороны, хорошо есть, что Notre Seigneur¹⁹² совершает чудеса не каждый день. В Лурде он их совершает, это правда, но и врачам остаётся работа.

Но, я уточню, это не та история, что я хотела вспомнить, я имела в виду другую, которую мне рассказала Бернадетт, стоя перед кастрюлями с молоком.

– Ах, как же красивы на солнечном свете до блеска начищенные les marmites¹⁹³! – воскликнула она. – Уж как они блестят!

Я кивнула головой в знак согласия. Всегда, когда есть возможность, я признаю правоту маленькой монахини.

– Смотрю я на эти marmites и вспоминаю о том, что случилось со святым Евтропием, Мо. Не хочешь ли ты, чтобы я тебе рассказала?

Я снова кивнула.

– Ну вот, по-видимому, Евтропий был музыкантом, известным на весь departement¹⁹⁴ тонкостью своего слуха. Однажды злобный император этого народа схватил Евтропия и сказал ему: «Ты все ещё стоишь за свою религию? Нам здесь не нужна христианская вера!» А Евтропий ему ответил: «Я христианин, и от этого не отрекусь». «Не отречешься?» – сказал, посмеиваясь, император. «Ну так, смотри, что с тобой будет!» И император отдал приказ, Евтропия посадили в очень – очень большую кастрюлю, похожую на чан, и заперли его там. «Они что, собираются меня сварить?», наверное, мужественно думал Евтропий, потому что очень веровал. Mais non¹⁹⁵, его не сварили. Император, он уже обо всем знал, хотел повредить его тонкому слуху и, поставив чан прямо на середину площади, опубликовал edicte¹⁹⁶:

¹⁹² наш Господь

¹⁹³ кастрюли, котелки

¹⁹⁴ провинция

¹⁹⁵ но нет

¹⁹⁶ эдикт

получит большую награду тот, кто сильнее всех ударит по чану. И много народу пришло за наградой, *bien sûr*¹⁹⁷, ведь в те давние времена тоже очень любили деньги. И один молотком, второй молотом, третий булавой, четвертый камнем – все постучали по *marmite*, раз и другой, ударяя по *marmite*, ударяя и ударяя. Представь, какой грохот стоял от этих ударов, какая *bagarre*¹⁹⁸ из-за этого случилась, ведь в том *city*¹⁹⁹ два или три дня никто не спал, даже сам император. А что Евтропий? А Евтропию в этой кастрюле явился ангел, и ангел закрыл уши святого своими мягкими ладонями. И так, *doucement*²⁰⁰ глухой, Евтропий там провел все время. И когда с кастрюли сняли крышку, все были удивлены тому, что он сказал. Евтропий молвил: «Эта *marmite* есть хороша для сна. Спасибо большое». Ты представляешь! Он был внутри *marmite* и оказался единственным, кто отдохнул.

Вот такую историю Полин Бернадетт мне захотелось вспомнить, чтобы лучше описать то, что мы с *La Vache* пережили на празднике. Ведь, на самом деле, попасть на праздник в том посёлке было все равно, что оказаться в чане, и без надежд на появление хоть одного ангела.

Сначала из логова, куда нас загнали молодые люди, мы слышали гудение людей, что разговаривали на площади и на улице. Это гудение было как пыль, оно заполняло весь воздух и делало его тяжелым. Вероятно, там были тысячи одновременно разговаривающих людей.

– Как же этим людям нравится разговаривать! – сказала я *La Vache* с раздражением.

¹⁹⁷ само собой

¹⁹⁸ суматоха

¹⁹⁹ город

²⁰⁰ слегка, немного

– Они наверняка пьяны, – заметила La Vache презрительно. Её глаза очень блестели.

Тем временем мы слышали, как, поверх людского гула, стала различаться какая-то пронзительная и одновременно монотонная музыка. Без сомнения, это был военный духовой оркестр, который – это было очевидно – приближался к нам. Некоторое время спустя молотки, молоты и булавы принялись бить по нашему чану. Играл кларнет, играли трубы, особенно гремел большой барабан, и мы с подругой не могли расслышать друг друга. Музыка заглушала наши слова.

La Vache, которая всегда была более нервной, чем я, стукнула по двери. Бесплезно, потому что она была крепко поставлена. Ей, правда, удалось сделать щелку, через которую кто-то – чтобы мы узнали, каково было наше настоящее положение – просунул зажжённую петарду. Петарда мгновенно взорвалась и отозвалась громким шумом у нас в голове.

За взрывом петарды последовал барабан. По-видимому, самый крепкий человек из оркестра пытался солировать в концерте, и все время бил в свой барабан, раз-два-бум, раз-два-бум, и так в течение десяти минут, в течение двадцати, в течение сорока. Он был неутомим, казалось, был под гипнозом от этого своего «раз-два-бум, раз-два-бум». Не нужно было обладать таким же тонким слухом, что и у Евтропия, чтобы начать биться о стены. И мы делали ровно это, били по стене, чтобы нанести себе повреждения и, таким образом, забыть на секунду это раз-два-бум. Но самому сильному в оркестре было все равно, он-то был неутомим, продолжал свое раз-два-бум, раз-два-бум. Когда двери этого логова нам открыли, мы уже совершенно ошалели.

Нам открыли двери, и мы почувствовали себя так, словно с чана

сняли крышку; шум продолжался, но, по крайней мере, здесь был воздух, чтобы дышать. La Vache выбежала очень быстро и с чёткой целью: перескочив через людей, сгрудившихся у двери, она одним ударом сбросила барабанщика. Там он и остался, корчась от боли, с прилично помятыми боками. И, думаю, уже без желания играть на проклятом барабане.

Поначалу мы хорошо защищались и давали неслабых ударов, я неслабых, а La Vache посильнее, и если сегодня я и могу сказать, что я – корова, сломавшая больше тридцати костей, то эту гордость, прежде всего, я чувствую из-за того праздника. Но жителей в посёлке было много, и они приближались к нам, как слепни, все одновременно, подло, упорно. Невозможно было сражаться с таким количеством слепней. И через полчаса борьбы и бега туда-сюда по улице мы обе стали искать выход. Но куда бежать? И площадь, и улица были полностью огорожены металлическим забором, а люди, наблюдавшие за зрелищем, представляли собой второй забор. Мы попали в чан без отверстий и трещин.

Постепенно, по мере того, как мы уставали, мы теряли присутствие духа. Молодое население посёлка была возбуждено и все меньше нас уважало. Когда один из них ухватил меня за хвост, я поняла, что это конец. Я посмотрела на La Vache – её положение было не лучше. Наоборот, она, казалось, ещё больше устала и вот-вот сойдёт с ума.

Я рассудила сама с собой, что любой исход будет лучше, чем сдаться, подобно овце, и продолжила искать выход. И вот я достигла дома, в котором, как мне показалось в одной из гонок, была внутренняя дверь, имевшая сообщение с другой улицей. Это не только было бесполезным, это было худшим на празднике. Я собиралась толкнуть эту дверь, когда почувствовала, как острое

железо входит в мою плоть. Слепая от боли, я повернулась и ударила рогами: снова без толку, потому что мои рога ударились о брусья низкого окна.

– Карраль! – услышала я тут. По другую сторону окна криво улыбался Зелёное Стекло.

Моим желанием было умереть прямо там же, но пьяная молодёжь посёлка не была расположена позволять мне этого. Каждый раз, когда я растягивалась на земле, они меня поднимали и принуждали следовать за ними. В один из таких моментов я увидела наверху по улице La Vache, она была со всех сторон окружена людьми и дышала из последних сил: она тоже была окровавлена, она тоже пострадала от острой трости Зелёного Стекла.

Я почти не помню, что было дальше. У меня не было сил держаться на своих четырёх ногах. Счастье, что в конце, чтобы ещё больше над нами посмеяться, эти людишки бросили нас в фонтан. И не только потому, что свежесть воды нас оживила, но и потому, что мы увидели, как можно сбежать. Там находилось несколько брёвен, собранных в виде лестницы и ведших к краю площадной стены. Достаточно было нам подняться по этой грубой лестнице, чтобы перепрыгнуть на ту сторону и освободиться.

– Ты это видишь? – спросила я La Vache.

– Да. Это единственный выход, – ответила она мне.

Мы все ещё находились в фонтане, когда появились парни, приведшие нас в посёлок. Они нас вытащили оттуда и, накинув верёвки на шеи, отвели в загон.

– Не забирайте их пока! – крикнул им какой-то пьяный.

– Не волнуйся, мы ещё выпустим их ночью, – ответили ему.

Несколько часов мы с La Vache пролежали, вылизывая наши раны. В итоге, когда во время ужина в чане стало потише, мы заговорили о побеге.

– Нам нужно собрать все оставшиеся у нас силы, чтобы добраться до этих брёвен. Нам нужно бежать как можно быстрее. Иначе мы пропали.

– А когда же мы разможем голову Ножу? Когда? – ответила она мне. Но это был скорее не вопрос, а стенание.

– Наверное, в следующий раз, – сказала я ей. Не было другого выхода. Если мы хотели спастись, нам нужно было забыть о Зелёном Стекле.

Мы снова замолчали, каждая думала о своём.

– Да когда же мы разможем голову Ножу? – то и дело очень тихо повторяла La Vache.

Ближе к полуночи люди снова загудели, и мы с La Vache приготовились. Нам не было страшно, все наши мысли были направлены только к нашей цели.

Мы застали всех врасплох. Мы не ответили ни на нападения, ни на выпады. Мы напрямик побежали к бревнам и, перепрыгнув через стену, выскочили из чана. Ещё несколько секунд – и мы сбежали.

8. Мы с La Vache начинаем жить далеко в горах и видим кабанов. Сложности, которые возникают между нами, и как мы расстались. Я веду с Занудой серьёзный разговор об Индии, Пакистане и других местах планеты.

Сбежав из посёлка, мы мчались, не разбирая дороги, у нас ведь и была только одна цель – быть как можно дальше от людишек с праздника. Но, как только мы убежали далеко, и уже совсем не были слышны их крики, оказалось, что мы не знаем, куда податься. В Баланцатеги возвращаться мы не хотели ни за что на свете, но мы подумали о другой возможности.

– Пойдем в горы! – сказала мне La Vache после нескольких часов пути. Мы обе были без сил.

– Давай! И пойдём быстрее. Отдохнём уж в безопасном месте, – согласилась я.

Мы снова побежали, с большой охотой, но не нашли, чего хотели. Нам было нелегко пойти по протоптанной дороге. Почти все дороги шли немного на подъем и в самый неожиданный момент меняли направление, начиная спускаться к долине. Это было очень некстати: мы попусту тратили наши скудные силы и к тому же тратили время – ночные часы – которое было столь ценно для беглянок вроде нас.

Когда мы уже разозлились и устали от всех этих поисков дороги, я услышала голос Зануды:

– Послушай, дочка, вы ошибаетесь. Вы все время ищете широкую хорошую дорогу, а так вы никогда не достигнете гор. Чтобы дойти до гор, нужно выбирать плохие дороги.

Зануда обращался ко мне очень дружелюбно, возможно, потому, что я все ещё была под впечатлением от того, что с нами случилось на деревенском празднике. И раз уж я это сказала, мне бы хотелось упомянуть и о другом. И я упомяну. Так вот, когда я рассказываю о Зануде, обычно я делаю это с неудовольствием, потому что он меня очень утомляет и не оставляет в покое. И ведь правда то, что мой Голос, Ангел – Хранитель или кто бы он ни был, говорит чересчур

много и так, как будто знает обо всем на свете, но я должна признать, что он был для меня добрым и умным другом. Очень умным и хитрым. И верным. Вот и все. Этим все сказано. Невозможно оставить эти воспоминания, не сказав несколько слов в его честь, и, конечно, я их так не оставлю. А сейчас продолжим рассказ о том, чему меня научила та ночь.

– Я не очень понимаю. Что значит плохие дороги? Какие плохие дороги? – спросила я у него.

Зануда глубоко вздохнул, или мне, по крайней мере, так показалось. Затем он сказал так:

– Смотри, дочка. Дороги, которые вблизи посёлка широки и надёжны, становятся узкими, выходя за его пределы, и они не только сужаются, но и пропадают, достигая двери последнего местного дома. Но неужели все умирают? Нет, дочка, не все дороги умирают. Некоторые продолжают и ведут наверх, к какому-нибудь одинокому горному дому, становясь все уже и уже. И они так сужаются, что большая часть умирает, дойдя до одинокого дома. Я говорю, большинство, потому что всегда есть какая-нибудь дорога, что продолжает подниматься наверх, к какой-нибудь вершине или лесу на возвышенности, постоянно прерываясь, превращаясь временами в маленькую тропинку. В конце концов, эта последняя дорога совсем исчезает, становясь частью леса или сливаясь со скалой на вершине. И вот там-то тебе и настоящие горы, дочка. Это такая часть мира, где нет дорог, вот в чем дело.

Я поняла, что Зануда прав, ещё до того, как он закончил говорить. Я рассказала об этом La Vache, и она тоже была согласна.

– Само собой! Какие же мы были глупые! Конечно же, нет никого глупее в этом мире, чем глупая корова. Давай быстрее искать

следы плохой дороги!

Первый же путь, найденный нами, привёл нас в небольшое деревенское поселение, а второй – к дому, стоявшему на склоне холма, полном фруктовых деревьев. Посредством третьего, уже достаточно узкого и каменистого, мы дошли до небольшого леса, который послужил нам убежищем, чтобы пару часов отдохнуть. Затем, по тропинке, мы дошли до небольшого скалистого плато. К тому времени стало светать, и мы увидели, что вокруг нас были только горы: четыре вершины с одной стороны, две с другой, семь напротив нас, пять позади. Всего восемнадцать пиков. Ни одного дома, ни деревни, ни поселения. Мы находились высоко в горах.

– Теперь мы свободны! – воскликнула La Vache вдохновенно, позабыв о своей усталости и о своих ранах. – Вокруг нас нет дорог, что означает, что все возможные дороги – наши. Почему бы нам завтра не пойти вон к той вершине? Мы могли бы покопаться немного в тамошнем бурьяне.

– Завтра? Почему не послезавтра? – сказала я ей. Мне хотелось отдохнуть.

До того, как я договорила свою фразу, La Vache уже была на ногах и с поднятой головой. У неё дрожало все тело, а её тоскливый взгляд был устремлен на вершину, о которой она только что упомянула. Я проследила за её взглядом и увидела их: там было пять кабанов, бегавших в бурьяне. Они шли, все построившись в линейку, словно пятеро братьев.

– Кабаны! – закричала La Vache задыхаясь. Я почти почувствовала биение её сердца.

La Vache достаточно долго молчала, так и застыв, как была. Несмотря на то, что кабаны продолжили бежать дальше, пока не

исчезли в ущелье, и несмотря также на то, что солнце все жарче и жарче припекало и беспокоило наши раны, она так и стояла, уставившись на бурьян. Придя в себя, она грубо мне сказала:

– Никакого послезавтра! Завтра же и пойдем!

Я слишком устала, чтобы вступать в перепалку, кроме того, мне не хотелось ссориться в первый же день. Поэтому я замолчала. Однако уже с самого начала мне стало казаться, что мы закончим тем, что будем злиться друг на друга. Что до меня, то грубость мне никогда не нравилась.

Когда живёшь высоко в горах, там особенно нечего делать. Как сказала бы любая корова из хлева, там ничего нет, и развлечений нет, жить там – все равно, что разжигать огонь единственной жалкой щепкой. И, кто знает, возможно, то, что коровы из хлева говорят про горы – логично и справедливо, потому что, в конечном счёте, у них куча дел: то они путешествуют на грузовике, то – ждут визита ветеринара, на следующий день хозяин их просит попробовать особенный корм. А ещё есть гости, музыка, работа... Одним словом, для коров из хлева иметь дело с жалкой щепкой – это что-то из прошлого, у них есть большие дрова для того, чтобы разжечь огонь жизни. Но вопрос вот в чем: всегда ли лучше жаркий огонь от больших дров, чем небольшой огонь от щепки? Не думаю. Я очень хорошо помню, и сейчас это очень кстати, чтобы прояснить эту тему, о том, что мне как-то рассказала Полин Бернадетт:

– Так вот, bon²⁰¹, пришла очень долгая зима, – сказала мне маленькая монахиня, – и в монастыре закончились дрова, чтобы зажечь очаг, который у нас имеется в réfectoire²⁰². Тогда я вышла из монастыря, чтобы поискать их поблизости, и стала внимательно

²⁰¹ в общем
²⁰² трапезная

chercher²⁰³ ветки и щепы по краям chemin²⁰⁴, чтобы нам топить этими кусочками до конца зимы. И вот, в один из последних холодных дней, я увидела на земле одну черную тощую щепку, которая казалась уже обожженной, и постояла какое-то время, раздумывая, брать её или не брать. В конце концов я её бросила в корзину и отнесла в réfectoire. И что ты думаешь, случилось, Мо? А то, что я положила в огонь эту некрасивую тонкую щепку, и тут же от неё пошли пестрые языки пламени. Один был, например, светло-синий, цвета накидки пресвятой девы в нашей chapelle²⁰⁵, другой – золотой, третий – зеленый, как перламутр. А были и другие, которые очень красиво сливались. Честно тебе говорю, Мо, я в своей жизни не наблюдала подобного огня. Увидев его, я и о еде позабыла. Вот так, Мо, самые некрасивые и жалкие вещи могут скрывать за собой чудеса.

То, что мне в тот день объяснила Полин Бернадетт – великая правда. Я и сама в этом убедилась за то время, что провела в горах. Сначала оно шло очень медленно, и я старалась большую часть его проводить во сне в каком-нибудь уютном местечке. Конечно же, я не сожалела о том, что пошла туда, ведь у меня не выходило из головы то, что мы пережили в Баланцатеги, но если сравнивать, моя новая родина казалась мне скудной: ни речушки, ни кукурузного поля, ни одного огорода. Если бы не La Vache, ещё неизвестно, что бы со мной случилось в первые месяцы пребывания там. Возможно, я бы заболела от скуки, так же, как тогда, когда отдалилась от глупых коров из хлева. Но я же говорю, там была La Vache. Как сказал поэт: j'avais une sorine²⁰⁶. Тем не менее, к тому времени, как прошло лето и засветило сентябрьское нежное солнце, я уже стала видеть цветные языки пламени нового образа жизни. И также, как это случилось с

²⁰³ искать

²⁰⁴ дорога

²⁰⁵ часовня

²⁰⁶ у меня была подруга

Полин Бернадетт, маленький костёр завладел моим вниманием. Дни шли, а я их не замечала: словно свободное от препятствий, Колесо Времени радостно закрутилось. За осенью пришла зима, за зимой весна, а за весной – опять лето.

«Уже год, как мы здесь», – подумала я как-то, заметив, что солнце снова стало сильно припекать. Я удивилась, отметив это. Год? На что же у меня ушёл этот год? Я не знала этого тогда, и не знаю этого сейчас. Как в пословице:

У счастливой коровы нет истории.

Вот так со мной и было в ту пору, когда я жила высоко в горах: я была счастлива, и она облаком осталась в моей памяти. Я помню, да, что большую часть времени мы провели в движении, ходили из одной стороны в другую.

– Почему бы нам не пройти через тот большой лес? – говорил кто-нибудь из нас, и в следующую минуту мы уже пускались в путь, даже рысью бежали. Конечно, мы не бежали так же элегантно, как лошади, но несомненно, лучше, чем какая-либо из коров. И в этом беге рысью, в этой бродяжьей жизни заключался секрет нашего счастья.

Но, осторожно! Давайте остановимся и скажем всю правду, нехорошо, если я превращусь во что-нибудь вроде второго Зануды, который обо всем говорит, сглаживая острые углы и закругляя неровные края. Я собираюсь исправить написанное в последних абзацах. Я уже дала понять, что мы с La Vache чувствовали себя счастливыми, и мне нужно уточнить это утверждение; уточнить, а не изменить.

В действительности, не все пламя нашей жизни в горах имело яркие краски: там внутри было несколько и чёрных. И всегда, без

исключения, из-за кабанов. Всякий раз, когда эти пятеро братьев пробегали рядом с нами, La Vache повторяла сцену дня нашего прибытия: сначала застывала, словно загипнотизированная, и принималась дрожать, а потом начинала грубо и некрасиво себя вести.

Я хорошо понимала, что происходит с La Vache. У неё внутри начиналась великая борьба двух голосов: один ей говорил, чтобы она продолжала оставаться такой, какой была, а другой – тот её внутренний, такой агрессивный голос – говорил ей обратное, чтобы она перестала быть коровой и перешла на сторону кабанов.

Наверняка от этой борьбы можно было сойти с ума, и La Vache делала все возможное и даже больше, чтобы оставаться рядом со мной. Я это отлично понимала. Будь у меня такое плохое состояние, ещё неизвестно, как бы я себя повела, наверняка бы хуже, чем она. Но, независимо от того, понимала я это или нет, чёрные языки пламени продолжали оставаться на своём месте, и, кроме того, становились все более заметными, они были все чернее и чернее. К тому времени, как пошёл второй год нашей бродячей жизни, её грубость и некрасивые выпады были делом каждого дня. В любое время, будь то утром, днем или ночью, она злилась и грубила мне.

Так как мы были *copines*, я не обращала на это внимания, молчала. Однако же так не могло продолжаться. В конце концов, это было нехорошо, несправедливо, потому что я должна была платить за нашу дружбу цену, которую она не платила. Я ничего у неё не просила взамен дружбы, только то, чтобы она была моей подругой, она же, напротив, помимо дружбы, просила у меня слишком большую покорность. Дело в том, что для того, чтобы беспрекословно выносить её дерзости, нужно было быть очень покорной.

Было два раза, когда мы расставались с La Vache, или, иначе

говоря, нашим отношениям понадобилось два удара, чтобы разрушиться. Первый случился в Баланцатеги: второй и последний – во время снегопада, когда мы обе искали какую-нибудь пещеру. После того, как мы столько ходили вместе, нам предстояло расстаться навсегда.

То, что связано с Баланцатеги, произошло осенью. Дул южный ветер, и нам обеим захотелось навестить родные места. Поэтому мы пошли туда и к полудню уже наблюдали за нашей долиной с нашего старого пункта наблюдения – скал, где упал самолёт.

– В доме новые люди, – сказала я La Vache, указывая на женщин, которые сидели на крыльце. С такого расстояния я никого не узнавала.

– Нет ощущения, что зубастые здесь бывают, – добавила она задумчиво. Она ещё не забыла о празднике.

– Кто-нибудь да знает, где они сейчас живут, – сказала я ей.

– В каком-нибудь хорошем месте. Где им захочется – после того, как они украли то, что украли. Они даже леса почти не оставили.

Это было правдой. Лес, в котором мы родились, был погублен, и деревья остались только лишь вокруг маленького кладбища с тремя крестами. Но, с моей точки зрения, не это было самое худшее. Самое ужасное, что я не видела ни одной коровы, заросли травы были совершенно пусты. Наши подруги былых времен лишились жизни из-за жадности зубастых.

– Ну и подумай! – выпалила вдруг La Vache. – Не все ли равно, что случилось с глупыми коровами! Они это заслужили!

– Разумеется, ты так и думаешь! – сказала я сухо. Я раз сто не обращала внимания на её выпады, но то, что она сказала о наших

старинных подругах, казалось мне неуместным.

– А вот и думаю!

– А вот я нет! Абсолютно не согласна!

– Конечно! Как тебе быть согласной, если ты сама наполовину глупая! – крикнула она мне.

– А мы посмотрим, кто здесь глупая! – крикнула я в свою очередь, разворачиваясь к ней и готовясь к атаке.

Несколько мгновений мы стояли друг напротив друга, словно собираясь драться. Но мы слишком долго были подругами, чтобы вести себя таким постыдным образом.

– Лучше бы нам вернуться обратно, – сказала La Vache.

– Да, так будет лучше, – признала я.

С тех пор, и пока шла осень, она ни разу мне грубо не ответила. Она ограничивалась тем, что часами молчала, и бывали ночи, когда она, не говоря мне ни слова, уходила от места нашего отдыха. И куда она ходила? Так, вне всяких сомнений, в кабаньей бурьян. Её внутренняя борьба усиливалась. Окончательное решение было не за горами, La Vache нужно было раз и навсегда определиться, на чьей она стороне. Наконец, настала та самая зима. La Vache ушла в стадо кабанов, и наши отношения прервались.

Как-то раз мы, испытывая холод, хотели зайти в какую-то пещеру. Едва зайдя в эту темноту, я поняла, что кто-то нас опередил, что в нашем убежище было ещё какое-то животное. Я присмотрелась – там были те пятеро кабанов, которых мы всегда видели бегущими друг за другом.

– Что нам делать? – спросила я у La Vache. Два кабана стояли и показывали нам клыки.

– Отвечай! Что будем делать? – повторила я, так как она молчала, словно немая. Мне нужен был её ответ, нужно было знать, будем ли мы драться за пещеру или нет.

– Ты делай что хочешь. А я остаюсь – внезапно сказала La Vache. – Не хочу быть коровой. Никого нет в этом мире глупее, чем глупая корова!

– Но... Что ты говоришь? Мы-то не глупые! – запротестовала я.

– Все коровы глупые! – крикнула она грубо. И затем обошла меня и вошла в пещеру.

– Осторожно! – предупредила я, потому что мне показалось, что один из кабанов собирается наброситься и попробовать её на зуб. Но этого не случилось. Кабан утихомирился и стал её обнюхивать. И затем то же самое сделали остальные четыре кабана. Было ясно, что они её примут.

– Слушай, дочка – услышала я тогда. – Уходи из этой пещеры. К сожалению, твоя подруга немного не в себе и решила отступить на шаг назад и одичать. Но ты не заблуждайся. Я знаю, что потеря подруги может быть очень болезненной, но нет такой сердечной боли, что не излечивается прогулками. Так что иди, дорогая моя, и прогуляйся. И не забывай поесть, потому что хорошее питание тоже помогает.

Я вышла из пещеры и потихоньку пошла к лесу, который казался менее заснеженным, чем остальная гора. Но медлила я не потому, что послушалась Зануды, и не потому, что хотела прогуляться, а из-за того, что решение моей подруги лишило меня сил. Конечно, я этого ждала, но, тем не менее, это было ударом – видеть, как она улеглась среди кабанов. Как говорится в пословице:

Одно дело знать, другое – познать.

До конца зимы было недалеко, и я просто стала искать расщелину в какой-нибудь скале. Для защиты от внешнего холода мне большего было не нужно. Для защиты же от внутреннего холода мне всего не хватало. Мы с La Vache были соріnes в течение долгого времени. А сейчас мы уже ими не были. И это было больно. Не из-за одиночества, не из-за скуки, не из-за чего-то определённого, а просто потому, что мне её уже было не увидеть. После такой крепкой дружбы! После того, как мы прошли вместе такие испытания!

Впоследствии меня стало беспокоить ещё кое-что. Я вспоминала, что в конце концов La Vache мне крикнула:

– Все коровы глупые!

У меня не получалось выкинуть эти слова из головы, и чем больше я о них думала, тем более разумными они мне казались. В самом деле, кто была та единственная умная корова, что я знала в жизни? Так вот, без сомнения, La Vache qui Rit. И, в конце концов, оказалось, что она не была настоящей коровой, а была чем-то средним между кабаном и коровой.

Из трещины в скале я иногда смотрела, как идёт снег, и мне казалось, что я одна из этих мягких и глупых снежинок и что, напротив, кабаны были похожи на вибрирующий и сильный град. Я и в самом деле была очень подавлена из-за своей коровьей сущности. В конце концов, Зануда решил взять ситуацию в свои руки.

– Давай подумаем, дочка, – сказал он мне однажды, когда уже почти пришла весна. – Прости, что я тебе об этом говорю, но ты все принимаешь слишком близко к сердцу. Ты уже почти три недели не выходишь из этого отверстия в скале, а так нельзя. Ты должна выйти и поесть. Уже очень потеплело, и по всей горе пробивается горькая травка, в которой полно витаминов.

Но я даже не пошевелилась. У меня не было настроения, не было настроения потому, что я была коровой с головы до ног, а самым глупым существом на свете была корова; просто корова, потому что говорить «глупая корова» уже избыточно. Не то, чтобы я хотела быть кабаном, ведь я не считала так, как La Vache, но лошадю? Так почему я не была лошадю? Почему бы мне не быть лошадю? И если не лошадю, то, по крайней мере, кошкой... Иногда ко мне подходил ворон, и я ему завидовала, по-настоящему завидовала, потому что вороны, по крайней мере, умеют летать. А поди найди корову, умеющую летать. Нигде такой нет. Это доказывает, что даже вороны лучше нас.

Солнце припекало все сильнее и сильнее, горная трава подрастала. Однако я не покидала скалу. Я ограничивалась тем, что ела то, что росло вокруг.

– С каждым днем ты все больше худеешь, и я не могу этого допустить, – рассердился как-то Зануда. – Ты так заболеешь. Ты и правда ведёшь себя глупо.

– Само собой, в мире же нет никого глупее глупой коровы, – парировала я.

– В этом мире есть больше вещей, чем ты предполагаешь, дочка, – очень серьёзно ответил он мне. – Ты всегда жила только в этих горах и не можешь этого знать, но в мире есть много чего ещё. И также много разных мест. Например, есть большие страны, достойные восхищения, такие, как Индия и Пакистан.

– Пакистан! – повторила я. Мне понравилось это название.

– Да, Индия и Пакистан. И знаешь, какое животное эти великие народы обожествляют, тысячу раз благословляют, какое, наконец, животное у них священное?

– Лошадь! – воскликнула я.

– Да хватит уже думать о лошадях, дочка! Хватит! – рассердился Зануда. – Это священное животное – корова, – продолжил он затем спокойнее. – Вас называют Го, и вы занимаете в обществе то же положение, что и священнослужитель. Если корова уляжется на улице, никто ей не скажет, чтобы она убиралась, более того, все станут ждать, пока она не решит подняться. А между тем, люди дотрагиваются до этой коровы и затем подносят руку ко лбу в знак уважения. И послушай последнее: убивший корову будет повешен.

– Отлично, – согласилась я убежденно. Всё остальное мне казалось преувеличенным, но идея с виселицей была неплоха. – И как далеко находятся Индия и Пакистан? – спросила я, вспомнив о зубастых.

– Ничего не поделаешь, дочка, – объяснил мне Зануда, догадавшись, о чем я думала. – Они и в самом деле очень далеко. Зелёное Стекло и двое его подчинённых никогда туда не попадут. Хотя и правда то, что Швейцария ближе, ведь и в Швейцарии мы, коровы, кое-что значим, но не думаю, что получится повесить наших убийц.

Я молчала, достаточно удивленная. Индия, Пакистан, Швейцария – это были незнакомые мне страны; по всей видимости, страны гостеприимные.

– Вот так вот, дочка. Ты пребывала в неведении. Мир здесь не заканчивается, и у нас, коров – завидное положение. А теперь иди, дочка, и начинай вести себя здраво. Не играй со здоровьем, пренебрегая пищей.

Первый раз за долгое время я охотно последовала совету

Зануды и пошла в поля, поросшие зелёной травой.

Мало-помалу, по мере того, как вращалось Колесо Времени, в горах весна вступала в свои права. Все заросло травой и цветками – и эти траву и цветки я ела без остановки. Спустя где-то две недели я уже восстановила вес, потерянный за зиму, и у меня была уйма времени для отдыха. Для отдыха и размышлений, конечно же.

– Да уж, хороша эта история о Пакистане. Будучи коровой, я очень горжусь – сказала я себе как-то солнечным утром.

– Пакистан, Индия, Швейцария... – поправил меня Зануда.

– А как было в истории? Что с нами, коровами, было в течение истории? – спросила я как бы невзначай. На самом-то деле эта тема меня очень волновала ещё с начала весны. – Насколько мне рассказывали, нас нет в числе животных, которых рисовали люди в пещерах – добавила я. – Медведи есть, олени тоже, лошади есть, а нас нет. Почему же нет нас? Может быть, в древние времена нас не уважали?

Зануда взял паузу, чтобы ответить. Затем он сказал:

– С одной стороны, ты, дочка, права. В наскальных рисунках нас не бывает. Но учти, это очень древние истории, о времени, когда мир ещё был совсем на уровне Альфа. Но затем все изменилось. Мир начал свое великое движение к Омеге, и мы, коровы, вышли на первый план. В классической Греции, например. Ты не знаешь историю про Троию?

– Нет, пока нет.

– Все герои Греции участвовали в той войне, как афиняне Ахилл и Патрокл, так и спартанцы Аякс и другие. Они хотели завоевать город, называвшийся Троей. Но шли годы, а они не могли пройти

сквозь городские стены. Даже самому Ахиллу это не удавалось. И вот, что же они сделали? А построили гигантскую деревянную корову, ясное дело, Троянскую корову, и спрятали внутри неё множество воинов. А троянцы, как же поступили они, увидев подобную конструкцию?

– Не знаю.

– А они ввели её в город, потому что, на самом деле, им очень нравилось, как выглядела эта корова. Они считали, что это такая разновидность игрушки.

– И что же случилось потом?

– А то, что война закончилась, и Троя была завоёвана. Потому что воины, находившиеся внутри коровы, выждали до ночи и, выйдя из своего укрытия, открыли ворота остальным воинам. Вот такая история о Троянской корове.

– Троянская корова! – воскликнула я восхищённо. Эта история меня совершенно очаровала, и я в неё полностью поверила. Сейчас я знаю, что она была неправдой, но как можно было представить, что Зануда был способен солгать? Такая мысль мне и в голову не пришла.

Постепенно, и во многом благодаря помощи Зануды, я становилась самой собой и жила в приподнятом настроении до самого лета. Иногда я смотрела в сторону бурьяна и видела шесть чёрных точек, бегущих друг за другом: пять кабанов и La Vache. Но я редко о ней вспоминала.

Как-то ночью я принялась мечтать с открытыми глазами и поняла, что пребывание в горах для меня закончилось. Пришла пора уходить. Куда же? Это и представляло самую большую трудность. Десять раз я думала о Баланцатеги и десять раз отбрасывала эту мысль. Колесо Жизни не могло вращаться назад.

– Я пойду вниз с горы, а там уж подумаю, – сказала я самой себе в конце концов, ступая на тропинку. Эта тропинка привела меня к одиноко стоящему дому, и от этого одинокого дома, все расширяясь и расширяясь, к одной деревеньке. Дальше я пошла по асфальтированной дороге, которая шла от этой деревеньки, и дошла до некоего городка. Он казался красивым, с речкой, похожей на речку в Баланцатеги, и я решила остаться там жить.

Единственное, что было проблемой в этих краях для коровы, которая, подобно мне, жила вдали от мирского шума, было как раз отсутствие шума, невероятная тишина. Я хотела видеть людей, кур, свиней, других коров, кого угодно, мне нужно было хоть немного движения, бегающих детей, кошек, прыгающих по крышам, хоть чего-нибудь; но там ничего не было видно и слышно. Интересно, там кто-нибудь живет? – спрашивала я себя время от времени. И думала, что да, кто-то да живёт, потому что поля казались ухоженными. Если бы не пажитник и не клевер, которые – наконец-то, после такого перерыва! – я щипала по берегам речки, возможно, я и ушла бы в более оживленное место. Но корова жива не только бурлением жизни вокруг, и я решила остаться возле своих любимых кушаний.

Однажды днем, когда дело шло уже к вечеру, я почувствовала, что в поселке что-то происходит около одного из домов. Да, можно было не сомневаться, пел какой-то мужчина, и пел, кстати, достаточно хорошо. Услышав его и почувствовав, как по мне побежали мурашки, я вспомнила о Хеновеве и о пластинках, что она ставила в гостиной Баланцатеги. Сколько же времени я не слышала музыки! Сколько же времени прошло с тех пор, когда я впервые услышала звуки фортепиано! А если задуматься, как же жилось La Vache среди кабанов? За кабанам не замечено какого-либо увлечения музыкой...

Я выкинула эти мысли из головы и направилась туда, где пел мужчина, к пригорку, на котором рядышком стояли два дома. Мужчина стоял под балконом одного из домов и очень вдохновенно исполнял одну баскскую песню, в которой говорилось вот о чем:

Zü zira zü, ekhiaren paria,

Liliaren floria

Eta mirail ezinago garbia!

Ikhusirik zure begitarte

Elizateke posible, maitia

Düdan pazientzia

Hanbat zirade lorifikagarria!

«Ты словно само солнце /как настоящий цветок /словно чистейшее зеркало. /Если бы мне удалось увидеть твоё лицо / не было бы /у меня того терпения, которое есть сейчас. /Ты так достойна восхваления!»

Это был огромный мужчина, из тех, которые без всяких усилий управляют парой волов, но он проникновенно пел – наверное, потому, что это была песня о любви – очень нежным голосом. Казалось невероятным, что у этого увальня такой нежный голос.

Закончив пение, он стал смотреть вверх, словно ждал, что кто-нибудь выйдет на балкон. И действительно, за занавесками была видна тень или чей-то силуэт, и все это я – имея возможность видеть больше, чем он – могла спокойно рассмотреть. К несчастью, тень не выказывала намерения выходить на балкон, и мужчина почувствовал необходимость снова запеть:

Zü zira zü, ekhiaren paria,

Liliaren floria...

Но тень оставалась за занавесками. В конце концов, после пяти или шести повторений, мужчина сдался и ушёл в соседний дом.

«Слава Богу, что он живёт недалеко!» – подумала я.

Эта сцена повторялась каждый день, и каждый день я была среди зрителей, как и тень на балконе. Но хотя этот могучий мужчина и пел со все большим и большим чувством слова «zü zira zü ekhiaren paria, liliaren floria», тень даже не двинулась. Этот балкон походил на Трюю.

«Да она его просто презирает!» – думала я, глядя на тень, и, вспоминая былые времена, заключала сама с собой пари: спорим, что здоровяк утомится за три дня, не считая сегодняшней, и что до ближайшего понедельника запустит камень в балконное стекло.

Но здоровяк оказался мужчиной с огромным терпением и не прерывал свои выступления. Хотя, надо отметить, что он изменил песню. С необычайным воодушевлением он исполнял песню о восьми мельницах:

Zazpi eihera baditut erreka batean,
Zortzigarrena aldiz etxe saihetsean;
Hiru uso doazi karroza batean,
Hetarik erdikua ene bihotzean.

«У меня на речке есть семь мельниц / и восьмая рядом с моим домом. /Три голубки едут в карете. /Из них, та, что посередине, живёт в моем сердце».

Было понятно, что восемь мельниц – это много, но, казалось, что для тени на балконе это не имело никакого значения. Она

приближалась к занавескам, но никогда не показывалась из-за них. И так один день, другой. Ну и терпение у здоровяка! Будь я на его месте, я бы замычала и перебудила бы всех в посёлке. Но он был другим. Ему было достаточно петь и смотреть наверх.

В один прекрасный день, как в поговорке о том, что беда не приходит одна, пошёл дождь, и дни стали необыкновенно грустными. Здоровяк отразил удар. Он снова изменил песню и посвятил тени такие слова:

Xarmegarria, zure berririk,
Nehondik ez dut aditzen;
Ni zonbat gisaz malerusa naizen,
Ez duzia, ba, kontsideratzen?
Zutaz aiphatzeak, aditzeak berak
Bihotza deraut nigarrez urtzen.

«Жизнь моя, у меня нет от тебя новостей. /Может быть, тебе не важно, как я страдаю? /При звуках твоего имени моё сердце рыдает».

Это была невероятно тоскливая песня, и, возможно, именно поэтому тень появилась меж занавесок. Немного погодя, на словах здоровяка «Xarmegarria, zure berririk», совершенно неожиданно перед моими глазами пролетел листик с ближайшего дерева. Он мгновенно замолчал. Он понял, что лето прошло. Понял, что было уже ничего не поделать. Понял, что иногда мы остаёмся одиноки. Когда он это осознал, он повернулся на каблуках и вошёл в свой дом. Выступления здоровяка навсегда прекратились.

Но корова – животное, у которой есть обычаи, и я продолжила жить, как прежде. Каждый день, хорошенько подкрепившись пажитником и клевером, я приходила к балкону. Совершенно об

этом не подозревая, я закладывала основание для своего будущего.

Как-то был ветреный вечер в начале той осени. Я прогуливалась под балконом, где пряталась тень, когда внезапно на меня что-то упало. И не только упало на меня: оно там осталось, обвившись вокруг моей шеи.

– Корова, я испрашиваю у тебя прощения. Я не знала, что ты здесь, – сказал тот, кто был у меня на спине. Самой собой, это была та самая тень: очень маленькая и очень красивая девушка, по ней сразу было видно, что она превосходный косарь. Другими словами, это была Полин Бернадетт.

– Почему ты решила выброситься из окна? – спросила я у неё.

– Я не хотела выброситься, – заспорила она. – Такое поведение – против Бога. Я спрыгнула, потому что хочу уйти в couvent. Пьер хочет s'engager avec moi, мои родители хотят que j'engage Pierre, mais moi, я хочу уйти в couvent. Поэтому я сбежала, поэтому я здесь.

Она, что называется, крепко сидела на мне, и не намеревалась спускаться. В этот момент я поняла, что должны чувствовать лошади.

– Кажется, он неплохо поёт, – сказала я ей, вспомнив о Пьере.

– Неплохо? Да он лучший в Altzürükü и во всей Суль²⁰⁷! – воскликнула она. – Я ему тысячу раз говорила, если ты m'aimes²⁰⁸, Пьер, учись на prêtre²⁰⁹ и поступай в монастырь, чтобы служить la sainte messe²¹⁰, и таким образом мы всю жизнь будем вместе. Mais²¹¹ он говорит, что n'est pas la même chose²¹². Я не знаю, pourquoi²¹³ он это говорит.

²⁰⁷ Soule – провинция во Франции.

²⁰⁸ меня любишь

²⁰⁹ священник

²¹⁰ святую мессу

²¹¹ но

²¹² это не одно и то же

²¹³ почему

– Я тоже, – сказала я ей. Ведь, проведя столько времени в горах, я очень мало знала о жизни.

– А ты? D'où²¹⁴ ты сама? Ты не наша! И не Пьера!

– Конечно. Как сказал известный поэт, я нездешняя²¹⁵.

Полин Бернадетт задумалась. Потом сказала:

– Мне не хватает пожертвования, чтобы поступить в couvent, у меня его нет. Мои родители ничего и слышать не хотят о couvent.

Она не решилась больше ничего сказать, но я её поняла. Я подумала про себя: «Я не могу вернуться в Баланцатеги. Почему бы не пойти в couvent? К тому же, кажется, эта девушка – отменный косарь!».

– Если хочешь, мы пойдём сейчас же, – предложила я ей.

– Mil mercis²¹⁶, Мо! – воскликнула она.

– Как ты узнала моё имя?

– Я ведь un petit peu²¹⁷ пророчица, как святые.

«У этой тоже не все в порядке с головой, как и у La Vache, – подумала я. – Это, наверное, моя судьба – иметь дело с не очень разумными людьми».

В таких раздумьях я и отправилась в путь. На следующее утро мы обе были в couvent.

²¹⁴ откуда

²¹⁵ В оригинале Мо говорит: «No soy de aquí». Вероятно, это отсылка к эссе известного современного баскского поэта и писателя Йосебы Саррионандии «No soy de aquí» (в оригинале «Ni ez naiz hemengo»), написанном в 1985 году.

²¹⁶ огромное спасибо

²¹⁷ немного

9. Здесь заканчиваются эти воспоминания, по крайней мере, на сегодняшний день.

Послушай, дочка, разве теперь не пора? Не это ли самый удобный, правильный и подходящий момент? – однажды ночью во время молний и грома позвал меня Зануда, Голос или кто бы ни был этот мой внутренний старый знакомый, и затем велел мне писать эти воспоминания. Иными словами, я не могла покинуть этот мир, не оставив до этого свидетельства о себе.

Поначалу я работала неохотно и только для того, чтобы Зануда оставил меня в покое, но потом мне понравилось писать и вспоминать, и я полностью посвятила себя этому. Мне казалось, что так я облегчу боль и что, подобно тому, как плуг перепахивает землю, так и я приведу в порядок и оздоровлю свое душевное состояние. Строчка за строчкой, глава за главой – я бы находила ответы на все вопросы, и проявилась бы суть моей жизни.

Однако, как и большая часть вещей в этом мире, моё первоначальное намерение было иллюзией. Ведь, сколько бы кто ни пытался, перо не может продвигаться подобно плугу: оно не разрыхляет землю памяти по прямой линии, не пропуская мелочей, а пишет беспорядочно и неловко, далеко отбрасывая то, что сказать было нужно, и выпячивая то, что должно было храниться в секрете. Видна ли будет в этих воспоминаниях суть моей жизни? Не думаю. Я смотрю на то, что уже написала, и удивляюсь. Я не рассказала того, что намеревалась, но есть много чуждых мне соображений. Например, только-только начав, я написала, что, если бы могла, вернулась бы в Баланцатеги, но не могу представить более лживого признания. Вернуться в Баланцатеги? Ни за что на свете. Мне куда лучше живется в couvent с Полин Бернадетт.

Но хуже всего не то, что, несмотря на всё, есть много неточностей или неправды; это, наверное, свойственно всем воспоминаниям. Хуже всего то, что, если вспоминать и переносить на бумагу воспоминания, это никак не облегчает душу. Количество вопросов не сокращается, а увеличивается, печаль становится явственнее. Если бы мы, коровы, были яблоками, мы бы поспевали на ветке, и в этот самый момент – ответив себе на все вопросы – падали бы на землю. Но мы не яблоки, мы не спеем и не созреваем, и, упав с ветки, полны тревоги, как тот, кто ещё не созрел. Как говорится в изречении:

Старые коровы слишком быстро умирают.

Я могла бы сказать это иначе: когда Колесо Времени совершает оборот, большой или маленький, который до того скрывало от нас, наше Колесо Тайн едва покрывает участок пути. Ответы и объяснения, о которых мы попросили, глина, которую мы хотели собрать в своих руках, чтобы придать форму реальности нашей жизни, все это и многое другое – это будет уже не для нас.

Я перечитываю написанное, и моя голова полнится вопросами: что же стало с Хеновевой? Её выпустили из тюрьмы? А лес в Баланцатеги, вырос ли он заново? Получил ли по заслугам Зелёное Стекло? А La Vache? Что, интересно, сейчас делает La Vache? Она ещё жива?.. Много вопросов, слишком много, и, однако, это ещё не все. Например: что есть я помимо того, что я корова? Почему я здесь? Этот Зануда, что говорит со мной изнутри, что именно это за голос? Просто, несмотря на то, что Полин Бернадетт мне говорит то же самое, что та корова по имени Бидани, а именно, что это голос Ангела-Хранителя, у меня не получается в это поверить. Иногда я думаю, что это я сама, и что на самом деле у меня два голоса, внутренний и внешний. Даже при прочтении этих воспоминаний именно это

объяснение кажется мне наиболее верным. Но, конечно, нет возможности полностью это понять.

Выходит, от этого не легче, воспоминания и намерение перенести их на бумагу не снимают с плеч никакой груз. Напротив, этот груз увеличивают.

– Мо, что это с тобой происходит в последнее время? – сказала мне на днях Полин Бернадетт, когда мы были в огороде *couvent*, она вытаскивала морковки, а я их пробовала.

– В последнее время я вижу, что ты *très desolée*²¹⁸, – добавила она.

– Со мной ничего, *Sœur*. Просто я старею. И как однажды пел Устапиде²¹⁹, у старого дерева нет ничего, только сухие ветки и сухая густая листва.

– Да ты шутишь, Мо! – воскликнула она, давая мне маленькую морковку. – Ты не старая, совершенно нет. Вспомни, как ты шла в тот день, когда мы пошли к Альцюрюкю. *Mais non*²²⁰, это не то, что с тобой происходит. Ты думаешь о другом.

– Да, это правда, – признала я и затем упомянула об усталости, что влекут за собой воспоминания. О том, что эти воспоминания неправдивы, и этот вопрос меня очень беспокоит. – Поэтому я так подавлена, – договорила я.

– Ты шутишь, Мо, – засмеялась она, не поднимая головы от морковных грядок. Я знаю, что ты писательница *courageuse*²²¹, но что до такой степени! Нет, нет, у тебя что-то другое в голове!

²¹⁸ очень опечалена

²¹⁹ *Uztapide* – прозвище известного баскского поэта – импровизатора и писателя Мануэля Олайсолы Урбьеты (1909-1983). (URL: <https://es.m.wikipedia.org/wiki/Uztapide>; дата обращения 18.04.2021).

²²⁰ но нет

²²¹ храбрая

Уже много лет мы с Полин Бернадетт ходим вместе, и она меня хорошо знает, лучше, чем кто-либо. Я засомневалась, говорить правду или нет.

– Говори, Мо, – сказала она, оставив морковь. Она сложила руки и стала ждать.

– Так вот, загвоздка в том, что внутренний голос велел мне вспомнить, обдумать пережитое. «Ты находишься в зрелом возрасте, и уже пора», мне сказал тот внутренний. «Уже пора писать воспоминания», сказал он мне. Поначалу я ничего не заподозрила, но сейчас, в последнее время, я поняла, что это ужасное поручение. Ведь, в самом деле, когда пишут воспоминания? Как раз дойдя до последнего поворота дороги. И вот отсюда мои страхи, *Sœur*. Что произойдёт в тот день, когда я закончу воспоминания?

Вот такая была правда. Я опустила голову.

– А до сих пор, Мо, сколько ты уже перенесла на бумагу?

– Ну, до прибытия в монастырь.

– *Helás! Très bien!*²²² – вскрикнула она, пнув морковку. – Совершенно ясно, что ты должна делать! Больше не писать, Мо, не писать больше! Умолчать обо всем, что с тобой случилось в *couvent!*

– Но это невозможно Полин Бернадетт. Мой внутренний голос приказывает мне писать.

– Да, *bien sûr*²²³, но голос, наверное, требует, чтобы ты писала *très bien*²²⁴. А что нужно делать, чтобы писать *très bien*?

– Кто его знает!

– Исправлять, Мо! Доводить до блеска, Мо! Совершенствовать,

²²² ух, очень хорошо

²²³ конечно

²²⁴ очень хорошо

Мо! И это то, что ты должна делать, если хочешь прислушиваться к своему внутреннему голосу: исправлять, доводить до блеска и совершенствовать все, что уже написано. Знаешь, сколько лет понадобилось святому Августину, чтобы исправить, довести до блеска и усовершенствовать свою «Исповедь»?

– Нет, не знаю.

– Десять лет, Мо! Десять лет!

Услыхав это, я вздохнула спокойнее.

– А потом? Что с ним стало? Он умер? – захотелось мне узнать.

– Вовсе нет! Проведя десять лет вот так исправляя, доводя до блеска, совершенствуя, он начал вторую часть своей «Исповеди». А сейчас прости, Мо, но я должна вернуться к работе.

Сказано – сделано, маленькая монахиня принялась класть морковь в свою корзину. Что до меня, то я успокоилась, и дышалось мне лучше, чем прежде. Затем я пошла и улеглась на газон в монастырском саду, приняв решение: я буду исправлять, доводить до блеска и совершенствовать первую часть своей жизни. Когда-нибудь, в случае необходимости, я, может быть, продолжу оставшееся. Как говорится в пословице:

Живя на воле, корова не спешит.

